Татьяна Андрианова

Адские поиски

Если принц сбегает из-под венца, значит, он кому-то еще нужен?..

SHOUT
SHARE
IT

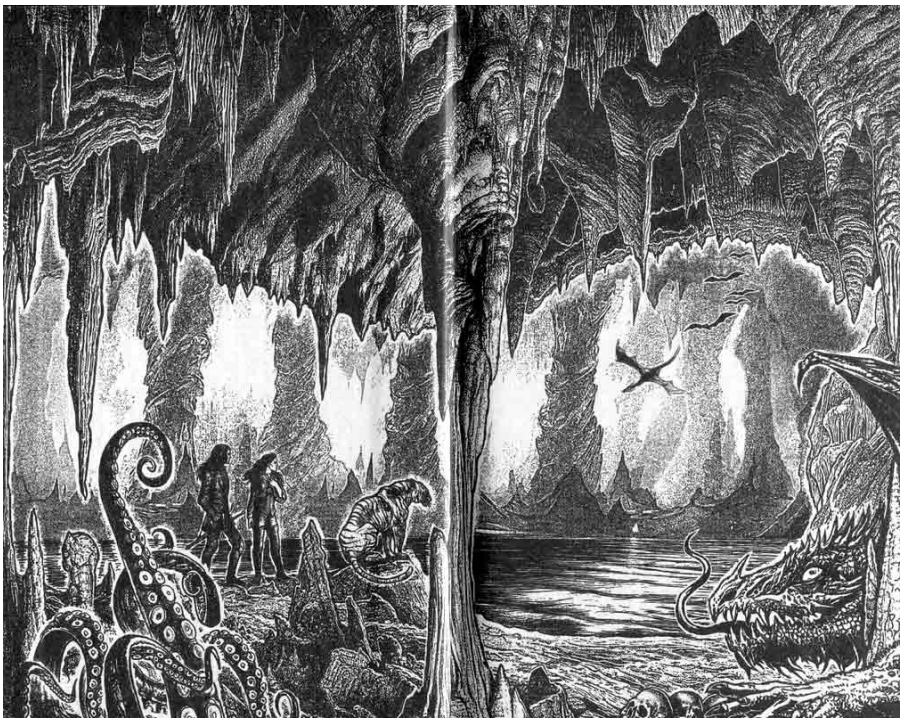
Annotation

Тяжело разыскивать по всему миру членов правящей эльфийской семьи, особенно если мир изначально не твой.

Неизвестно, куда могут завести эти поиски. А главное, непонятно, с чего их начинать. Дело это сложное, неизведанное, не всякий сыщик справится так, чтобы и принца с принцессой обнаружить, и скандала политического избежать. Ведь принц сбежал из-под самого венца, а принцесса Норандириэль, по чьей просьбе и затеяли эти поиски, исчезла в неизвестном направлении. Пришлось мне полагаться на идею шпиона Темного двора, раз своих идей на этот счет не было. Даже если следы приведут меня в сам ад — это меня не остановит. Когда меня смущали подобные мелочи? Ведь еще моя классная руководительница говорила: «От тебя, Погорелова, чертям в аду тошно будет!» Главное, чтобы ее слова оказались пророческими. А это значит, что будут адские поиски.

- Татьяна Андрианова
  -
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ЭПИЛОГ

Татьяна Андрианова
АДСКИЕ ПОИСКИ



ГЛАВА 1

Я сидела у костра и смотрела на весело потрескивающее пламя. Хорошо огню — ему не холодно. В Урдальских горах царила зима, властвовала всецело и безраздельно. И хотя меня честно предупреждали об этом, я все равно чувствовала себя обманутой. Понимаю, что глупо, но ничего с собой поделать не могла. Как так получилось, что я, менеджер по продажам Вероника Погорелова, оказалась в Урдальских горах в компании охотницы за головами, темного и светлого эльфов, двух эльфийских изгоев из клана Зрящие в ночи, мечтающего стать охранником караванов парня, клыкастой лошади, называемой левбай, тигра и двух вредных, но одушевленных клинков? Сама удивляюсь.

А началось все с того, что я решила отпраздновать Новый год. Желание в принципе если не похвальное, то, во всяком случае, нормальное. Большинство людей именно так и поступают в ночь с тридцать первого декабря на первое января. Обычай у них такой. Я решила не отставать от всех и поддержать сложившуюся традицию распитием бутылки шампанского и новогодним банкетом на одну персону. То есть я собиралась веселиться в полном одиночестве. И мне это удалось. Машина застряла в сугробе, и веселье началось. Я решила срезать путь до собственной дачи и умудрилась заблудиться. Пришлось праздновать в полночь, распивая спиртные напитки в сугробе под елью. Как позитив, в этой ситуации у меня была огромная ель — живая и настоящая.

К моему удивлению, утро я встретила уже летом и в параллельном мире. Я, конечно, и раньше слышала о вреде распития алкогольных напитков в одиночку, но и не подозревала о подобном эффекте. Да и хотелось бы, чтобы меня встретил прекрасный принц на белом коне, но и тут вышла промашка. Вместо принца были мрачные типы самого разбойного вида и похищенная ими эльфийская принцесса. Принцессу я спасла, а она предложила помочь ей спасти и ее брата-принца, раз уж у меня это так хорошо получается. Примерно в то же время мы помогли одной охотнице на нежить разрешить сложную для нее ситуацию с недобросовестными заказчиками, и она присоединилась к нашему безумному предприятию.

Первая попытка обернулась провалом. Мы помогли сбежать принцу вампиров города Турбова из тюрьмы, из которой, как до этого считалось, не было ни одного побега. Но мы не отчаялись. Один королевской крови вампир лучше, чем вообще ничего. Но

это было вовсе не то, на что мы рассчитывали.

Надо нам отдать должное — мы не сдались. Упертые мы девочки. Первая неудача только раззадорила нас. Мы притворились танцовщицами для мальчишника искомого принца, справедливо полагая, что, раз праздник устраивается в его честь, он точно там будет. Мы пересекли колдовскую пустошь, где нас бросил караванщик, мы дрались с нежитью, откопали двух эльфов из песка и добрались до места назначения, несмотря ни на что. А этот принц умудрился дать деру с собственного мальчишника. Ну и кто он после этого? Пока я развлекала эльфов эротичными танцами живота, подруги вместо него притащили двух эльфов, один из которых к тому же оказался шпионом Темного двора. Вот уж никогда не думала, что шпионы могут быть официально аккредитованы. Странные эти эльфы. Все у них не как у людей.

По ходу наших приключений в мой адрес поступило несколько предложений о работе. Плюс ко всему оказалось, что у меня дар разговаривать с некоторым холодным оружием, а два клинка, доставшиеся мне оптом вместе с боевым тигром от одного прекрасного даже по эльфийским меркам эльфа, вообще заткнуть нереально. Теперь у меня была пара болтливых мечей и боевой тигр с потрясающим, белым с голубым отливом, цветом шкуры. Ах да, еще мертвый эльф повадился являться ко мне во сне и интересоваться моим местонахождением. Короче, жизнь моя становилась все страннее и страннее. Создавалось впечатление, что в этом мире я умею делать кучу вещей, даже танцевать танец живота на мальчишнике, если очень надо, только не могу вернуться домой. А вот этого-то как раз мне хотелось больше всего.

В довершение всех бед у нас украли принцессу.

И кто меня осудит за то, что при этом «замечательном» известии у меня случилась истерика? Впрочем, не у меня одной. Все дружно утешали меня и Лиссу, причем в процессе утешения умудрился поучаствовать даже плененный светлый лорд Эллэн, крепко привязанный веревкой к стулу. Думаю, он делал это не по доброте душевной, а просто хотел, чтобы мы наконец заткнулись.

Душевное спокойствие и готовые лопнуть барабанные перепонки присутствующих неожиданно спас темный лорд Тиррэль, предложив свою посильную помощь в поисках пропавшей принцессы. Красивый жест пленника поразил собравшихся до глубины души. Один лорд Эллэн, видимо в принципе не терпевший темных эльфов, преисполнился скептицизма до кончиков блондинистых волос.

— Конечно, давайте доверимся шпиону темных! Он нас сдаст гребцами на первую встречную галеру.

В ответ официальный шпион иронично хмыкнул:

— Вы что-то путаете, светлый лорд.

«Светлый лорд» в его исполнении прозвучало невыразимо презрительно. Уважаю. И вроде не нахамил, а эффект получился, как от удара перчаткой по лицу.

— Это вы собирались продать этих милых леди в рабство. А я только лежал с ними в вашей постели. И заметьте, был полностью одет. Хотя теперь мне и досадно.

— Вот-вот. Вы, лорд Тиррэль, растлитель!

Лорд Тиррэль снисходительно усмехнулся, как терпеливый учитель, которому в двухсотый раз приходится объяснять первоклашкам, как именно пишется сложная прописная «ж».

— Можно подумать, вы свою леди приводили для совместного прочтения произведений современных поэтов. Но коль мы перешли на личности, то вы хоть и светлый лорд, а за свой паршивый ковер любого продадите.

— Мой ковер не паршивый! — истерически заверещал лорд Эллэн, но тут его взгляд упал на коврик в нашей комнате. Он узнал недостающий фрагмент так горячо любимого шерстяного покрытия своей спальни, издал нечто среднее между стоном и плачем, после чего впал в ступор и окончательно перестал быть нам полезным.

— Ладно. Уговорил, черт языкастый. Излагай, — милостиво кивнула я.

— Ника, ты ему веришь?! — изумилась Лисса.

— Нет, — честно призналась я. — И темному лорду следует быть очень убедительным.

Лорд Тиррэль усмехнулся с таким видом, словно заранее ожидал именно такой реакции. У меня просто руки зачесались от непроизвольного желания съездить по его смазливой физиономии. Невероятным усилием воли я сдержалась и даже спокойно уселась напротив, хотя хотелось рассерженной тигрицей метаться по комнате и рвать на себе волосы от отчаяния.

— Вам придется меня развязать, — еще более самодовольно улыбнулся этот наглец. — Иначе ничего не получится.

— С какой стати мы станем это делать? — прорезался Скворчащий Животик.

Арагорн одернул ученика, чтобы не лез поперед батьки в пекло, но тут же вмешался сам:

— Действительно, вы вполне можете презреть любые клятвы, данные под давлением в плену, и тут же отправиться с докладом к отцу Норандириэли. Получите за наши головы кругленькую сумму и с чистой совестью будете дальше жить при дворе очень

богатым придворным. Зачем вам нам помогать? В чем ваша выгода?

— Вы правы. Я далеко не бескорыстен. Как уже упоминал ранее, информация — мой хлеб. А тут я получаю полный эксклюзив на похищение принцессы и даже смогу поучаствовать в поисках. А значит, информация будет из первых рук. Когда еще представится подобный случай?

— В этой семье? — хихикнула Лисса. — Да сколько угодно. Старший принц в розыске за убийство собственной любовницы, и за его голову назначена кругленькая сумма. Сама видела. Младший сбежал практически из-под венца. А принцесса похищена непонятно кем. В жизни не слышала, чтобы с членами правящей семьи случалось столько неприятностей сразу.

— Ничего странного, — ничуть не смутился лорд Тиррэль. — У любой династии найдется пара-тройка семейных скелетов в шкафу. Просто их более тщательно скрывают. Кому нужны скандалы? Думаете, кто-нибудь в курсе, что принцессы нет во дворце? А о ее выходке с танцами на мальчишнике своего младшего брата разве упомянут в семейных хрониках? И про то, что принц сбежал, тоже скроют.

— Интересно — как? — удивилась я. — Допустим, если вскроется отсутствие принцессы, это спокойно можно объяснить, например, внезапным приступом благочестия и поездкой в отдаленный монастырь, дабы достигнуть просветления и вершин медитации. Но у принца скоро свадьба. И его отсутствие на собственной свадьбе не может пройти незамеченным.

— Это тоже несложно. Завтра объявят, что принц, воспылав нежной страстью к своей прекрасной невесте, дал какой-нибудь предсвадебный обет в честь своей суженой, дабы доказать всему миру, что он достоин назвать ее своей женой. И, разумеется, он не сможет вернуться, пока не совершит какой-нибудь подвиг. Половина придворных умилятся романтическому жесту жениха. Вторая половина сочтет его выходку милым чудачеством молодого влюбленного эльфа. В любом случае объяснение устроит абсолютно всех.

— А как же невеста? — поинтересовалась Лисса.

— Невеста будет молчать. Пусть она пока не жена, но быть невестой наследника тоже прекрасный статус, дарующий множество привилегий. Если же она откроет свой прелестный ротик, разразится грандиозный скандал и ей придется пожинать последствия.

— Например?

— Например, все станут хихикать за ее спиной, сочинять колкие эпиграммы и насмешничать. Как ни крути, а жених ее

бросил накануне свадьбы, а это даст повод для разнообразных домыслов. В конце концов, ей придется принять ответные меры. К слову, войны разгорались и из-за более пустячных поводов.

Признаюсь, политика меня никогда особо не интересовала. А хитросплетения эльфийского двора волновали и того меньше. Куда больше я желала получить ответ на простой, но животрепещущий вопрос: «Что делать?» То, что нам следует отправиться на поиски пропавшей, — это ясно. Не бросать же ее в беде. Как-никак столько пережили вместе. Вопрос только: где ее искать? Интересно, сколько здесь стоит нанять частного сыщика? Гонорара за выступление нам хватит?

— Хорошо. Допустим, мы вас развяжем…

— Ника! Ты с ума сошла? — воскликнула Лисса. — Он же нас точно сдаст.

— Я сказала — допустим. Это вовсе не значит, что я брошусь развязывать веревки по первому требованию.

— Жаль. Руки, между прочим, сильно затекли, — пожаловался темный лорд.

Я тяжело вздохнула. Бросить их тут, что ли? Представляю лицо прислуги, когда она обнаружит эту парочку здесь.

— Как вы собираетесь помочь?

— Я могу провести небольшое расследование. Но в обмен на эту услугу вы возьмете меня с собой.

— Нас, — вынырнул из прострации лорд Эллэн, — вы возьмете нас обоих. Иначе я молчать не стану. По вашему следу пустятся лучшие ищейки правителя. Думаете, вы долго протянете после этого?

— Ну вы и хамы, — опешила от такой наглости я. — А что мешает мне провести собственное расследование, а вас убить, расчленить и сбросить изуродованные трупы в озеро по частям?

Лорд Эллэн уставился на меня с таким ужасом, словно сзади меня стоял огнедышащий дракон и угрожал сжечь весь город. Лорд Тиррэль откровенно забавлялся ситуацией. На редкость жизнерадостный тип. Ну кто, скажите на милость, веселится, когда ему угрожают расчленением? Только идиоты.

— Леди, какое расследование? Какое расчленение? Вы же не можете просто ходить по дворцу и расспрашивать всех встречных о принцессе.

— Допустим. Но мы все равно можем вас убить.

— Маловероятно. Если бы вы были способны на хладнокровное убийство, сделали бы это давно, а не вели светскую беседу. И спрашивали бы только после каленого железа и иголок под ногти.

— Каленое железо, фи… — Я скривилась, как от зубной

боли. — Предпочитаю «испанский сапог».

— А что это такое? — заинтересовался темный.

И я рассказала, смакуя подробности, насколько помнила это милое орудие инквизиции по роману «Собор Парижской Богоматери».

— Как вы можете так спокойно рассуждать о пытках! — ахнул светлый лорд, возмущенно тряхнув блондинистой головой, как застоявшийся конь — гривой. — Все-таки вы, темные, такие грубияны!

— Можно подумать, у светлых нет пыточных подвалов, — скептически хмыкнул лорд Тиррэль. — Слыхал я про местных умельцев. А если о пытках не говорят вслух, это не значит, что их нет.

Круто. Только средневековой инквизиции нам не хватало.

— Так, народ. Не отвлекаемся от темы. — Я резко щелкнула пальцами перед эльфийскими физиономиями для привлечения их внимания. — Давайте сначала разберемся с насущными проблемами, а потом вы двое сможете спокойно поплеваться или помериться чем-нибудь на выбор в ближайших кустах и доказать друг другу, чьи в лесу шишки.

— Я весь внимание, леди, — насмешливо протянул темный.

— Вот и хорошо. Уговорили. Я отпущу вас.

Все загалдели сразу, уговаривая меня не делать глупостей, не верить эльфам вообще и мужчинам в частности и прочее в том же духе. Я пыталась перекричать окружающих, но, думаю, здесь могла помочь только очередь, выпущенная вверх из автомата Калашникова. Но такое оружие тут еще не изобрели. Положение, как обычно, спас Тиграш. Грозный рев боевого тигра поможет заткнуть кого угодно. Инстинкт самосохранения никто не отменял. Вот и славно.

— Не волнуйтесь, народ! — вещала я в наступившей тишине, протянув руки к внемлющей пастве. — Гарантирую, если этот придурок вздумает нас обмануть, Тиграш его сожрет раньше, чем нас бросят в пыточные застенки.

— А можно нас не будут бросать ни в какие застенки? — шмыгнул носом Скворчащий Животик. — И вообще, там сыро, и я могу простудиться насмерть…

— А на песок у тебя аллергии нет? — мило поинтересовалась Лисса, сверкнув в сторону темнокожего ученика рыжеволосого эльфа изумрудными глазами.

— Есть, — гордо выпятил грудь эльф.

— Так зачем же ты в пустошь потащился? Сидел бы себе в своем клане и не морочил голову порядочным девушкам, — заявила наша прекрасная колдунья. — Ника, пожалуйста,

продолжай. Только можно все-таки как-то обойтись без ржавых цепей и палача?

— Хотелось бы, — тяжело вздохнула я. — Но это нереально. Ладно. Не будем думать о нашем возможном печальном будущем, полном боли и страданий. Вернемся к нашему не менее трагичному настоящему. Лорд Тиррэль, вы свободны. Искренне надеюсь, что темный лорд слов на ветер не бросает.

— Надейтесь, надейтесь, — насмешливо фыркнул лорд Эллэн, тряхнув своей блондинистой головой. — С удовольствием полюбуюсь на ваши головы на кольях над воротами Вольтурнуиэля.

Я как можно безразличнее пожала плечами. Странное представление у светлых эльфов об украшении своего града.

— Арагорн, освободи, пожалуйста, нашего милого темного лорда. Думаю, тебе стоит сопровождать его в поисках. Во дворце неспокойно. То и дело кого-то похищают.

При этих словах лорд Тиррэль поморщился. Заметив мою удивленно выгнутую бровь, он пояснил:

— Пол холодный.

Я посмотрела вниз на его ноги и только сейчас заметила, что шпион бос. Куда подевались его сапоги — непонятно.

— И что? Мне тебе тапочки принести?

— Я бы не отказался. А вы можете? — очаровательно улыбнулся он.

Невероятным усилием воли я задушила желание вздуть хорошенько нахала, и даже умудрилась улыбнуться ему, хотя улыбка вышла похожей на оскал голодной волчицы.

— Не искушайте меня, темный лорд. Я еще могу передумать.

Лорд Тиррэль улыбнулся. По выражению его породистого лица нельзя было определить, что именно он предпримет: пойдет и разузнает все о нашей пропавшей подруге или сдаст нас первому попавшемуся стражнику — просто ради того, чтобы увидеть, что мы предпримем дальше. Все-таки странные ребята эти эльфы. Хотя, когда живешь на свете неопределенное количество лет, поневоле в голове заведутся упитанные породистые тараканы.

Как бы то ни было, освобожденный темный лорд отвесил нам один из самых грациозных поклонов, который мне доводилось видеть, развернулся и вышел за дверь. Арагорн отсалютовал рукой и последовал за бывшим пленным.

— Надеюсь, мы не пожалеем об этом, — тихо прошептала Лисса.

— Не попробуем — не узнаем, — кивнула я. — Но нам нужно переодеться и сложить вещи к отъезду. В любом случае придется

покинуть дворец. Не будут же нас терпеть здесь вечно.

— Вы доверились темному лорду. Наверняка он вас уже предал, — презрительно скривился лорд Эллэн и сплюнул, но попал на кусок, вырезанный неизвестным из его любимого ковра, и загрустил.

А мы стали собираться в путь-дороженьку. Первым делом выставили за порог всех особей мужского пола, включая затосковавшего лорда Эллэна. Последнему, кстати, в виде бонуса позволили взять с собой коврик, хотя для этого пришлось двигать кровать. Но широту нашего жеста почему-то не оценили: водворили перворожденного обратно вместе с мебелью и произведением неизвестных ковровых дел мастеров, мотивировав поступок тем, что присутствие связанного эльфа в коридоре может вызвать массу вопросов у местной прислуги. Как будто толпа народа, вместе с боевым тигром подпирающая дворцовые стенки возле комнаты танцовщиц, меньше шокирует обслуживающий персонал. Ну и как теперь прикажете переодеваться, когда на нас с высокомерным видом взирает перворожденный, пусть и привязанный к стулу, но выглядевший как император, к которому прорвалась делегация варваров с дубинами наперевес.

Впрочем, Лисса нашла быстрое решение возникшей проблемы: просто сорвала покрывало с кровати и накинула плотную материю неопределенного цвета на золотоволосую голову лорда.

— О боги! Что за грязная тряпка?! — завопил тот.

Но в ответ Лисса только холодно усмехнулась. Понятное дело, светлый лорд не мог насладиться выражением лица колдуньи, так как окружающий его мир поглотила темнота.

— А этот вопрос скорее к местной горничной. Мы обстановку не выбирали, нам она досталась вместе с комнатой.

Как ни странно, лорд Тиррэль вернулся в гордом одиночестве (если не считать сопровождавшего его Арагорна) — сколько я ни всматривалась в подозрительно пустой коридор, стражи не обнаружила, — и принес не очень утешительные новости. Почему не очень? Просто с его слов выходило, что наша прекрасная принцесса удалилась с не менее прекрасным незнакомцем по доброй воле. Те, кто ее видел в последний раз, сходились во мнении, что леди выглядела если не счастливой, то, по крайней мере, не визжала, не упиралась, не ругалась — словом, никак не проявляла недовольства своим спутником. И это известие не могло не вселить в наши переполненные тревогой души некоторую надежду на то, что подруга жива и с ней не случилось ничего дурного. Ну заболталась с красивым парнем. С кем не

бывает?

Но была и плохая новость. Это уж как водится, плохое известие нередко следует за хорошим, так что у нас был полный комплект. Парочка удалилась через портал, воспользовавшись амулетом перемещения, и теперь могла уединиться в любом уголке Авалонии. А это делало шансы на благополучный исход наших поисков равными нулю. Это эльфы живут долго и вполне могут позволить себе потратить парочку-другую столетий на поиски. Человеческой же части нашего отряда была недоступна подобная роскошь, и потому наши шансы на успех стремились к отрицательным величинам.

— Вот черт! — потрясенно выдавила я и разъяренной тигрицей заметалась по комнате. — Эта семейка разбегается в разные стороны быстрее тараканов. И как теперь прикажете ее искать?!

— Да и можем ли мы доверять словам темного эльфа? — мило подлила масла в огонь Лисса.

— Леди, — мученически вздохнул лорд Тиррэль, — а вам-то чем успели насолить мои собратья? Или мамочка любила рассказывать на ночь леденящие душу сказки про встречи людей с темными? Боюсь, разочарую вас, леди, но я вырос на несколько иных сказках. В них ведьмы заманивали в лес маленьких детей, откармливали и съедали. И тем не менее я не тыкаю вас носом в эти небылицы каждые пять минут. Хотя, судя по всему, должен был давно оскорбиться и предать в руки местной страже. А вместо этого благоразумного поступка стою здесь и пытаюсь уговорить отправиться на поиски, которые, к слову, затеяли вы, а не я.

— На поиски? — скептически фыркнула я. — Вы узнали, куда ведет телепорт? Потому что в противном случае нет смысла затевать розыск. Мы можем искать вечность и при условии, что Норандириэль любезно подождет, сидя на одном месте до окончания наших метаний.

— С телепортом небольшая проблема. Чтобы его проследить, нужен маг, а я не силен в магии вообще и в пространственной магии в частности. Но у меня есть план.

— Кто бы сомневался, — преисполнилась иронии Лисса, заслужив полный сарказма взгляд темного лорда. — Наш темный лорд полон всяческих идей.

— Уверен, это дурацкий план, — внес свою лепту лорд Эллэн, который демонстративно дулся с тех пор, как с него сняли покрывало.

Иногда он даже чихал и надрывно кашлял, намекая на невероятный вред его хрупкому здоровью, нанесенный

унизительным пребыванием под покрывалом, подобно слишком разговорчивому попугаю в клетке. Его критика прозвучала бы гораздо весомей, не будь светлый привязан к стулу.

— Уж какой есть, — окрысился Тиррэль. — Если светлый лорд сумеет предложить что-нибудь более интересное, я всегда готов выслушать его любопытный замысел. Если же нет…

— Предлагаю вам обоим заткнуться! — рявкнула я. Признаться, эта грызня уже порядком достала. — Если у вас, темный лорд, есть дельное предложение, говорите сразу и без долгих утомительных прелюдий, иначе мы рискуем неделю ходить вокруг да около и так ни к чему и не придем.

— Хорошо. Буду краток. Мне удалось раздобыть медальон принцессы. Только не спрашивайте, на что пришлось пойти, чтобы сделать это, но теперь мы сможем обратиться за помощью к великой Арданассак.

— К кому?! — дружно спросили все, кроме лорда Эллэна, у которого сделалось такое выражение лица, словно он съел кило лимонов разом и теперь не знал, стоит ли начинать плеваться или же следует выпить ведро воды залпом.

— Ведьма, — презрительно сплюнул он.

— Попрошу без глупых нападок в мою сторону, — тут же надулась Лисса, зачислив выпад светлого на свой счет. — А то не посмотрю, что лорд, жахну фаерболом, мало не покажется.

— Леди, это не о вас, — саркастически хмыкнул темный. — Арданассак — ведьма, живущая в Урдальских горах. Как вы понимаете, мы не можем просить о помощи местных магов. Они лояльны к правителю, а потому тут же доложат ему о необычной просьбе. Арданассак же вполне может узнать местонахождение эльфийки по ее медальону.

— А чем расплачиваться будем? — поинтересовалась я. — Как я понимаю, такие услуги даром не оказывают.

— Медальон и отдадим. Он золотой, украшен драгоценными камнями — должно хватить.

— Думаете? — Лорд Эллэн скривил в усмешке красиво очерченные губы. — Слышал, ведьма сама назначает цену, и не всякому она нравится.

Но его слова проигнорировали. Проблемы стоит решать по мере их поступления, а прежде чем выплачивать Арданассак заслуженный гонорар, ее надо сначала найти.

Надо отдать должное лорду Тиррэлю: он умудрился собрать группу в поход в рекордно сжатые сроки. Ему бы в турфирме работать — запросто втюхает самый стремный тур, и туристы его же и благодарить станут за несказанное одолжение и заботу о расширении их кругозора. Вот так мы и оказались всей честной

компанией в Урдальских горах. Паланкин, услужливо одолженный одним не в меру женолюбивым джинном, пришлось отослать владельцу. В горах не было достаточно надежной тропы, чтобы по ней смогли пройти четверо носильщиков. А жаль.

Почему великая Арданассак проживает в богом забытой дыре, еще можно было объяснить чрезмерной назойливостью страждущих получить консультацию. Вон к Ванге народ толпами валил. Вопрос только в том, почему при такой популярности к ведьме нужно было тащиться какими-то козьими тропами без малейшего намека на дорогу? Этого объяснить никто не мог.

Еще одной неожиданностью нашего вынужденного путешествия явилось то, что все дружно не хотели готовить, и, чтобы не умереть с голоду, решили озадачить того, кому не повезет встать первым. Мол, ранней пташке и готовить весь день. В итоге все упорно лежали до последнего, пока мороз окончательно не выстуживал воздух под одеялами, под носом не начинали расти сосульки, а уголья погасшего за ночь костра не тухли окончательно и бесповоротно. Выбираться из-под одеял приходилось в еще больший холод всем, кроме меня. Я оказалась самой везучей в отряде, так как каждую ночь засыпала в теплой в буквальном смысле этого слова компании тигра и левбая. Две грелки с двух сторон вызывали в моих товарищах нездоровое чувство зависти. Меня начали тихо ненавидеть. В ответ я только пожимала плечами. А нечего вести себя как семилетние дети. В конце концов, я не обязана терпеть лишения, если могу их избежать.

Слишком поздно я поняла, что спутники решились на ответный ход. На одной из стоянок лорд Тиррэль гордо и важно возвестил об острой необходимости ночных дежурств. Мол, горные тролли в горах встречаются, а они имеют дурную привычку хватать путников за ноги, бить головой о скалы, затем раздирать на куски и поедать. Возможно, они поступали так потому, что при их огромном росте и специфическом запахе охотиться на зверей практически невозможно. К тому же горные тролли луками не пользовались, а предпочитали здоровенные сучковатые дубины. На мой взгляд, крайне неразумный выбор метода охоты. Куда проще убить горного козла стрелой из лука, чем скакать за тем же козлом по горным кручам с дубиной наперевес. Но это к слову.

Распределение очередности дежурства предоставили жребию. Как ни странно, честь дежурить последней, а значит, и готовить друзьям завтрак с удивительным постоянством выпадала мне. Просто поразительное совпадение, на мой взгляд. Ну не могли же мои спутники мухлевать… Или могли? Да нет. Вряд ли. Не

мазохисты же они в самом деле. То, что я умею приготовить на костре, не всякий голодный сумеет съесть. В итоге плюнула я на это неблагодарное занятие и просто отправляла на вахту Тиграша. Никому и в голову не пришло заставить кашеварить боевого кота. Хотя… С его талантами не удивлюсь, если он сумеет сварить похлебку лучше, чем шеф-повар элитного ресторана.

Но народ тут же принялся роптать. Мол, и дежурить я не дежурю, а нагло дрыхну у теплого бока левбая, и лучше всех высыпаюсь, и по горам передвигаюсь верхом на тигре, который в отличие от лошадей смотрит под ноги и не оступается, грозя скинуть седока в пропасть. Неблагодарность окружающих больно ранила мою нежную и трепетную душу. К тому же инициатором похода была не я, но лорда Тиррэля, бодро и весело ведущего нас неизвестно куда, не винил никто. Обидно.

Мы с лордом Тиррэлем достигли договоренности. Как самая хорошо высыпавшаяся, я помогала ему в утренние часы приглядывать за костром, пока темный эльф ходил за дровами. Он, в свою очередь, готовил вместо меня. Наш взаимовыгодный союз с темным сэкономил группе кучу продуктов. В горах, конечно, можно было пополнить запасы мяса, а с крупами и с овощами напряженно.

Против такого распределения никто возражать не стал. Подозреваю, что нормальное горячее трехразовое питание вместо странного липкого варева, которым с завидной регулярностью разрождался мой кулинарный гений, могло задушить в зародыше любое недовольство. В конце концов, что нужно народу? Правильно. Хлеба и зрелищ. Хлеб у нас имелся. А вот зрелище… Зрелище нам еще предстояло увидеть.

ГЛАВА 2

Я как раз подкинула последний сук в догорающий костер, когда увидела возвращавшегося лорда Тиррэля в сомнительной компании горных троллей. Огромные волосатые мужики в коричневых штанах и с сучковатыми дубинами наперевес производили неизгладимое впечатление. Рядом со мной тут же напрягся тигр, хотя интуиция подсказывала: один боевой кот против двух горных троллей маловато будет.

«Не надо сбрасывать со счетов нас», — прорезался в голове голос Кумивара.

А я, признаться, начала надеяться, что пара клинков, доставшаяся мне от трагически почившего эльфа, наконец-то оставила в покое мою многострадальную голову. И без того их бывший владелец является в снах. Так еще и от его вещей покоя нет.

«Дорогой брат, — тут же присоединился к дискуссии второй клинок, Джастудай, — думаю, имеет смысл сначала узнать, зачем темный лорд привел этих громил в лагерь».

«Хм, мысль здравая, — в кои-то веки решил проявить родственную солидарность Кумивар. — Сначала разговор — убивать будем потом».

Не то чтобы я совсем была не согласна с воинственно настроенным мечом, но откровенная кровожадность Кумивара несколько покоробила.

«Моя милая леди, ваш гуманизм делает вам честь, но иногда необходимо проявлять к врагам некоторую жесткость».

Я медленно, чтобы не провоцировать троллей на агрессию, поднялась на ноги, понимая, что сидящий человек заведомо проигрывает тому, кто находится на ногах.

— Лорд Тиррэль. — Я растянула губы в приветливой улыбке, словно мы до этого долго не виделись. — Насколько я помню, вы отправлялись за дровами для костра, а вместо этого привели пару троллей. Я что-то упустила или вы просто сочли эту расу лучшим топливом в мире?

— Мы сами кого хочешь сожжем и утопим, — насупились тролли, и, глядя на их устрашающего вида дубины, я не решилась уточнить, кого именно, по их мнению, следует подвергнуть экзекуции.

Что-то в глубине души подсказывало: ответ может не понравиться. Вместо того чтобы устраивать бесполезную сцену в стиле «ревнивая жена встречает утром загулявшего с друзьями мужа», я красноречиво воззрилась на темного лорда, надеясь, что

он прольет свет на происходящее. Мой полный негодования взгляд просто вопил: «Какого черта здесь происходит?» Не уверена, умел ли читать мысли лорд Тиррэль, но в ответ на мой немой вопрос он расплылся в самодовольной улыбке самца, чье превосходство над другими членами социума давно доказано многочисленными турнирными боями, и выдал:

— Сейчас все объясню, только надо разбудить остальных, чтобы не повторять дважды.

«Повторять дважды ему, видите ли, не хочется», — фыркнула я про себя.

Отчего-то ситуация напомнила мне сцену из фильма «Любовь и голуби», где дед Митя пришел к главной героине и заявил: «Страшную весть я принес в твой дом, Надюха! Зови детей…» Оставалось надеяться, что этот разговор закончится какой-нибудь хохмой.

Я не обладаю даром предвидения, и ясновидение не мой конек, но это был как раз тот редкий случай, когда я угадала — прикол таки был. Да еще какой. Только вот беда: мне смешно не было.

Лорд Тиррэль проявил недюжинную выдержку, ожидая, когда остальные проснутся и, сетуя на холод, выползут из палатки на свет божий. Лично я все это время очень жалела, что на мне меховые варежки и нетерпеливо грызть ногти невозможно. Хотя, может, это и к лучшему. Пока сонный народ подтягивался к живописному пепелищу успевшего прогореть костра, я имела все шансы сгрызть ногти если не до самых плеч, то до локтей минимум. Это был как раз тот случай, когда теплая одежда спасла конечности от ампутации.

Глядя в недовольные ранней побудкой и полным отсутствием перспектив на завтрак лица окружающих, лорд мило порадовал их дивным известием о желании Арданассак выслушать наше дело. Только вот незадача: поведать ей о проблеме, толкнувшей нас на экстремальное путешествие по горам, выпала честь сообщить конкретно мне. Плохо замаскированная радость, звучавшая в каждом слове эльфа, наводила на мысль о том, что счастливое избавление от меня, любимой, считается им небывалом благом для окружающих.

— То есть как это должна идти только я? — не могла не возмутиться несправедливостью жребия я. По моему мнению, в жеребьевке явно шельмовали. Не факт, что ее вообще удосужились провести. — Одна я никуда не пойду, и точка.

— Во-первых, ты можешь взять с собой тигра и левбая, а во-вторых, в этом вопросе Арданассак была очень категорична, — сделал попытку вразумить меня лорд Тиррэль.

Я застыла, потрясенная прозорливостью иномирной ведьмы. До меня вдруг дошло, что, сидя в своих горах, она умудрилась узнать, что лучше меня нашу проблему изложить в общем-то, никто и не может.

— И она прямо взяла и назвала мое имя? — благоговейно произнесла я.

— Нет. Она сказала, что это должна быть девушка, путешествующая с двумя зверями.

— Тогда почему именно я? С таким же успехом это может быть и Лисса.

— И где же ее звери? — заинтересовался Линк и уставился на закутанную в мех колдунью, словно всерьез подозревал, что где-то среди многочисленных слоев одежды притаилась хотя бы пара хомячков.

— Это просто смешно, — нервно фыркнула девушка, плотнее закутываясь в накинутое поверх тулупа одеяло, вероятно, опасаясь, что на нее тут же навалятся всем скопом и примутся дружно искать живность под одеждой.

— Отчего же? Можешь выбрать на роль зверей хотя бы вон тех троллей, — сделала щедрый жест я. — Вид у них точно зверский.

Сами тролли мой выпад в свою сторону никак не прокомментировали, они просто стояли в сторонке, что наводило на очень неприятные мысли о ловушке, в которую дружно загоняют юную и доверчивую меня. Почему именно в компании двух зверей? Ну может, у них с мясом напряженка, а с меня не больно-то и поживишься. На суп сгожусь, но варить наверняка долго придется. От неутешительных мыслей пробила нервная дрожь.

«Дорогая, хватит нервничать, тебя пока тролли не едят», — мерзко хихикнул Кумивар.

«Когда станут есть, поздно будет», — мысленно парировала я.

Естественно, меня стали уговаривать. Лично я верила в насущную необходимость единоличного посещения Арданассак не больше, чем девушка, предназначенная в жертву мерзкому морскому чудовищу. Почему в таком случае согласилась? Причина проста и банальна, как дырка на капроновом чулке: ведьме может не повезти при нашей встрече гораздо больше, нежели мне. Когда я только попала в этот мир и принцесса привела меня к знахарке для прохождения экстренного ускоренного курса местного языка, дело кончилось пожаром. Конечно, я не нарочно, хотя за гадкое зелье, которым меня изрядно попотчевали, лохматую тетку, обвешанную амулетами, как новогодняя ель, следовало привлечь к уголовной

ответственности как за изготовление и применение химического оружия. Но вряд ли раскаянье в собственной неуклюжести могло утешить ведьму, потерявшую в пожаре свой дом.

«Ты спалила дом ведьмы? — весело рассмеялся Кумивар. — Вот это да!»

«Стыдись, брат! Не нам подталкивать воительницу к неблаговидным поступкам, — осадил не в меру радостного брата Джастудай. — Мы должны вести ее по пути самосовершенствования, а от проклятия даже самой немощной знахарки бывает очень сложно избавиться».

«Это точно», — проявила неслыханную солидарность я, подразумевая наказание в виде двух голосов мечей в моей голове. Ведь и заткнуть паразитов нет никакой реальной возможности. Прорезаются, когда им вздумается, и болтают, сколько влезет. Даже в собственных мыслях покоя нет.

Меня торжественно проводили на дорогу, ведущую к этой самой Арданассак, причем я сильно подозревала, что сделал это народ не по доброте душевной, а чтобы быть уверенным, что я не сбегу при первой же возможности. Моему потрясенному взору открылась вся бездонная глубина собственного самопожертвования и высота предстоящего подвига. Обозрев предложенную для восхождения гору, увенчанную заснеженной вершиной, на которую угораздило взгромоздиться ясновидящую, и тропу, по которой предстояло подняться, я сделала неутешительный вывод: мне хана. И дело вовсе не в том, что скалолазание никогда не входило в число моих увлечений и я придерживалась мнения, что Эльбрус и с самолета видно здорово. Саму дорожку так назвать мог только законченный оптимист, а я к таковым себя не причисляла. Жалость какая! Может, по возвращении в свой мир записаться в секцию скалолазания? Еще к парапланеристам и в карате не мешало бы. Но это потом. Если выживу, разумеется. Впрочем, с каждым днем пребывания в этом мире надежда встретить тихую обеспеченную старость таяла буквально на глазах.

Полюбовавшись на скальное образование еще несколько минут, я пришла к выводу, что лично с меня местных красот уже хватит. И вообще, я не готова расставаться с жизнью так рано и так глупо. О чем и поспешила осторожно и дипломатично сообщить окружающим:

— Не полезу я на эту страсть! Да что я, с ума сошла, что ли?

Лисса, которая в это время усиленно трамбовала какие-то вещи в рюкзак мне в дорогу, от неожиданности уронила его прямо на ногу Линку. Судя по тому, как парень взвыл, вес у рюкзака был что надо. Вопль Линка лишний раз

проиллюстрировал простую истину: шуметь в горах нельзя. Вниз тут же скатился небольшой камнепад, изрядно напугав лошадей и нас. Тигр с левбаем смотрели на падение камней с философским выражением на мордах.

«Не нервы, а стальные канаты», — невольно восхитилась я.

«Все-таки хорошо, что именно эти звери станут сопровождать тебя в этом трудном восхождении», — восторженно заявил Джастудай.

Лично я его оптимизма не разделяла. Разве важно, в какой компании низвергнуться вниз со скалы? В конце концов, если рухну в пропасть, не все ли равно мне будет, кто именно сопровождал в этом самоубийственном подъеме?

«О леди! Отбросьте свой пессимизм. Ваши звери достаточно надежны. Их когти остры. Они помогут нам в этом пути», — в кои-то веки решил подбодрить меня Кумивар.

Может быть, в другое время я была бы ему благодарна, но сейчас все мысли занимал предстоящий штурм неприступной твердыни.

«Вот-вот. У них, как ты заметил, есть когти, а у меня только два болтливых, надоедливых меча. Как вы думаете, смогу ли я уговорить вашего бывшего владельца научить меня являться в снах? Тогда я смогу пугать тех, из-за кого придется лезть на эту груду камней».

«Вот видишь, ты уже согласилась», — самодовольно хихикнул Кумивар.

Я хотела было возразить, но не стала. Да. Он прав. Зачем отрицать очевидное. Но если я разобьюсь, клянусь, даже с того света смогу заставить всех очень пожалеть об этом.

— Не понимаю, к чему все эти споры? — Лорд Эллэн изящным жестом заправил под капюшон несколько выбившихся белокурых локонов и с видом знатока попинал скатившийся к подножию камень носком сапога. — Эта тропа абсолютно безопасна. Смотрите, горный баран совершенно спокойно скачет по ней. Стал бы он этак прыгать, если бы путь был ненадежен?

И действительно, по направлению к горной вершине ловко пробирался горный баран с роскошными витыми рогами на голове. Но то ли светлый лорд был от природы глазлив, то ли так распорядилась судьба, но после торжественных слов блондинистого эльфа животное споткнулось о камень и упало. Мы дружно ахнули, переживая за бедолагу. Баран оказался не из тех, кто легко сдается и покоряется злодейке-судьбе, — гордый и несломленный поднялся он на ноги и ушел, заметно припадая на правую переднюю ногу.

— Видишь, он почти не пострадал, — потрясенно выдавила

Лисса.

На мой взгляд, утешение было так себе. На троечку с минусом.

Склон горы был покрыт снегом. На нем ничего не росло, и только ветер шаловливо подхватывал снежинки и поднимал высоко в небо. Была ли ведьма на вершине горы или ее существование всего лишь жестокая шутка подозрительной пары горных троллей? И как, черт побери, я стану разводить костер, если на проклятущей горе не растет даже захудалое деревце? Тащить дрова вверх — глупо. Кажется, вопрос я задала вслух, потому что на него ответил лорд Тиррэль. Ну не мог же он читать мои мысли. Или мог?

— Вам не понадобится огонь, леди. До дома Арданассак всего лишь день пути. Если не будете терять времени попусту, доберетесь до темноты.

— Легко сказать, — саркастически фыркнула я. — Путешествие всегда гораздо проще, если по дороге топают не твои ноги. Иными словами, каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

— Возможно, — не стал спорить темный лорд. — Но раз гора никуда не собирается, в путь придется собраться именно вам, леди.

Я тяжело вздохнула, признавая правоту остроухого брюнета. Заботливо упакованный Лиссой рюкзак навьючили на Тиграша, что было правильно. Нести на себе такую тяжесть даже по ровной поверхности мне было не под силу, а колдунья категорически отказывалась убирать даже самую маленькую из вещей. От моего пояса к седлу тигра протянули крепкую веревку. Для езды верхом склон был слишком крут, а так я могла рассчитывать на помощь хищного кота, что увеличивало шансы на выживание. Да и идти будет гораздо легче, если дорогу станет выбирать тигр. Тиграшу я готова была доверить свою жизнь. Левбаю же предстояло замыкать наше шествие. Неплохой денек для парада.

Лисса пожелала мне удачи, порывисто обняла и звучно чмокнула в щеку. Остальные выразили робкую надежду, что мое окоченевшее тело не придется извлекать из какой-нибудь расщелины. В ответ я мило улыбнулась и клятвенно пообещала вернуться живой или мертвой. Причем в последнем случае слово «кошмар» для них обретет новый смысл. Не знаю, испугались ли мои спутники, но лорда Тиррэля эти слова определенно заинтриговали. Точно извращенец.

Склон горы был крут, и приходилось карабкаться при помощи собственных рук и ног. Тиграш шел впереди и делал это воистину с королевским изяществом, словно родился в горах и имел частую

возможность совершать подобные прогулки. Левбай замыкал нашу маленькую группу, передвигаясь осторожными экономными шагами, как истинный горец. Только я чувствовала себя как слон, неожиданно угодивший в посудную лавку. Ноги предательски скользили по камням, большинство выступов, выбранных для опоры руки или ноги, оказывались ненадежны, и до этого мирно лежащие камни предательски скатывались вниз, вызывая очередной камнепад.

Дело осложнялось еще тем, что на руках у меня были меховые варежки. В них цепляться за очередной выступ — большая проблема; руки скользили, а камни шатались, грозя низвергнуть меня вниз. Хорошо хоть шедший впереди Тиграш страховал свою неуклюжую хозяйку. Впрочем, помехой являлись не только замечательные варежки, без которых, к слову, одна новоявленная скалолазка имела все шансы отморозить руки, но и теплая одежда — она сильно сковывала движения.

В довершение моих бед поднялся ветер. Я просто не могла поверить, что ветер может дуть так сильно, так упорно, совершенно не слабея. Создавалось впечатление, будто природное явление люто возненавидело мою скромную персону, раз так упорно желает сбросить меня вниз на камни. Интересно, чем я могла его прогневить? С каждым вздохом в легкие словно вонзался десяток ледяных игл. Если поначалу я еще надеялась, что движение хоть немного согреет, моя надежда слабо пискнула и скончалась в самом начале восхождения. Холод по-хозяйски забирался под теплую куртку, стискивал спину ледяными пальцами, заставляя дрожать в тщетных попытках согреться. Бесполезно. Зубы могли сколько угодно стучать от холода, но теплее не становилось. Казалось, весь мир погрузился в белую мглу, и не было ей ни конца ни края. Объятая белым безмолвием снежного покрова гора терпеливо ждала окончания моего восхождения.

Помню, когда-то в детстве я играла в игру на приставке к телевизору. Называлась она, если память мне не изменяет, «Принц Персии». Смысл ее — помочь злополучному принцу преодолеть множество препятствий и спасти попавшую в руки чародея принцессу. Принцу катастрофически не везло, и он трагически погибал от какого-то лезвия, выскакивающего из пола то ли на четвертом, то ли на пятом уровне. В то время как несчастный бедолага мыкался по закоулкам огромного замка (чародеи в Персии живут на широкую ногу), принцесса скучала в роскошно обставленной комнате и время от времени напоминала о своем существовании, посылая к принцу белую мышку. Не знаю, как остальные игроки, а лично я мечтала дойти до конца вовсе не

для того, чтобы спасти принцессу из цепких лап распоясавшегося чародея. Очень мне хотелось надавать девице по шее, чтобы впредь неповадно было сидеть сложа руки и пассивно ожидать у моря погоды. Но не судьба. Принц упорно погибал. Можно ли было сделать внушение восточной красавице или финал игры был полностью прописан до последнего жеста, осталось загадкой.

Поэтому всю первую часть восхождения я мечтала, как найдем Норандириэль и сделаем то, чего, по всей видимости, не удосужился сделать ее высокородный родитель, — выпорем ее. Но это лишь в том случае, если эльфийка подверглась похищению добровольно. Если же нет, можно набить шишек похитителю, по вине которого мне приходится карабкаться на скалу в поисках гадалки. А ведь еще неизвестно, захочет ли эта самая Арданассак сделать свое предсказание четко и ясно или же отделается неопределенным изречением, полным тумана и иносказаний. В итоге придется сидеть и играть в угадайку на тему «что этим хотела сказать горная ведьма». Вон Нострадамус давно умер, а не все его катрены удалось расшифровать. Но у меня нет нескольких веков в запасе. Люди так долго не живут.

Другую половину восхождения мечтала о горячем питье. Чай с медом и лимоном, восхитительно горячий шоколад или глинтвейн стали буквально путеводной звездой моряка для измученного организма. На последнем рывке как дополнительный стимул добавила ванну, наполненную горячей водой с ароматной шапкой мыльной пены. Клянусь последней склянкой бальзама от обморожения, к тому моменту, как тигр вытащил мое обессиленное тело на площадку на вершине горы, я уже практически ощущала манящий запах лепестков роз, исходящий от пены для ванны. А если бы гора не закончилась так внезапно, я бы даже успела принять ее в своем воображении.

«Вот это сила мысли!» — восхитилась своей исключительностью я.

Над моим беспомощно распростертым телом склонилась пара страшных клыкастых рож, чей цвет кожи мог бы сделать честь любой болотной лягушке. Честно говоря, если бы не рычание Тиграша и злобное клацанье зубов Бродяги, я бы приняла эти образины за глюк. Ну в самом деле, чего не привидится практически насмерть обледеневшему человеку? К тому же позади уродливых силуэтов садилось солнце, и его прощальные лучи создавали вокруг фигур нереальное свечение, придавая им иллюзорный вид. Но мой разум пока не отключился, хотя и очень старался и гудел, как перегруженный допотопный компьютер при попытке запуска новой версии стрелялки, поэтому через несколько минут я пришла к выводу, что звери не стали бы так

бурно реагировать на воображаемых гостей. Это только гриппом вместе болеют, а глюки — явление индивидуальное. К тому же данные персонажи явно пытались что-то сказать. Вон как губами шевелят, стараются.

И точно. Стоило мне об этом подумать, как белое безмолвие перестало быть таковым, словно кто-то невидимый включил громкость в телевизоре, и кино оказалось звуковым.

— Арданассак ожидает тебя, обладательница двух зверей, — торжественно возвестила пара, словно всю жизнь репетировала эту фразу.

Хотя, может, так оно и было. Вряд ли я первая посетительница ведьмы. Не одна же я добралась до вершины горы? Стоп. Я вперила внимательный взгляд в миниделегацию, и кажется, мне стало теплее от быстро заполнившего уставший организм гнева. Не то чтобы я всерьез рассчитывала на сотню встречающих, в исступлении скандирующих мое имя, но, черт меня побери, если это не те самые тролли, которых привел в наш лагерь темный лорд вместо вязанки хвороста!

«Поздравляю, — мерзко хихикнул Кумивар. — Не прошло и часа, как ты догадалась».

«Если ты такой умный и сам первый пришел к этому выводу, отчего не поделился раньше?» — заинтересовалась я.

Меч замолчал. Видимо, не нашелся с ответом. Среди благословенного молчания одобрение Джастудая ощущалось как сытое довольство хищника. Странно.

Кстати, что-то я не видела эту колоритную парочку троллей топающей позади меня. Как же они умудрились здесь оказаться, причем явно раньше нас, и даже не запыхаться?

Видимо, я озвучила внезапно озарившую меня догадку вслух, так как клыкастая улыбка на мордах чересчур жизнерадостных троллей стала еще шире. И они самодовольно пояснили, что восхождение по крутому склону горы предлагается только жаждущим личной аудиенции у колдуньи как своеобразный тест на серьезность намерений. А не то, мол, повадятся шастать все кому не лень с пустяковыми просьбами, ни днем ни ночью горной отшельнице покоя не будет. Для обслуживающего персонала с другой стороны горы местное племя троллей выбило дивные удобные ступеньки. За что и пользуется теперь привилегией получать помощь вне очереди.

Это они зря сказали. Я и до бесполезного восхождения кротостью нрава не отличалась, а уж теперь, осознав никчемность собственных страданий, просто кипела от негодования. Поэтому резким движением вскочила на ноги, выхватила мечи, состроила самое зверское выражение лица, на какое только была способна, и

многозначительно заметила:

— Эй, мальчики! Вам никто не говорил, что заставлять хрупкую, беззащитную девушку лазить по горам с риском для жизни, по крайней мере, свинство?

Видимо, они не совсем поняли, о чем я. На их зеленокожих, не блещущих избытком интеллекта лицах отразился сложный и полный мучительного напряга мыслительный процесс. Похоже, их разум не часто озадачивали подобными вещами, их мозги безнадежно зависли, вогнав своих незадачливых обладателей в ступор. Странно. Раньше мои вопросы на монстров так не действовали.

«Замечательно. Вот прекрасный пример, когда словом можно добиться гораздо большего, чем опустившись до банального мордобоя», — выступил за гуманизм Джастудай.

Славься, Вероника-воительница,
Славься, троллей победительница!
Горы штурмующа, нежить воюющa,
Монстров стопой попирающа! —

противным голосом пропел Кумивар.

Ну от этого поганца ничего хорошего я и не ожидала. Таскаю его с собой повсюду, и никакой благодарности. Кстати, о троллях. Что мне с ними делать? Пинать и лупить как-то не комильфо. Они все равно ничего не почувствуют, а это лишает весь процесс смысла. И согреться я уже согрелась. Поэтому пришлось вогнать мечи обратно в ножны. На случай, если тролли просто нагло притворяются, поводила раскрытой ладонью перед застывшими лицами — реакции ноль.

Ладно. Пожалуй, наступило время познакомиться с этой самой Арданассак, раз она так любезно пригласила меня в гости.

«Правильно, — одобрил мою идею Кумивар. — Заодно выскажешь ей все, что думаешь о ее гостеприимстве. Вон там домик стоит. Кажется, нам явно туда».

И действительно, увлекшись созерцанием троллей, я не обратила внимания на небольшое бревенчатое строение под черепичной крышей. Из печной трубы в небо поднимался дым, обещая ступившему на порог если не горячую еду, то, по крайней мере, уютное тепло жаркого очага.

«Только не вздумай критиковать ведьму с порога, — продолжал поучения Кумивар. — Ведьма может обидеться и не дать ответ на твой вопрос или вообще проклясть».

«Ладно, не учи ученую», — огрызнулась я.

«А раз ученая, ты хотя бы от животных отвяжись, а то

вопрешься со своими зверями в жилое помещение. Это же не сарай», — не остался в долгу клинок.

И точно. Я ведь веревку не отвязала.

Дом ведьмы снаружи ничем не напоминал жилище гадалки, ясновидящей или кого-то в этом роде. Вывеска на нем отсутствовала, никаких опознавательных знаков тоже не наблюдалось, и со стороны все выглядело как обычная, ничем не примечательная избушка, даже без куриных ножек. Короче, ничего необычного, кроме того, что кому-то было не занимать здоровья, раз он так напрягся, чтобы натаскать прорву бревен на эту богом забытую вершину горы у черта на куличках. С другой стороны, иных строений на горе не было, а значит, шансов перепутать тоже.

Как хорошая девочка, я постучалась в дверь. Дверь была низковата, на мой взгляд, зато деревянная и тяжелая. В самый раз, чтобы выдержать здешний холод и непогоду. Но минусы все-таки были — отсутствие дверного молотка сводило шансы достучаться до ведьмы практически к нулю. А если ведьма стара и глуховата, мне следовало захватить осадный таран. Я постучала еще раз… и еще — безрезультатно. Похоже, сбывались мои опасения, хваленая Арданассак была старой, глухой каргой и не услышит даже пушечных выстрелов над собственным ухом.

«Попробуй постучать ногой», — предложил Джастудай.

«Если ничего не выйдет, из этой парочки троллей можно будет сделать замечательные тараны», — вклинился Кумивар.

«И как ты себе это представляешь?» — опешила я и даже перестала барабанить в дверь, как сумасшедший дятел.

«Все просто. Нагрузим эту парочку на левбая и тигра и высадим ими дверь», — откликнулся тот.

«Вероника! Даже не думай этого делать, — запротестовал Джастудай. — Представляешь, что сделает ведьма, если ты выбьешь дверь в ее жилище?»

Я почесала рукой в варежке затылок. Разумеется, потирание мехом по капюшону никак не могло способствовать активизации умственной деятельности, просто сам жест удивительным образом успокаивал. Надо отдать должное Джастудаю, он был прав. Если бы кто-то додумался высадить дверь в моей квартире, я бы не просто расстроилась, а скорее чертовски обозлилась. С другой стороны, выбора особенно не было. Либо я выбиваю дверь и попадаю внутрь, либо ночую на ледяном ветру в компании троллей и без надежды на костер. Единственным деревом на этой вершине были бревна в доме Арданассак, и костер из них ведьме не понравится гораздо больше, чем поверженная дверь. В конце концов, притвор можно и навесить обратно, а вот дома так просто

не складываются. А жаль. Лично я не отказалась бы от уютного трехэтажного коттеджа с милой беседкой, увитой виноградом, с видом на теплое море. Причем жаркий тропический климат для выбора участка являлся приоритетным.

«Странно. А в Забытой пустоши тебе так не казалось», — тут же поспешил добавить ложку дегтя в виде своего скепсиса в мою бочку меда мечтаний Кумивар.

«Разумеется, там же было полно песка и нежити. Я бы не отказалась побыть отшельницей в горах, но тут обитают наглые тролли», — иронично откликнулась я.

«Привереда», — резюмировал Кумивар.

В ответ я только фыркнула, не удостоив надоедливый кусок стали ответом. Затем развернулась к двери спиной и принялась лупить по ней ногой в надежде, что Арданассак услышит. Но произошло неожиданное: дверь не выдержала моего напора и открылась. Скорее всего, она изначально не была заперта, просто открывалась очень туго. Кто знает, может, ведьма таким оригинальным способом воду набирает. А что? Очень практично, между прочим. Открыл посетитель дверь, а у отшельницы ведро набралось. С другой стороны, толпы клиентов вокруг не наблюдалась, так и от обезвоживания помереть недолго.

В следующее мгновение я ввалилась внутрь, грохнулась на пол, и меня едва не затоптали чьи-то неосторожные ноги. Огромные ножищи, обутые в сапоги энного растоптанного размера, снизу казались колоннами. Они все время мелькали, так что сосчитать я их не могла, но казалось, что их просто невероятное количество. Одна конечность чуть не наступила мне на голову, другая опустилась на руку. От острой боли я взвыла благим матом. Тиграш попытался вцепиться в лапищу-обидчицу, но конечность успела переместиться в сторону, и крепкие челюсти боевого тигра досадливо клацнули в пустоте. Обозленная, я вскочила на ноги, обнажила мечи и честно предупредила:

— Ну все! Сейчас я буду лютовать!

Сказала и лишь затем попыталась рассмотреть, что, собственно, происходит вокруг. И отчего на меня, такую грозную, острым железом вооруженную, никто внимания не обращает. Просто вопиющее безобразие!

И действительно, вокруг творилось нечто невообразимое. В небольшую избу народу набилось — не протолкнешься. Видать, у Арданассак действительно дела шли хорошо, и ни в рекламе, ни в наличии удобных дорог и хорошо развитой туристической инфраструктуры она явно не нуждалась — и так клиентов хоть отбавляй, успевай только поворачиваться. Помимо меня, левбая и

тигра здесь была пара здоровенных троллей, еще больших размеров демон и сама ведьма, казавшаяся на общем фоне хрупкой и беззащитной.

Демон выглядел вполне традиционно для выходца из ада, как его принято рисовать на картинках в книжках и показывать в фильмах ужасов. Здоровенный, мускулистый, волосатый до такой степени, что на снегу спать может без риска отморозить что-нибудь жизненно важное, с рогами а-ля «мечта любого козла», длинной козлиной бородкой. Ноги его заканчивались раздвоенными копытами, которые, к слову, нуждались в хорошей чистке и подпиливании. Сразу видно, их обладатель не утруждал себя чрезмерными гигиеническими процедурами. Зато черные когти на руках ухоженны, заточенны и даже отполированны. Любо-дорого смотреть. Вот что значит своевременный маникюр: времени занимает немного, а смотрится эффектно.

Вышеупомянутый демон в каждой руке, как нашкодивших котят, держал троллей и самозабвенно бил их лбами друг о друга. Звук был такой, словно по чугуну лупят деревянной ложкой. Бесчувственные тела троллей не оказывали никакого сопротивления мучителю. Сразу видно, пребывали в блаженном беспамятстве и даже не трепыхались. Оно и к лучшему, так как, судя по величине шишек на лбах истязуемых, демону занятие очень нравилось и занимался он этим давно и серьезно, с самоотдачей, аж на лбу между рогов выступили бисеринки пота.

Белокурая Арданассак, слишком молодая, на мой взгляд, и слишком смазливая для того, чтобы именоваться ведьмой, заламывая руки, металась вокруг демона, окуривая исчадье ада пучком каких-то трав. Очень, надо сказать, вонючих. Если она всерьез решила отравить демона ядовитым дымом, то явно просчиталась, он даже не чихнул. А вот у меня в носу отчаянно свербело и глаза начали слезиться.

— Да-а-а… А помещение надо бы проветрить, — прокашляла я, стараясь разогнать удушливый дурман.

«Ты еще предложи ей полы помыть», — хихикнул Кумивар, очень кстати напомнив о своем существовании.

Казалось бы, забыть о том, что в руках у тебя целых две тяжелые и острые железки нереально, но и тут я была оригинальна — мне это удалось. Угрожать собравшимся мечами показалось очень хорошей идеей. Слишком уж долго меня не замечают. А девушка всегда должна пользоваться повышенным вниманием, даже если она полуобмороженная. Или полуотмороженная? Тиграш поддержал мою точку зрения грозным утробным рыком. Звук получился что надо: многозначительный, угрожающий, хищный, выразительный — аж

мороз продрал по коже. Самой жутко стало. Остальные участники замерли, словно кто-то невидимый нажал стоп-кадр. Арданассак удивленно моргнула, хотя предполагалось, что она ожидает и меня и моих зверей. Демон задумчиво помотал в воздухе троллями и вперил в меня серьезный взгляд янтарных глаз со странными вертикальными зрачками. Казалось, в глубине этих необычных очей разгорается оранжевое, с красными лепестками пламя, и в них невозможно было смотреть без того, чтобы не потерять нечто дорогое, возможно, часть бессмертной души. Где-то внутри меня что-то оборвалось и рухнуло прямо в область ног, а мечи в руках показались не значительней деревянных зубочисток. Во влипла…

«Мы не зубочистки! — тут же возмутился Кумивар. — И, между прочим, демоны боятся хорошей стали, а мы к тому же ковались с применением магии и вполне можем преподнести демону хороший сюрприз».

«А если нет?» — вспыхнула в мозгу испуганная мысль.

«Ну если нет… Ты всегда хорошо бегала. И где лестница, мы уже знаем», — «обнадежила» эта ехидна.

Но, к моему удивлению, демон не стал развивать свой успех, вероятно, просто решил не связываться с убогими. Он оскалил клыкастую пасть в своеобразной улыбке, фыркнул, обдав непередаваемым амбре паров серы, и молвил вполне человеческим голосом:

— Зачем же так напрягаться, да еще и мечами размахивать? Холодное оружие, между прочим. Можно ведь и поранить кого-нибудь. А звери вообще без поводков и намордников в общественные места не допускаются.

Во дает! Это где он таких слов набрался? Да еще и общественное место приплел. Он бы еще штрафом пригрозил.

— Этот одинокий домик на вершине богом забытой горы — общественное место? — опешила я.

— Конечно, — ничуть не смутился демон. — Этот, как вы изволили выразиться, одинокий домик является местом паломничества горных троллей, а значит, это место общественное и выгул хищников без ошейников и намордников здесь запрещен, — назидательно подняв палец с блестящим черным, отполированным до зеркального блеска и опасно острым когтем, заявил он. Причем в процессе умудрился не выпустить из цепких рук обмершее тело тролля. — Кстати, заболтался я тут с тобой. Мне уже давно домой пора. Не поминайте лихом, — добавил рогатый, и с хлопком растворился в воздухе, оставив после себя серный смрад, заставивший чихать и меня и зверей без намордников.

С глухим стуком на пол рухнула многострадальная пара троллей.

Ведьма тяжело перевела дух, вытерла с усталого, но тем не менее прекрасного лица пот, одернула коричневое шерстяное платье из домотканой материи, откровенно не вязавшееся со столь хрупким обликом горной отшельницы, устало уселась на грубо сколоченный табурет с тремя ножками и попыталась пригладить растрепанные волосы — безрезультатно. Привести в порядок копну длинных белокурых локонов при помощи только пятерни было нереально, Арданассак махнула на прическу рукой и выдавила мученическую улыбку.

— Никогда не радовалась посетителям так, как сегодня. Обычно их присутствие приносит лишь неудобства. Но сегодня особенный случай, не так ли? — Она посмотрела на меня лучистыми голубыми глазами, в глубине которых притаились серебряные искры.

В ответ я только пожала плечами. Ну что тут скажешь? Лично я тоже обрадовалась бы любому, кто прекратил творящееся здесь безобразие. Тиграш на всякий случай придвинулся поближе. Бродяга спокойно уселся на пол и уставился на собственные копыта с таким видом, словно впервые их видел.

— Кстати, если ты еще не догадалась, меня зовут Арданассак, — запоздало представилась она. — Я ведьма, гадалка и травница.

Все происходящее вокруг казалось сюрреалистичным. Испарившийся в воздухе демон, валявшиеся на полу здоровенные тролли и хрупкая женщина с тонкими чертами лица и нереальными глазами, сидевшая напротив.

— А я — обладательница двух зверей… — отчего-то брякнула я, закашлялась и добавила: — Меня зовут Вероника.

— Я ждала тебя, Вероника, — мягко улыбнулась она, и я ей тут же поверила.

Конечно, она меня ждала. Ведь ведьма сама меня пригласила на гору, и, судя по троллям, не меня одну. Будем надеяться, меня минует чаша сия. Хотя… это не с моим везением.

— А теперь закрой, пожалуйста, дверь. Комната уже проветрилась, а дует немилосердно. И помоги привести в чувство эту сладкую парочку.

Я с удивлением обернулась. Дверь действительно была открыта, и ветер в нее задувал более чем прохладный. Неудивительно — на улице ведь снег и холод собачий. Пришлось закрыть, раз уж просят вежливо. Но о вынужденном путешествии на гору без нормального альпинистского снаряжения я не забыла. Оставлю на потом. Зачем же отношения портить прямо с порога.

Кто знает, сколько демонов у нее еще припасено на этот случай.

— А что здесь произошло? — поинтересовалась я у Арданассак, когда она шагнула к опрокинутым на пол полкам и принялась деловито выискивать что-то, ведомое только ей, среди каких-то пучков трав, осколков склянок и глиняных черепков.

Уважаю оптимизм. С моей точки зрения, весь этот мусор проще было смести в мешок и вышвырнуть на помойку, чем пытаться рассортировать, но каждый развлекается, как хочет. Может же у ведьмы быть безобидное хобби. Со спины стройная фигура гадалки почему-то казалась какой-то неправильной. Создавалось впечатление, что ее длинное коричневое платье не облегает тело, а там, где у нормальных людей располагаются ребра и позвоночник — пустота. Я удивленно моргнула, надеясь разогнать иллюзию, но тщетно. Просто мурашки побежали по телу и руки судорожно сжались на рукоятях мечей. Это еще что за чертовщина?!

«Ты никогда не видела элле?» — поинтересовался Джастудай.

«Элле? А это что за ерунда такая?» — удивилась в ответ я.

То, что со мной заговорил именно он, меня порадовало. Если бы Кумивар снова принялся за свои насмешки, я бы, наверное, просто взорвалась от нервного напряжения.

«Элле — это не ерунда и не чертовщина, — спокойно пояснил Джастудай. — Это такой народ. Правда, многие люди уверены, что они светлые духи, так как любят кататься на солнечных лучах и вместе с ними проникать в замочные скважины их домов. Они могут предсказывать будущее. Если зайти элле за спину, можно увидеть, что спины их женщин — полые».

«Брат забыл упомянуть, что человеку не стоит иметь дела с этим замечательным во всех отношениях народом», — не удержался от ехидного замечания Кумивар.

А я-то надеялась, что в кои-то веки он решил пощадить мои бедные нервы. Ошибочка вышла.

«Это еще почему?» — нахмурилась я.

«А потому, моя грозная воительница, что встреча с элле не несет людям ничего хорошего. Даже их дыхание губительно может сказаться на здоровье и иногда бывает причиной смерти. К тому же женщины часто уводят за собой человеческих мужчин».

«Надо же! Какое счастье, что я не мужчина. И какая досада, что у меня нет марлевой повязки», — закручинилась я.

«Не волнуйся, — поспешил пролить масло на бурные воды Джастудай, — дыхание элле не страшно для тебя. С нашей помощью ты уже не совсем человек».

А вот это новость! И только я хотела встать в позу и призвать двух стальных экспериментаторов к ответу, как Арданассак

отыскала-таки какую-то чудом уцелевшую баночку, обрадованно взвизгнула, сняла с нее крышку и сунула под нос каждому троллю. Эффект, надо сказать, был потрясающий. Оба представителя зеленокожего народа с неожиданным проворством вскочили на ноги, принялись орать и размахивать руками, как взбесившиеся ветряные мельницы. От удивления мы с Тиграшем дружно осадили назад, споткнулись о левбая и уселись на него. Бродяга вовсе не обрадовался нашему маневру и попытался было ползком выбраться из-под наших тел, но не преуспел, и принялся изображать умирающего, раздавленного непомерным весом. Между прочим, хрипеть у него получалось очень натурально.

Надо отдать должное гадалке, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, она не спасовала перед парой огромных троллей с клыками во рту, которые, судя по размерам их рук, запросто могли разорвать элле пополам. Вместо того чтобы бежать от гнева разбушевавшихся клиентов, Арданассак тоном, не терпящим возражений, бросила им несколько фраз на неизвестном мне языке и буквально вытолкала за дверь. Вот это самообладание!

«Согласен, — тут же прорезался Кумивар. — Тебе есть чему у нее поучиться. Вместо того чтобы помочь ей, вы с тигром давите левбая».

Мне стало стыдно. Тем временем предсказательница закрыла за побитыми визитерами дверь и с тоской воззрилась на учиненный погром. Если полки еще можно было водрузить на место, предварительно забив утраченные в пылу потасовки гвозди, то все, что могло разбиться, разлетелось на такие мелкие осколки, что собрать их можно было только при помощи совка и метелки. Пришлось предложить свою помощь. Во-первых, жаль было Арданассак, во-вторых, вдвоем мы быстрее управимся, а значит, и свою просьбу удастся высказать гораздо быстрее. В-третьих, двигаясь, согреюсь окончательно, а это, как ни крути, огромный плюс в сложившейся ситуации.

Арданассак приняла мою помощь легко и с благодарностью. Вскоре она с энтузиазмом растапливала печь и грела воду, чтобы вымыть полы. Я энергично работала метлой, поднимая просто несусветную пыль.

— И все-таки, что здесь произошло? — после очередного, особо прочувствованного, чиха поинтересовалась я.

Гадалка, которая в это время волокла опрокинутую полку куда-то в угол, неопределенно хмыкнула:

— Ничего особенного.

— Да? — искренне удивилась я. — А со стороны смотрелось очень… — я замялась, подыскивая слово, — очень необычно.

Арданассак прислонила полку к стене, принесла совок, ведро

и принялась помогать сгребать мусор.

— Понимаешь, дочери местного вождя троллей пришла пора выходить замуж. Вот ее жених и пришел, чтобы провести обряд приворота.

— Странные у них обычаи, а просто посвататься нельзя было?

— Нет. — Элле с тоской посмотрела на заполненное мусором ведро и вздохнула с явным сожалением. — Дело в том, что по местным обычаям жених должен в честном бою победить свою невесту. Это якобы очень хорошо для продолжения рода. Размножается только сильнейший и все такое… — Она быстро пересекла комнату и принялась копаться где-то в углу.

— Ну и что ему мешало? Струсил, что ли?

— Да нет. — Арданассак наконец откопала искомый холщовый мешок, из которого с писком выскочила шустрая серая мышка и убежала куда-то за печку, оставив хозяйку с тоской взирать на дырочку, прогрызенную в самом углу тары. — Но ты ее видела? Эту огромную троллиху может победить разве что дракон, но они в наших горах не водятся. Она покалечила уже всех самых лучших воинов соседних кланов. Ее отец вдвое увеличил приданое, но никто не соглашается просить руки дочери. К тому же она страшная даже по меркам троллей. Но тут случилось чудо: один тролль случайно забрел в наши земли, увидел дочь вождя и влюбился. Разумеется, как честный тролль он вызвал ее на поединок, но невеста его победила. Руку ему сломала, ребра пересчитала… В итоге решил он ее хитростью взять и заказал мне приворот.

Гадалка перевязала дырочку красной тесемкой и подставила мешок под очередную порцию мусора.

— И что? Вы не боитесь гнева вождя? Единственную дочь присушить к какому-то мимо проходящему троллю… Он же может и огорчиться.

Арданассак одарила меня снисходительным взглядом голубых глаз.

— Конечно нет. Прежде чем проводить ритуал, я переговорила с вождем и будущей женой. Поверь мне, дорогая, радость этой пары была безгранична. И не знаю, кто из них радовался этому известию больше: отец или дочь. Дело в том, что кроме поединка жену можно добыть при помощи хитрости или магии. С хитростью у троллей всегда было проблематично, а приворот — самое то.

— Понятно. Но приворот — это же такое насилие над волей, — заметила я, памятуя множество передач на эту тему, где такие штуки всегда выходили боком всем участникам, вольным или невольным.

— Никакого насилия. Ритуал я проводила только для виду. На самом деле никакой магии не предполагалось. Я пригласила невесту заранее и спрятала за ширмой. В нужный момент она должна была предстать перед соискателем руки и выразить свою пламенную любовь поцелуем. Видимо, я что-то намудрила с благовониями, так как явился демон, схватил будущих супругов и принялся бить их лбами. Вот и все.

Вот и все? Хорошенькое дело получилось. Эти тролли — странные ребята, раз заплатили гадалке за собственное истязание. Просто мазохисты какие-то.

— И они не требуют вернуть деньги назад? — изумленно спросила я.

— С чего бы им делать это? — весело хихикнула гадалка. — Они получили ритуал гораздо более эффектный, чем планировали. Множество шишек на головах влюбленных станут неопровержимым доказательством всецелого проникновения колдовства в умы и души нареченных в глазах их родни. Я могла бы потребовать дополнительной оплаты за превосходно проделанную работу. Но вождь — мой друг, а какие счеты между друзьями?

Однако гадалка весьма предприимчивая особа! Впрочем, в моем мире люди ее профессии тоже отнюдь не бессребреники, хотя и имеют обыкновение жить не в столь труднодоступных местах. И все-таки Арданассак ясно дала понять, что дружба с ней гораздо полезней вражды.

Примерно через полчаса совместной работы дом был приведен в относительный порядок. Насколько вообще возможно восстановить порядок в помещении после бесчинства одного демона в компании двух троллей без капитальной перестройки отдельных частей. Все-таки уединенность проживания на недоступной горной вершине имеет свои минусы. Например, доставить необходимые стройматериалы для ремонта становится проблемой.

— Ну вот и все, — удовлетворенно вздохнула Арданассак, когда последний мешок был заполнен мусором и торжественно водружен в угол. — Мы сделали все, что могли. Завтра тролли вынесут мусор подальше.

Она устало вытерла пот с высокого лба и улыбнулась. Несмотря на растрепанные волосы, следы пыли на носу и подбородке, гадалка все равно выглядела привлекательно. Прямо завидно, честное слово.

— А теперь помоги принести стол, я тебе погадаю. Ты ведь для этого сюда пришла, — торжественно возвестила она, вытирая испачканные руки о сомнительного вида тряпку.

Вряд ли от этого они стали чище.

— Вы знаете, что я пришла сюда именно гадать? — восхитилась осведомленностью ведьмы я.

Надо же, какая догадливая! Если она с первого взгляда знает, зачем посетитель переступил ее порог, может, действительно поможет отыскать Норандириэль?

— Разумеется, знаю, дорогая, — снисходительно улыбнулась Арданассак, и серебристые искры, притаившиеся в лучистых голубых глазах, лукаво блеснули. — Все приходят ко мне по одной и той же причине. Недаром меня называют предсказательницей.

М-да. А я и забыла. А все демон этот проклятущий — пришел, натоптал, набузил… Вот и приглашай после этого рогатых в гости. Впрочем, вся литература сплошь кишит примерами о коварстве выходцев из ада. Наобещают с три короба, получат свое, а сами обмануть норовят.

Изба оказалась не такой уж и маленькой, просто комната, в которой бесчинствовал демон во время обряда, была первой и служила чем-то вроде кабинета для приема посетителей. Что ж, учитывая разрушения в ходе вышедшего из-под контроля обряда, логика в этом была. Правда, существует риск обрушения кровли во время особенно активных «магических» действий, и тогда вход может банально завалить, но остаться внутри в тепле дома все же гораздо лучше, чем мерзнуть снаружи в ожидании спасателей. Место-то уединенное. Кто знает, когда следующий посетитель появится, а на троллей я бы особо не рассчитывала.

На одной из стен висел темный ковер с геометрическим рисунком. Арданассак отдернула его в сторону, за ним обнаружилась дверь. Возможно, существовали и другие замаскированные двери, но мне показали только эту. Комната за ней оказалась кладовой, в которой гадалка собрала множество разнообразных вещей. Чего здесь только не было: чучело совы, чьи глаза зловеще фосфоресцировали в темноте, нагоняя жуть, стеклянные банки с заточенными в них пауками, жуками устрашающего вида и змеями. Некоторые экспонаты выглядели живыми и вполне упитанными. Тут же висели остро пахнущие пучки сушеных трав. На одной полке гордо восседало чучело огромного пушистого кота и невозмутимо взирало на нас яркими изумрудами глаз с вертикальными зрачками. Арданассак следовало продавать билеты на осмотр своей кладовой — могла бы неплохо зарабатывать. Главное, чтобы маленькие посетители не решили остаться в кладовке навсегда. Это же ожившая мечта большинства детей.

— Ух ты, какой котик! — умилилась я, нежно поглаживая

черный кошачий нос. — Жаль, что мертвый.

«Мертвый» котик злобно зашипел, от души тяпнул доверчиво протянутый к морде палец, злобно полоснул когтями по руке, спрыгнул на пол и удалился горделиво и важно, как это могут делать только кошки.

— Ах ты паршивец! — возмутилась я, баюкая раненую руку.

— Прости, забыла предупредить — он с норовом, — покаянно вздохнула хозяйка вредного животного. — Сейчас отнесем стол, стулья, и займусь твоей рукой, пока греется вода.

— Вода?

— Конечно. Я решила начать с гадания на чаинках и кофейной гуще. Ты наверняка замерзла, и чашечка горячего напитка окажется как нельзя кстати.

Пожалуй, это самое прекрасное предложение, сделанное за последние дни.

ГЛАВА 3

Всего через несколько минут мы мирно сидели за столом. Тащить его и стулья оказалось плевым делом по сравнению со штурмом практически неприступной скалы. Арданассак сварила самый лучший кофе, что мне довелось пробовать. Да и травяной отвар, судя по ароматному благоуханию, распространявшемуся от чашки, был изумительно хорош. Что ж, за такую роскошь можно простить перебинтованную руку. А стоит ли извинять альпинистское восхождение без предварительной подготовки или инструктажа, покажет результат гадания. Я очень расстроюсь, если желанное предсказание выльется в нечто неопределенно-туманное по типу «понимай как знаешь». А в растрепанных чувствах меня обычно подмывает устроить погром.

— Загадай желание, — щедро предложила Арданассак, как только с кофе было покончено и горячий напиток отозвался в желудке приятным теплом, отчего в измученном холодом организме образовалась некоторая блаженная истома и отчетливо стало клонить ко сну. — Поверни чашку три раза по солнцевороту, затем переверни на блюдце и дай мне.

Что ж, инструкция несложная, вполне выполнимая и затруднений не вызывающая. Я отчетливо представила Норандириэль с ее небесно-голубыми глазами, блестящим водопадом золотистых волос, затем покрутила чашку, как было сказано, перевернула на блюдце и подала гадалке. Внутри зашевелилось предвкушение чего-то необычного, словно вот-вот робко приоткроется завеса будущего и удастся ненадолго заглянуть в таинственное грядущее. Будущее, как известно, бросает свою тень задолго до того, как войти. Разглядим ли мы эту тень? Вот в чем вопрос. Невольно вспомнилось, как маленькими девчонками гадали друг дружке на игральных картах, пророчили женихов красивых да богатых, детишек кучу да карьеру удачную. Как все три фактора могут сочетаться друг с другом, нас тогда мало интересовало. Зато сердечко часто билось в предвкушении грядущих событий, напророченных юными гадалками. Ничего не сбылось, но почему-то сердце трепетало по-прежнему. Видимо, правда поется в песне: «…Устроены так люди — желают знать, желают знать, желают знать, что будет»…

Гадалка некоторое время пристально вглядывалась в чашку, рассматривала блюдце с пятнами гущи, изучала, как плавают чаинки в моем чае, чем вогнала меня в некоторый нервный трепет.

— Ты прибыла издалека, — авторитетно изрекла она

наконец, когда я тщетно старалась не ерзать на стуле от нетерпения. — Таких, как ты, называют «не от мира сего».

«Ну вот, теперь еще и обзывается, — опечалилась я. — Хотя, положа руку на сердце, чтобы к ней добраться, точно нужно быть если не совсем сумасшедшей, то с некоторой долей сумасшедшинки».

— Ты прибыла из другого мира, правда?

— А-а-а… в этом смысле, — с облегчением вздохнула я.

Не то чтобы мнение женщины, которую я вижу в первый раз в жизни и, вероятнее всего, в последний, так уж важно, но все-таки, когда тебя считают не в своем уме, это немного расстраивает.

— Допустим, — подтвердила я выводы гадалки и даже кивнула для особой убедительности.

Пока она двигалась в верном направлении, посмотрим, что скажет дальше. В конце концов, в жизни всегда есть место для совпадения. Даже сломанные часы показывают верное время суток два раза в день, хотя стрелки их не движутся и по большей части они лгут.

— Ты находишься в поиске, но, не достигнув одной цели, бросаешься вдогонку за другой. Тебе не кажется, что следует сначала завершить одно дело, не распыляясь на другие? Иначе рискуешь всю жизнь провести в странствиях и ничего не достичь: твои цели множатся и ускользают, словно песок сквозь пальцы.

— Так я же не специально, — попыталась оправдать свои метания я. — Оно само как-то получается.

— Само? — Арданассак взглянула на меня своими голубыми глазами, в которых весело блестели серебряные искры. — Само по себе ничего не случается. Любому событию есть причина. Мы не всегда догадываемся о ней, но она есть. Впрочем, не будем об этом. То, что ты ищешь, сейчас находится не близко и не далеко. Оно в месте, скрытом от посторонних глаз.

— Скрытое от посторонних глаз? — переспросила я. — Что бы это значило?

Вот так и знала, что предсказание будет туманным и совершенно непонятным.

— Пока не знаю, — откровенно призналась гадалка. — Но это всего лишь предварительное гадание, чтобы настроиться на тебя и помочь точнее сформулировать вопрос, который привел тебя сюда.

— То есть все еще есть сомнения в том, что мой вопрос достаточно важен, чтобы быть заданным?

— Нет. Те, кто забираются на гору и входят в эту дверь, имеют веские основания искать со мной встречи. Просто в нужный момент не все могут сформулировать свой вопрос

достаточно четко. Оттого и гадание выходит не совсем определенным. И даже если вопрос правильно задан, настроиться на определенного человека сложно. Необходимо почувствовать его настрой, ауру. Ведь каждое существо индивидуально и неповторимо, словно снежинки. Видела, как падает снег? Сколько снежинок ни поймаешь, а узор каждой будет отличаться от других.

— Понятно. Итак, какое следующее гадание? Будем смотреть на полет птиц или что-то в этом роде?

Оставалось только надеяться, что не придется присутствовать при предсказании по внутренностям жертвенных животных. Пусть я толком не ела сегодня, но стошнить все равно может. Да и жаль убивать невинных зверюшек ради такой глупости.

— Зачем такие сложности? Есть способы проще. И потом, на такой высоте можно встретить лишь орлов да грифонов. Говорят, раньше здесь водились драконы. Но они не совсем птицы. Скорее ящеры. В любом случае никогда не слышала, чтобы кто-нибудь гадал на драконах или грифонах. Я погадаю тебе на «молитвеннике демонов».

— Ничего себе! Звучит устрашающе.

— И тем не менее ничего страшного в этом способе нет, — тихо рассмеялась Арданассак. — Это гадание придумал верховный демон Рефеций для своей возлюбленной, адской девы Нефры. Он думал смягчить жгучую ревность подруги таким оригинальным способом. В результате получил ссоры из-за дам, которых даже не знал, а Нефра передала этот дар своим жрицам. Среди них есть непревзойденные в искусстве гадания. Сам способ нарекли «Око Нефры».

Гадалка поднялась на ноги и удалилась в кладовку, откуда вернулась с толстой колодой карт в руках. Вот тебе и молитвенник. А название-то какое громкое. Вот уж действительно, не суди о книге по обложке. Арданассак выложила колоду на стол.

— Перемешай хорошенько.

Я взяла колоду в руки, попыталась тасовать обычным способом, но не преуспела. То ли карт было слишком много, то ли ручки кучерявые — только цветные картинки вместо того, чтобы послушно перемешиваться, все время выпадали из пальцев на стол.

— Что ты делаешь? — заинтересовалась хозяйка.

— Как что? Карты мешаю, — откликнулась я.

— Кто же так перемешивает? — изумилась Арданассак, словно любой уважающий себя человек должен знать минимум десять способов перетасовки колоды.

А из меня, честно говоря, шулер аховый — я и в простого дурака восемь из десяти раз дурочкой остаюсь. Поэтому на недоуменный взгляд гадалки ответила неопределенным пожатием плеч.

— Дорогая, все карты в гадальной колоде имеют два значения — прямое и перевернутое. В большинстве своем эти два значения либо разнятся, либо противоположны друг другу. Так что карты следует выложить на стол и перемешать руками, дав им принять любое из двух положений.

Надо же, а я и не знала. В школе некоторые девчонки гадали на картах, но колоды использовались обычные — игральные, где как карту ни верти, ничего не изменится. Карты Таро я видела в магазине, но мне и в голову не приходило приобрести их, всегда считала гадание пустой тратой времени и денег. Может, когда вернусь, пересмотрю свою точку зрения. Надеюсь, это не так сложно, если прилагается подробная инструкция, разумеется. Если нет, тоже неплохо — развлекусь… поностальгирую.

Арданассак пришлось отобрать у меня «молитвенник демонов», иначе, задумавшись, я перебирала бы его до утра. Она аккуратно, со знанием дела, сложила карты стопкой и принялась выкладывать на стол по одной.

— Смотри — это твое прошлое, — торжественно возвестила гадалка.

Впрочем, в комментариях не было необходимости. Над картами возникло золотое свечение, оно вихрилось, словно живое существо, его свет отбрасывал таинственные отблески на лицо женщины. На мое, вероятно, тоже, но со стороны себя не увидишь. Свечение осторожно пробежало по столу, нерешительно лизнуло наши руки, наградив едва ощутимым статическим разрядом, и отпрянуло в центр стола, где над картами медленно сформировался светящийся золотой шар. Я невольно ахнула, когда оживший огонь внутри сферы принялся рисовать картины. Выглядело это так, словно какой-то чародей исхитрился запечатлеть мое прошлое в янтаре, снимая все его этапы скрытой камерой. Картины не были статичны, они двигались, жили своей жизнью, и, будь у нас здесь пианино, а в шаре субтитры, — неплохое немое кино получилось бы. Впрочем, это мое прошлое, зачем к нему пояснения?

Перед глазами прошло все. И мое внезапное пробуждение на незнакомой поляне в этом мире, спасение принцессы от немытых личностей откровенно разбойничьей наружности, знакомство с Лиссой, вызволение из тюрьмы вампирского принца, переход через пустыню… Эх! В родной мир да такие картишки-то! Сомневаюсь, что обычные карты Таро способны на подобное. А

жаль.

Стоп. А это уже кое-что интересное. В сфере Норандириэль, хлопая своими нереально васильковыми глазами, исчезает в портале в сопровождении высокого золотоволосого парня явно эльфийской наружности. Судя по тому, что прекрасная принцесса мило улыбалась кавалеру, весело щебетала и держала его под руку, а не отбивалась с отчаянными воплями, через портал последовала она вполне добровольно. Что укрепило меня в мстительной мысли надрать легкомысленной особе, совершенно не заботящейся о чувствах друзей, ее эльфийские уши.

Последнее, что показал чудо-шар, — огромный прекрасный замок, парящий среди облаков, целый город, презревший законы всемирного тяготения. Я удивленно моргнула. Видение исчезло. Золотое сияние разбилось на гибкие струйки, изобразило круг почета над столешницей, оставив в душе щемящее чувство утраты маленького чуда. Будто мир стал чуточку мрачнее после того, как иллюзия развеялась.

— Что это было? — осторожно поинтересовалась я, когда изумление немного отпустило.

Вместо ответа гадалка издала какую-то птичью трель, чем окончательно сбила с толку.

— Простите, но я не понимаю по-птичьи, — смущенно пролепетала я.

Да и сомневаюсь, что подобный язык существует. Хотя как знать… Впрочем, свои сомнения озвучивать не стала. Зачем лишать элле иллюзий. В конце концов, каждый волен верить в то, что хочет.

— Это вовсе не язык пернатых, а благородный эльфийский, — снисходительно молвила гадалка. Словно каждый уважающий себя человек непременно должен родить сына, посадить дерево, построить дом и научиться отличать эльфийский от прочих языков.

Что ж. Видимо, в ее глазах моя оценка упала ниже плинтуса.

— И что означает это высказывание?

Надеюсь, оно, по крайней мере, не является непереводимой игрой слов на местном диалекте.

— Название города.

Вот это да! Ай да гадалка! Ай да ясновидящая! Раз-два — и узнала город, куда изволила отбыть наша высокорожденная пропажа. Если бы она сообщила улицу и номер дома, цены бы ей не было. Кстати, о цене.

— Вас не затруднит записать название на бумажке? Уж очень оно труднопроизносимое. Прочесть и то наверняка не с первого раза удастся, а уж произнести только после пары месяцев

тренировок, и то не факт. Кстати, сколько я должна за гадание? Предупреждаю, из ценного у меня лишь медальон, но он золотой. — Я извлекла украшение с изображением Норандириэль из-за пазухи за цепочку.

Оно мне так и не понадобилось. Если бы Арданассак служила в правоохранительных органах, процент раскрытия преступлений зашкалил бы.

Элле собрала карты в аккуратную стопку. Длинные пальцы сноровисто выровняли края чудесной колоды. Голубые глаза с серебряными искрами, притаившимися в глубине, лукаво сверкнули в мою сторону.

— Ты помогла мне, значит, за гадание ничего не должна.

Между нами повисла многозначительная пауза. Мне показалось или она предполагала некое «но»? Интересно стало всем, даже тигр с левбаем, которые благоразумно не вмешивались до этого момента, любопытствуя, пододвинулись поближе, чтобы наверняка расслышать каждое слово.

— Как мило, — не смогла удержаться я. — Значит ли это, что мне предстоит заплатить за что-то другое? Например, за местонахождение города или перевод его заковыристого названия?

Поймите меня правильно, но не верю я в бескорыстность гадалок. В большинстве своем им что-нибудь да надо. И если они говорят, что даже не притронутся к презренному металлу, который ты предлагаешь, значит, впоследствии сильно повезет, если останется хотя бы исподнее, дабы прикрыть наготу, и пара картонок, которые станут носить гордое название вашего дома.

— Нет. Я попрошу оплату за нечто другое. А исчисляться она будет не в золоте и вполне посильна для тебя. Но, если что, ты всегда можешь отказаться.

Вот черт! Заинтриговала дальше некуда. И ведь нутром чую ловушку, но любопытство разбирает до нестерпимого зуда в носу. М-да. Боюсь, это как раз тот случай, когда любопытство сгубило кошку.

Арданассак принесла письменные принадлежности и разложила на столе, обмакнула в чернильницу совиное перо и вывела на листке бумаги некое послание. Затем посыпала его песком, слегка помахала, чтобы чернила просохли окончательно, и с торжественным видом вручила мне. С удивлением прочла: «Город, которого нет».

— Что это за ерунда? — удивленно нахмурилась я.

— Название города, разумеется. Именно в нем находится девушка, которую ты ищешь. На самом деле у города множество имен. Город нигде, Город где-то там, Город демоны знают где… и

множество подобных названий.

— Бред какой-то, — преисполнилась скептицизма я. — Какому идиоту пришла в голову идея подобного названия?

— Так его окрестила молва. Настоящего названия уже никто не помнит, слишком много времени прошло с момента, когда кто-то его упоминал. Возможно, где-то сохранились древние манускрипты, где название еще присутствует, это мне не известно, — неопределенно повела плечами элле.

Я с удивлением воззрилась на нее. Значит, нам предстоит искать там, не знаю где? Хитро. Так можно весь мир носом перерыть, а искомого не обнаружить.

— То есть этого города не существует в принципе? Или он мертвый и о нем упоминают лишь в преданиях, как у нас об исчезнувшей Атлантиде?

— Я не знаю, что такое Атлантида и что с ней произошло, но город, парящий в облаках, действительно существует, просто найти его дано не каждому. В древних свитках написано, что в стародавние времена, когда одна из трех Великих войн постучалась практически в каждую дверь, воины клана Сумеречных птиц отказались принять участие в решающей битве. Они сказали, что их жизни и мечи принадлежат клану, развернули коней и вернулись в родной город. Битва была проиграна, а война затянулась на столетия. Несколько поколений людей рождались и умирали среди непрерывных сражений, разрухи, голода, когда причины раздора уже никто не помнил. Что же касается клана Сумеречных птиц, говорят, будто вдовы погибших собрались вместе и прокляли клан эльфов, так некстати покинувший поле боя. Но некоторые считают, что правители клана устыдились предательства своих воинов и заключили договор с демонами, чтобы те укрыли город от посторонних глаз. Будто бы поэтому одно из названий звучит как Город демоны знают где. В любом случае попасть в клан Сумеречных птиц может лишь тот, кто уже раньше бывал там, либо тот, кто точно знает, где он находится. Как понимаешь, это весьма ограниченный круг существ. Но иногда его отражение будто бы видят в ясную погоду в водах разных рек и озер.

— Что за бред?! — голосом, далеким от понятия «деликатность», вопросила я. — Я, конечно, слышала, что некоторые косят от армии, но чтобы целыми городами… Как такое возможно — потерять целый город со всеми его жителями? К тому же Норандириэль не встретила никаких затруднений. Вряд ли она вообще подозревала о существовании подобного населенного пункта.

— И тем не менее город не миф. Он существует.

«Молитвенник демонов» никогда не лжет. — Собеседница нетерпеливым движением откинула мешавшие волосы назад. Мне бы ее уверенность. — Просто этот город сложно найти без проводника.

Я недоверчиво хмыкнула.

— Ребята прятались не одну сотню лет, и, судя по тому, что до сих пор о них толком ничего не известно, маскировка удалась на все сто. Зачем им рисковать своей безопасностью ради меня? Неужели мужчины из Сумеречных птиц так падки на человеческих женщин, что просто не в состоянии устоять перед парой прекрасных глаз?

— Не думаю, — скривила губы в усмешке Арданассак, видимо, до нее не дошла моя ирония. — Если бы в Город, которого нет, можно было попасть вот так запросто, его никто не назвал бы легендой или пропавшим. Думаю, в данном случае следует обратиться к тем, кто его прячет.

Что ж, мысль здравая и не лишена логики. Вопрос, как это сделать?

— Согласна, — кивнула я. — Но если город прокляли люди, то их потомки могут понятия не иметь об этом. История слишком древняя. А с эльфами вообще сплошная засада. Они живут долго, есть шанс, что проклявшие еще топчут грешную землю. Но как их найти, если имена виновников не сохранились?

— Дорогая, у меня нет ответов на все вопросы. Одно гадание — один вопрос. Карты дали тебе направление, и тебе самой решать, идти или же нет. Любой выбор неизбежно повлечет за собой определенные последствия. Тебе жить с этим выбором. Но, пожалуй, я поступлюсь своими принципами и дам совет, хотя обычно так не делаю.

Я вся обратилась в слух, даже подалась вперед, насколько могла, не опрокидывая стол.

— Поговори с демонами.

— С демонами? — невольно ахнула я.

Ничего себе предложение! Мы только что совместными усилиями изгнали одного демона, а теперь предлагается мирно побеседовать с другими? Сдается мне, переговоры будут те еще.

— Именно, — радостно подтвердила Арданассак. — Возможно, город спрятали именно они. Тогда кто-то из демонов знает об этом договоре или хотя бы слышал о нем. Пусть прошли века, но сделка весьма необычна даже для обитателей бездны. Наверняка здесь не обошлось без кого-то очень сильного даже по их меркам. Спрятать целый город от посторонних глаз, да так, что его по сей день никто не может отыскать, не всякому дано. Редкая магия.

— Понятно, — потрясенно прошептала я, решив про себя, что жизнь ко мне излишне сурова.

Почему в книжках попаданец получает кучу позитива, принца с белой лошадью и полцарства в придачу, а у меня не попадание, а попадалово какое-то? Теперь еще с демонами общаться придется. Чем могут закончиться подобные переговоры? Вопрос еще тот, но интуиция вопила, что ничего хорошего ожидать не следует.

«Дорогая, сразиться с демоном — мечта любого воина», — авторитетно заявил Кумивар Марпамад, почему-то решивший, что его мнение в данном вопросе является решающим.

«Так это же мечта воина», — затосковала я.

«Трусиха!» — уничижительно фыркнул меч.

«Осторожная», — ничуть не обидевшись, поправила я.

— А как же я найду демона? — поинтересовалась я чисто на всякий случай. — Будем вызывать?

Раз уж пришлось лезть на гору, пусть хотя бы у меня будет максимум информации.

— Тут я тебе не помощница, — скривилась гадалка, как от кило лимонов. — Одного погрома с меня достаточно. Зато местный шаман хвастался, будто накоротке с некоторыми представителями бездны. Ума не приложу, каким образом он с ними сошелся, но я дам тебе рекомендацию, а там уж сами о цене столкуетесь.

Кстати, о цене.

— Ты сказала, что мне придется за что-то заплатить, — осторожно напомнила я. Не то чтобы я горела желанием расставаться с деньгами, которых, кстати, нет, но любопытство сгубило не только кошку. — Хотелось бы узнать хотя бы в общих чертах.

Да, я иномирянка, но вовсе не собиралась приобретать кота в мешке. Арданассак сколько угодно может рекламировать всякую ерунду, я уж точно не куплюсь на заманчивые посулы приобрести сверхъестественный талисман удачи или суперзелье, укрепляющее волосы, делающее фигуру изумительно стройной, зубы ослепительно-белыми и поднимающее потенцию на невиданные высоты. Впрочем, последнее точно относится не ко мне.

— Тебе придется заплатить за него, — загадочно молвила Арданассак, лукаво блеснув серебряными искрами голубых глаз.

Я проследила за направлением ее взгляда, встретилась с янтарем глаз удивленно застывшего у дверей тигра и закашлялась. Надо же, какой явный развод. Даже замаскировать не потрудилась.

— За него? — на всякий случай уточнила я, даже ткнула пальцем в сторону недоуменной морды Тиграша.

— Тигра? — Элле неожиданно рассмеялась горловым смехом. — Нет. Я имела в виду левбая. На нем заклятие изменения формы, и довольно мощное. Сильная колдунья поработала, раз смогла из эльфа такого славного левбая получить. И ведь даже по ауре почти не отличишь. Редко кто подобное плетение может распутать и снять.

— А ты, стало быть, сможешь? — подозрительно поинтересовалась я, еще надеясь, что ошиблась с выводами.

— Да. Это мне вполне по силам, — подтвердила Арданассак, и надежда, тихо пискнув, скончалась в зародыше.

Ситуация чем-то отдаленно напоминала нежно любимый фильм «Формула любви», где прекрасной Лоренце приходилось мазаться белилами и бегать в неглиже, изображая ожившую стараниями магистра Калиостро статую перед влюбленными в хладный камень представителями дворянства. Я скептически фыркнула, собираясь вежливо отказаться от явно ненужной услуги. Почему я решила, что левбай не может быть заколдованным эльфом? Так и в сказках, и в фэнтези заколдованные люди и прочие разумные расы имели обыкновение общаться с предполагаемыми спасителями, используя человеческую речь. А царевна-лягушка, будучи земноводным, умудрилась даже выскочить замуж за Ивана-царевича. Согласитесь, неплохая партия для зеленокожей, пучеглазой квакушки скромных размеров, проживающей на болоте и употребляющей в пищу местных насекомых. Нынче не всякая ухоженная девушка с французским маникюром и прекрасной стрижкой этак исхитрится, будь она хоть суперрукодельница. Впрочем, думаю, что современный Иван-царевич испек бы хлеб царю-батюшке в хлебопечке, заказал ковер по интернету на одном из сайтов, где мастериц хоть отбавляй, а на пир явился бы в сопровождении длинноногой девицы модельной внешности из эскорт-услуг. Зачем же шокировать престарелого родственника оригинальным видом своей супруги? Сердце родителя может не выдержать нервного потрясения, и сыну придется экстренно отправляться на поиски живой и мертвой воды.

Только я открыла рот, чтобы донести до гадалки свою непоколебимую точку зрения, как Бродяга звучно рухнул на колени и пополз ко мне, роняя на некрашеный пол огромные крокодильи слезы, всхлипывая, словно чувствительная барышня при просмотре душещипательной мелодрамы. Его влажные от слез глаза заглянули в мои с такой концентрацией мольбы во взоре, что, честное слово, я отдала бы ему ключи от квартиры,

машины, кредитки, всю наличность и даже почку, если бы это помогло его утешить.

— Надо же, все понимает, — искренне восхитилась элле, и чары, возникшие между мной и левбаем, рассеялись, как туман под палящими лучами солнца. — Это хорошо. Значит, разум его еще не покинул… Пока.

Это самое «пока» прозвучало многозначительно и как-то по-особому пугающе. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Бродяга тут же воспользовался благоприятным моментом и опустил голову на мои колени. Вот же вкрадчивый паразит! На жалость давит просто профессионально. Хотела было принципиально оттолкнуть наглую конскую морду, но вместо этого машинально погладила теплый бархатистый нос. М-да. Какая-то я слабохарактерная становлюсь.

— Что значит — пока? — на всякий случай уточнила я, и левбай осторожно придвинулся еще ближе, чтобы о его присутствии не позабыли.

Как же, забудешь тут. Левбай — животное немаленькое, даже если стоит на коленях, все равно на диванную собачку не тянет.

— А то и значит, что обращенному в животное трудно удержать разумность, естественную для его вида, — глубокомысленно изрекла Арданассак. — Даже оборотень, чья вторая ипостась является его частью, в случае слишком долгого пребывания в звериной форме тоже рискуют одичать и остаться в лесу в качестве очень умного, но все-таки хищника. Поэтому думать придется быстро. Времени почти не осталось.

Бродяга пододвинулся еще ближе, так что его внезапная нежность уже грозила многочисленными травмами хрупким девичьим ногам.

— Эй, осторожнее нельзя? — возмутилась я, пытаясь оттолкнуть воспылавшего чувствами левбая. — Учти, я не скажу «да», пока точно не станет известно, на что подписываюсь.

В ответ зверь нежно потерся мордой о мои колени, и глаза его приобрели выражение глаз кота в сапогах из анимационного фильма «Шрек», помноженное примерно на десять. М-да… Похоже, эта личность, будучи в своем обычном состоянии двуногого существа, из женщин просто веревки вила. Иначе как объяснить, почему, глядя в эти полные невысказанной мольбы очи, сердце по-девичьи трепещет, сбивается с ритма, а в голове звучит навязчивый мотивчик песенки «О боже какой мужчина!» отчего-то в сопровождении нежных переливов струн арфы.

Спать ведьма постелила в другой комнате, служившей хозяйке спальней. Интересно, сколько еще комнат таится в этой на первый взгляд скромной хижине? Спасибо и низкий поклон

неизвестному зодчему, умудрившемуся сотворить подобное в совершенно не приспособленной для этого местности без использования привычной для нас техники. Наверное, здесь не обошлось без применения довольно обычной для этого мира магии. Спальня Арданассак оказалась меньше кладовки. Это понятно. Даже при отсутствии окон в комнате царила легкая прохлада. Видимо, единственный камин плохо справлялся с обогревом. Надо будет взять на заметку, если застряну в этом мире надолго, вполне могу разбогатеть на внедрении системы парового отопления.

Вместо постели мне предложили набитый ароматными травами тюфяк. У гадалки был точно такой же, так что единственным исключением, сделанным мне как гостье, оказалось предоставление почетного места на полу возле камина. О чем я пожалела уже к середине ночи. Тиграш и Бродяга привычно устроились по бокам, и если у подножия гор жар тел двух зверей обеспечивал вполне комфортную температуру, то сейчас, когда имелась крыша над головой, я оказалась как бы в портативной сауне. До купания в снегу я еще недозрела, но пару раз вдохнуть в легкие морозный воздух потребность была. Поэтому я осторожно, чтобы не потревожить ведьму, вышла наружу, чтобы немного остыть.

Холодный воздух обжег лицо, заставив удивленно охнуть. Мороз тут же по-хозяйски забрался под одежду, острыми иголками пробежался по спине. Ветер менялся. Теперь его порывы продували насквозь. Однако в горах холодно по ночам. Ощущение такое, будто сплюнешь, и на снег упадет со звоном льдинка, и воздух из ноздрей должен вырываться сразу ледяными узорами. Но, как ни странно, возвращаться обратно в тепло натопленного жилья пока не хотелось. Я подошла к краю, рискуя сверзиться и переломать все кости, и бросила взгляд вниз, получив вполне ожидаемый результат: кроме снега и темноты ночи, не видно ничего. Все равно расстроилась. Как там проводят ночь мои спутники? Хоть бы огонек их костра разглядеть! Вокруг же только непроглядная тьма ночи. Хотя волноваться, наверное, не о чем. В отличие от меня они не карабкались по скалам, не имея должной альпинистской подготовки, а спокойно пообедали и даже поужинали. А мне, между прочим, после гадалкиного квеста вниз спускаться. Причем, как известно, вниз спускаться всегда тяжелее, чем лезть наверх. Вот черт! Мне точно хана.

Затосковав, я запрокинула голову, пытаясь найти ответ, чем за свою недлинную жизнь успела прогневить высшие силы, что огребла такое? Астролог из меня так себе… Ладно. Никакой из меня астролог. Да и гороскопы, которые я еженедельно

вычитывала в газетах, всегда нагло врали на мой счет. Но звезды на ночной небосклон высыпали в таком количестве, светили так ярко и находились так близко, что протяни руку — и надергаешь себе сколько душе угодно. И метла не понадобится, как ведьме Солохе из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Прямо встань на цыпочки и набирай в передник или мешок. Увиденное так заворожило, что у Арданассак были все шансы обнаружить меня утром в виде ледяной композиции с восхищенным выражением на лице, но появился Тиграш, ухватил за рукав зубами и повлек за собой на буксире, словно терпеливая мамаша нерадивого отпрыска.

И тут в воздухе проплыл тонкий стон животного, получившего смертельную рану. Захотелось зажать руками уши, только бы не слышать этот странный болезненный визг. Я обернулась в поисках его источника. Тиграш коротко рявкнул, по-видимому отпугивая возможных врагов. Шерсть на его загривке встала дыбом, и тигр с удвоенной силой поволок меня в тепло. Упираться было бессмысленно, и я подчинилась.

Позже, лежа у теплого камина между жаркими боками мерно посапывающих зверей, никак не могла выкинуть из головы ночной вопль неизвестного существа. Хотя глупо, наверное. Не может же здесь водиться какая-нибудь собака Баскервилей. Климат для нее неподходящий, да и я не аристократическая особа, на чье наследство может рассчитывать мстительный родственник. Да и родственников в этом мире у меня нет. Поразмыслив еще немного, решила отбросить несостоятельную версию с собакой-монстром. В местных горах водятся тролли, и вряд ли они являются единственными здешними обитателями. Наверняка есть какие-нибудь дикие козы и снежные барсы, например. Мало ли кому приспичило вопить ночью! Может, это оригинальный способ привлечь самку, разжалобив ее. У людей же такой подход прокатывает. И чего мне бояться, если сама сплю в компании двух хищников. На этой позитивной ноте я и заснула.

ГЛАВА 4

Как всегда, когда угораздит лечь поздно да еще полночи проворочаться от разнообразных дум, утро настало неожиданно и слишком рано. Вставать я решительно не желала, поднимать мою сонную персону с риском огрести когтистой лапой от тигра было себе дороже, поэтому Арданассак избрала более коварную тактику, подключив к побудке заинтересованное лицо, то есть морду. Левбая. Нагло переметнувшийся в стан противника Бродяга бесцеремонно выдернул из-под меня тюфяк, заставив еще не вполне пробудившийся девичий организм ощутимо приложиться о деревянный пол. М-да. Не лучший способ пробуждения, на мой взгляд. Где, спрашивается, чашечка хорошо сваренного кофе или свежеподжаренная яичница как стимул для ранней побудки? В довершение всего Тиграш тоже поднялся на мягкие лапы и с чувством потянулся, разминая мышцы. Камин давно погас, а гадалка не потрудилась развести новый огонь, и в комнате ощутимо похолодало. Температура установилась если не равнозначная наружной, то, по крайней мере, близкая к таковой.

Злая от недосыпа, клацая зубами от холода, как недокормленный крокодил, вышла в приемную гадалки, в надежде на уютное тепло и легкий завтрак. Но, как оказалось, не всем надеждам в этом жестоком мире суждено сбыться. Не могу передать, как жаль. Кружка холодной воды с крошками льда — плохая замена горячему травяному отвару, но хотя бы емкость не железная и не примерзала к губам.

Лишь только мы ступили за порог гадалкиной избы, я поняла, что в доме как раз было очень даже тепло. Холодный ветер тут же принялся пробираться под одежду с настойчивостью старого любовника. Обжигающий воздух ранил лицо, пришлось обмотаться шарфом так, что на поверхности остались только глаза. Ветер налетал порывами, острыми, словно когти горного кота, а вокруг, куда ни глянь, лишь снежные пики горных вершин. Пейзаж однообразный, но поражающий своим величественным великолепием. Небо, казалось, висело так низко, что стоит лишь вытянуть руку вверх, и потрогаешь край облаков, а то и погрузишься в белоснежную вату по локоть.

— Нам сюда! — Арданассак оптимистично кивнула, указывая на горный склон.

Я с опаской подошла ближе и с сомнением уставилась на крутой спуск, по которому предлагалось спуститься. М-да, а я-то надеялась пережить сегодняшний день. Потрясающая наивность.

— А по лестнице никак? — напомнила я о ступенях,

вырубленных в скале.

Помнится, по ним умудрялись ходить тролли, а где могут пройти туши весом под двести кило, я-то уж точно пройду.

— Нет, — ничуть не смутилась элле. — Спустимся по ступеням, большой крюк давать придется, да и не пройти там. Снега в этом году много навалило. Видишь долину внизу? Нам нужно туда.

Я честно напрягала зрение, но ничего, кроме густого тумана, разглядеть не удалось, о чем не без злорадства сообщила гадалке.

— Разумеется, — ничуть не огорчилась она. — Там внизу долина с горячими источниками. Они даже зимой не замерзают. От этого пар образуется и висит над долиной, словно туман. Но это чаще всего по утрам и по вечерам бывает. Солнце там тоже светит.

Словосочетание «горячие источники» сладкой музыкой проникло в уши и теплым бархатом скользнуло по нутру. И все же бесславно заканчивать жизнь самоубийством не хотелось. Поэтому честь первой осуществить спуск досталась Арданассак по умолчанию. Гадалка ничуть не смутилась отлегшей на хрупкие плечи ответственности и принялась спускаться, используя каждый едва заметный выступ. Просто человек-паук какой-то, а не женщина.

Мне пришлось последовать за ней. Был ли у меня выбор? Конечно да. Как говорится, даже если вас съели, у вас есть по крайней мере два выхода из ситуации. Кто виноват, что оба неприятные?

Разумеется, как девушка далекая от альпинизма вообще и горных вершин в частности, я вполне могла наплевать на все и остаться на продуваемой ветрами вершине под осуждающим взглядом тигра и полным невысказанной мольбы взором левбая, ожидая возвращения Арданассак. Рано или поздно элле поймет, что я вовсе не горю желанием следовать за ней, и вернется. Она порекомендует мне шамана, может, даст какую-нибудь безделушку, чтобы он точно помог, не ободрав при этом как липку. Возможно, мы сумеем найти спрятанный город. Хотя маловероятно, учитывая тот факт, что за века находилось немало желающих обнаружить его, и, судя по словам Арданассак, никто не преуспел в этом. Но смогу ли я дальше путешествовать в компании Бродяги, от которого отвернулась в минуту нужды? Черт побери! Похоже, в этом мире, наплевав на собственный эгоизм, я просто не в состоянии отказать кому-то нуждающемуся в помощи. Даже зная, что наверняка пожалею об этом.

— Ладно, — выдохнула я, сосчитав до десяти целых три раза. Впрочем, это ничуть не придало мне храбрости. — Так и быть. Я

сделаю это. Но если я грохнусь вниз и разобьюсь в лепешку, то стану являться вам, ребята, даже после смерти, и превращу вашу жизнь в ад. Даю слово.

В ответ Бродяга демонстративно опустился на колени, подполз ко мне и нежно лизнул руку. Глаза зверя излучали мольбу такой концентрации, что просто удивительно, как снег не начал таять и сползать вниз. Похоже, некоторые особи мужского пола просто рождены с талантом вить из женщин веревки. Хотя… Есть шанс, что, лишившись звериного облика, Бродяга благополучно утратит и эту свою особенность. Но сие явно не с моим счастьем.

Должна признаться, что после взгляда на практически отвесный склон скалы, по которому предстояло спускаться, у меня на душе стало не так чтобы уж совсем тяжело, но все же определенно невесело. Конечно, в связке со мной будут тигр с левбаем; это утешало, но не очень. Три разодранные о скалы лепешки у подножия, может, и лучше одной, но, если ты одна из них, не все ли равно, в какой компании оказался.

Спуск на поверку оказался гораздо сложнее подъема. Тело отказывалось отпускать руки, намертво вцепившиеся в уступы скалы, даже когда ноги находили более-менее устойчивую позицию. Причем разум прекрасно понимал, что следующий выступ безопасен — если ухватиться за него рукой, я смогу продолжить спуск, но инстинкт кричал другое, заставляя пальцы судорожно цепляться за камни, ломая ногти. Наверное, я так и осталась бы висеть на скале, как пришпиленная булавкой к занавеске бабочка, но в очередной раз положение спас Тиграш. Он подобрался ближе, толкнулся лобастой головой в руку. Ну в тигре я всегда была уверена. Он ни за что не даст мне упасть. Пальцы судорожно вцепились в густую шерсть любимца, причиняя боль. Он не протестовал, и горячая волна благодарности поднялась в глубине моего сердца. Зашуршали мелкие камни, скатываясь вниз, — это Бродяга подобрался с другой стороны. Поддерживаемая с двух сторон зверями, я смогла спуститься в долину без переломов и почти не поцарапавшись. Вот что значит своевременная поддержка друзей. Пусть и корыстная со стороны левбая. Впрочем, в некоторых ситуациях не до щепетильности в оценке целей.

Долина горячих источников оказалась райским местом. Множество зелени, некоторые деревья увешаны плодами различной степени спелости, некоторые еще цвели. Неприступные горы окружали это буйство растительности плотным кольцом, отчего создавалось впечатление, словно стоишь на дне гигантской чаши, принадлежащей великану.

Источники тоже были в наличии; некоторые подозрительно булькали, над другими клубился пар, а еще парочка щеголяла изумрудно-зелеными живописными берегами — хоть сейчас бери краски и пиши пейзаж. Странно, что Арданассак предпочла вершину горы буйно цветущему саду. Лично я предпочитаю солнечное тепло, возможность принимать горячую ванну, слушать птичьи трели по утрам леденящему холоду на продуваемой всеми ветрами горной вершине. Но гадалка, видимо, считала иначе.

— Вот! — Элле широким жестом указала на какое-то нагромождение ботвы с торчащим валуном посередине. — Это был прекрасный огород, пока на него не свалился грифон. А я даже не успела собрать урожай.

Я с удивлением воззрилась на то, что первоначально приняла за камень. Ничего себе зверюшка! Сложите штук десять львов вместе и получите примерный размер монстра. Не представляю, какой размах крыльев должен быть, чтобы поднять такое в воздух. Надеюсь, у него нет семьи, готовой мстить за смерть родственника до последнего вздоха. Монстры — существа темные, им понятие алиби и презумпции невиновности до лампочки. Сожрут и не подавятся.

«Что-то наша воительница снова празднует труса», — неожиданно прорезался Кумивар, заставив вздрогнуть от неожиданности.

А я-то уж было начала думать, что избавилась от навязчивых комментариев клинков в голове. Рано радовалась.

«Действительно, Вероника, пока мы с тобой, не стоит считать битву проигранной, даже не вступив в нее», — поддержал брата Джастудай.

«Точно, — мысленно фыркнула я, вложив в слова всю иронию, на какую была способна. — Из вас выйдет славная пара зубочисток для грифона. Только посмотрите, какой размер!»

А вслух сказала:

— И ты привела меня сюда, чтобы вместе оплакать погибший урожай? Не проще ли взять медальон? Вещь дорогая. На нее можно купить много продуктов.

— Дело вовсе не в овощах и не в оценке ущерба, — покачала головой гадалка. — Я хочу, чтобы ты убрала тело с огорода.

Я удивленно вытаращила на нее глаза. Как она себе это представляет? Зверь огромен. Даже просто сдвинуть с места тушу можно лишь при помощи нескольких тяжеловозов, а утащить куда подальше, используя как тягловых животных тигра и левбая — невозможно.

— Не знаю, — изящно пожала плечами элле в ответ на немой вопрос. — Расчлени, скорми тигру, продай на декокты по

частям… Что угодно, только избавь меня от этой проблемы. Времени у тебя много. Только на подготовку левбая к ритуалу уйдет не один день.

Приняв мое ошеломленное молчание за согласие, Арданассак показала мне маленькую, но уютную и сухую пещеру, где нередко ночевала сама, пока ухаживала за своими растениями. Что ж, это понятно. Чертовски неудобно лазить по скале вверх и вниз каждый раз, лишь только решишь полить собственный огород. В пещере даже был оборудован очаг, имелся небольшой запас продуктов (преимущественно крупа) и топчан для сна. Огромная медвежья шкура, подвешенная у входа, успешно заменяла дверь. Другая возле топчана придавала жилищу некий уют. Просто мечта пещерного жителя.

— Извини, мяса нет. Если тигру оно необходимо, пусть либо охотится, либо ест грифона. Все меньше тащить, — напутственно бросила гадалка перед уходом.

И они с Бродягой удалились. Глядя, как они бодро карабкаются на горную кручу, я гадала, увижу ли Бродягу еще раз. И чувствовала себя одинокой и всеми покинутой. Но тут Тиграш ласково потерся лобастой головой о руку, напоминая о себе. Уж он-то точно меня не покинет. Ну по крайней мере, надолго.

День рассиялся всеми цветами радуги. Кто-то метко заметил, что солнце — золото бедняков. Так что с этой точки зрения золота у меня было просто завались. Требовательно заурчавший желудок некстати напомнил о необходимости хотя бы пообедать, если уж первый и второй завтрак безнадежно пропущены. Посему, немного пораскинув мозгами, я отпустила Тиграша немного поохотиться. Злаки и фрукты — дивная еда, но вегетарианство точно не мой стиль. Помнится, пару раз я пробовала поститься в Великий пост, отчего характер мой испортился. Я ходила хмурая и рычала на всех вокруг, словно медведь, случайно потревоженный в берлоге во время зимней спячки. К концу поста коллеги готовы были собственноручно кормить обозленную меня колбасой, стоя на коленях, лишь бы я перестала походить на египетскую кобру. Как это ни печально, но я стопроцентная хищница.

Благословив полосатого добытчика на подвиг во имя голодной дамы, я не помахала вслед медленно трусящему вдаль коту белым кружевным платком только из-за отсутствия такового, и благополучно отправилась оценивать фронт предстоящих работ. Разумеется, зимнюю одежду, как и поклажу с тигра, пришлось оставить в пещере. Если никто не покусился на вещи Арданассак, то и на мои вряд ли польстится. Пришлось захватить с собой

мечи в заплечных ножнах. В отсутствие тигра, оставаясь без оружия, чувствую себя неуютно, словно голая. Наверное, это паранойя. Похоже, после возвращения в родной мир точно понадобится психолог. А также состояние на оплату его услуг.

Кажется, Брижит Бардо однажды заметила: «Нет тяжелее работы, чем стараться выглядеть красивой с восьми утра до полуночи». Могу с ней поспорить. Французской киноактрисе явно не приходилось решать, каким образом депортировать огромную тушу погибшего грифона за пределы долины. Это как раз тот редкий случай, когда сказка, ставшая былью, вовсе не радует.

Некоторое время я бестолково кружила вокруг распростертого среди огородной ботвы тела грифона, но достигла только того, что взмокла, ослабла духом и едва могла побороть чувствительные приступы тошноты. Надо признаться, Арданассак проявила просто поразительную прозорливость, не дав мне позавтракать. Как я уже заметила ранее, монстр был размером примерно с десяток львов, и пахла его туша так, словно эти львы благополучно скончались уже неделю назад от устрашающего вида копья, живописно торчащего из ляжки животного. Возможно, существовали и другие, более опасные раны, которые просто не видны с такого расстояния. Маловероятно, что зверь мог скончаться лишь потому, что какой-то рыцарь умудрился уязвить его копьем в зад. В любом случае грифон умудрился дотянуть до долины, чем очень расстроил меня, хотя вряд ли на это рассчитывал или хотя бы подозревал о моем существовании.

Итак. Что мы имеем? Мерзко воняющий холм, к которому по своей воле не дотронулась бы и пятиметровым шестом. А уж затевать разделку на порционные куски при наличии столь едкого специфического амбре без противогаза вообще не рекомендуется. Назовите меня ханжой, но пусть меня закидают гнилыми помидорами, если для этой работы может сгодиться пара мечей. Хороший топор и крепкий мясник с бугрящимися мускулами в придачу — думается, самое то для успеха данного предприятия. Есть отчего впасть если не в отчаяние, то в уныние точно. Впрочем, волосы рвать на себе все же не стоило. Раз миссия невыполнима, вполне можно сообщить об этом открытии Арданассак чуть позже, например, через пару-тройку дней тихого отдыха на природе. Странствия так утомляют, а самолет здесь изобретут точно не скоро.

«Стыдись, Вероника, — голосом умудренного опытом наставника молвил Джастудай, заставив меня невольно вздрогнуть от неожиданности. — Разве пристало воительнице бежать от трудностей? Ведь ты даже не попробовала их разрешить».

Вот всегда так — и хорошего ничего не посоветуют, и удовольствие испортят. Не иначе эта пара занудных клинков досталась мне в наказание за ужасные злодеяния в прошлой жизни. Джастудай ничего не ответил, но его демонстративное молчание давило невыносимым грузом осуждения.

«Ладно тебе дуться, братец. Это несолидно для воина, — неожиданно встал на мою защиту Кумивар, заставив испытать чувство благодарности и насторожиться одновременно. От этого зубоскала хорошего ожидать не приходится. — Должен признать, некоторая критика в наш адрес не лишена основания. Раз уж ты так жаждешь совета, то, так и быть, предложу кое-что».

«Я вся внимание, — чуть не сделала реверанс я. — Можно сказать, жду, дыханье затая».

Как и следовало ожидать, шпильку Кумивар благополучно пропустил мимо ушей. Возможно, когда ты в большей степени состоишь из стали, уколы не так чувствительны, даже если это остроты.

«Предлагаю извлечь из грифона копье и внимательно осмотреть на предмет опознавательных знаков. Оружие — вещь не дешевая, и многие рыцари метят его. Кто-то из-за банальной скупости, кто-то из чистого тщеславия».

«Тщеславия?» — удивилась я.

«Разумеется. Никто не сможет приписать добычу себе, если из трофея красноречиво торчит оружие с твоей монограммой и гербом», — сменив гнев на милость, охотно разъяснил Джастудай.

«Снимаю шляпу перед их предприимчивостью, но чем это может помочь лично мне?» — все еще недоумевала я.

«У того, кто запустил в монстра копьем, наверняка имелась веская причина это сделать», — терпеливо пояснил Кумивар.

Что-то он больно покладист. Не подменили ли его? В ответ клинок иронично хмыкнул: «Грифоны не слишком популярные твари. Прибавим к этому дорогое личное оружие и получим рыцаря, обретающегося где-то поблизости в горах в поисках законного трофея».

«Остается найти героя, и пусть он забирает свою добычу!» — восхитился изящным решением проблемы Джастудай.

«Именно, — радостно подтвердил Кумивар. — Нам чужого не надо. Свое девать некуда».

«Все это так, — засомневалась я. — Но горы протянулись на многие километры. Грифон вполне мог пролететь не один десяток, прежде чем „осчастливил“ Арданассак своим падением. Как мне его найти? Не ехать же непосредственно во владения его рода. С моим счастьем они либо находятся где-то у черта на

рогах, либо отсутствуют в принципе. Этак я рискую всю жизнь провести в странствиях».

«Дорогая, в твои молодые годы — и такой пессимизм, — осуждающе зацокал языком Кумивар. — Уныние, между прочим, один из смертных грехов. На копье наверняка сохранился запах владельца. Дай его понюхать тигру, подключи левбая наконец. По-моему, раз он так жаждет обрести свой истинный облик, пусть потрудится немного. Заложит, так сказать, кирпичик в стену своего благополучия».

Я застыла как громом пораженная. Ай да Кумивар! Ай да су… М-да. Не будем уточнять кто, а то обидеться может. Самоирония Пушкина, принятая на свой счет, может огорчить гордый клинок. Я попыталась проявить твердость характера. Собрала всю волю в кулак, собралась с духом, что, надо сказать, далось весьма нелегко. Шагнула к поверженному грифону, ухватила обеими руками копье и дернула так, что в глазах потемнело. Раздался треск, и я с обломком грозного оружия усекновения монстров полетела в ботву, словно камень, удачно пущенный из пращи метким стрелком. Потому как угодила я прямиком на единственный целый кочан капусты и, разумеется, его раздавила.

К моему изумлению, абсолютно дохлый монстр мощно подпрыгнул вверх и издал вопль, подобный предсмертному реву сотни издыхающих гиен. Но тут же грохнулся назад и потерял интерес к происходящему.

— Он живой… — потрясенно выдавила я.

«Кто бы мог подумать», — проявил редкое единодушие Кумивар.

В это время раздался звук рога такой силы, что задрожали и горы и небеса. С ближайшей горы скатился небольшой камнепад. С неба, к моему искреннему изумлению, ничего не упало. Видимо, от глобальных разрушений, вызванных дальним родственником иерихонской трубы, нас спасло только полное отсутствие городов поблизости.

Причиной душераздирающих звуков оказалась весьма колоритная парочка. Издалека они выглядели как рыцарь верхом на верном скакуне и оруженосец на ослике со стягом на длинном древке. Когда же они приблизились мелкой неторопливой рысцой, я поднялась на ноги и с некоторым ошеломлением уставилась на вновь прибывших.

Начнем со знамени. Гордо реявший на ветру стяг вблизи оказался неимоверно грязной тряпкой с намалеванной на ней гнусной рожей. Возможно, художник задумывал нанести на полотнище грозно оскаленную морду какого-то животного, но то ли вдохновение покинуло его и муза куда-то отлучилась по своим

делам, оставив преданного почитателя творить свою абстракцию, то ли ткань просто выгорела на солнце. Как по мне, лучше без всякого знамени, чем так позориться. Но тут, как говорится, на вкус и цвет…

Зато доспехи сэра рыцаря не подкачали: вычищены, надраены до зеркального блеска. Аж глаза слепят, так играют на солнце. Если опустить факт, что шлем напоминал жестяное ведро, которое взрослый с виду человек умудрился напялить на голову и теперь таращился на меня сквозь узкую амбразуру, проделанную специально для глаз, к амуниции претензий не было.

Боевой скакун явно знавал лучшие времена и больше напоминал творение некроманта, чем реально живой организм. Несчастный полуседой коняга подслеповато щурился на солнце и, казалось, состоял из одних выпирающих сквозь плешивую шкуру ребер да выпиравших мослов. Как он держался на ногах и не падал под весом всадника в полном доспехе, оставалось загадкой.

Ослик выглядел немногим лучше своего четвероногого собрата. Веснушчатый парнишка, горделиво восседавший на ушастом, оставлял стойкое ощущение, будто его только что оторвали от сохи, нарекли оруженосцем, взгромоздили на животное и отправили в поход, чтобы просто избавиться от лишнего рта в семье. Причем сам он явно мнил себя особой чуть пониже графа.

С моей точки зрения, этих ребят следовало привлечь к ответственности за жестокое обращение с животными. Конфисковать несчастную скотину, отобрать злосчастный рог, а самим всыпать плетей, чтобы неповадно было.

Парнишка выехал чуть вперед, и с видом королевского герольда изрек:

— Приветствуй и пади ниц перед сэром Толесналом Норыльским, победителем драконов, грифонов и гиппогрифов! Гонителем гулий, добытчиком фэнхуана и обладателем хайжэнь!

— Какой-какой жэнь? — удивленно переспросила я, размышляя, сразу гнать хама взашей или сначала все-таки подождать объяснения причин их визита.

— Хайжэнь, — еще выше задрал конопатый нос парень, — это диковинная рыба, добытая доблестным сэром Толесналом и выпущенная в пруд в его личном имении.

В жизни не видела, чтобы обладатели рыбы так гордились. В детстве мама покупала живого карпа, и он пару дней плавал в нашей ванной, но нам и в голову не приходило задирать из-за этого нос перед соседями.

— Что же ты не падаешь ниц? — настойчиво поинтересовался оруженосец.

В ответ я смерила его брезгливым взглядом императрицы, которая вошла в собственную спальню и совершенно неожиданно обнаружила грязного трубочиста, нагло валяющегося на ее постели и спокойно потягивающего вино из ее любимого кубка.

«Давай сбросим его с седла, а затем проучим хорошенько мерзавца!» — кровожадно предложил Кумивар.

«Поддерживаю, — в кои-то веки явил солидарность Джастудай. — Если мальчишку не проучить, его гордыня вознесет прямиком на небеса. Не отличить воительницу от черни! Нынче в оруженосцы набирают кого ни попадя».

Помощь пришла, откуда не ждала. Все-таки приятно иногда побыть слабой женщиной, взвалив всю грязную работу на сильные мужские плечи. Виват рыцарству! Тяжелая латная перчатка лихо съездила по уху зарвавшегося юнца, повергнув его в пыль с натруженной спины ослика. Речь оруженосца претерпела стремительную метаморфозу, скатившись от напыщенной до нецензурной. Несчастная животинка, лишившись своего седока, обрадовалась подобному исходу, проревела нечто благодарственное и умчалась, весело взбрыкивая, на ближайший лужок с сочной травкой. Конь рыцаря с завистью во взоре проводил ездового собрата, тяжко вздохнул и принял еще более жалкий вид.

— Благородная дама! — торжественно начал вещать сэр Толеснал.

Это его выражение — благородная дама — заставило меня удивленно оглянуться в поисках прекрасной незнакомки, затянутой в шелк и бархат. Не найдя никого даже отдаленно похожего, я сделала удивительный вывод: «Благородная дама — это я. Умереть не встать!»

«Не особенно обольщайся, дорогуша, — влил свою ложку дегтя Кумивар. — Просто рыцарь хорошо воспитан».

«Настолько хорошо, что лупит собственного оруженосца и доводит коня до плачевного состояния?» — едко парировала я.

— Сожалею, что нас не представили по всей форме, — продолжал между тем Толеснал, и его хорошо поставленный голос гулко вибрировал в стальных стенках шлема. — Соблаговолите назвать ваше имя, дабы я смог сохранить его и поведать менестрелям.

— Зачем? — слегка опешила от его заявления я.

— Они сложат прекрасную балладу о нашей встрече.

Ничего себе! Надеюсь, это будет не что-то вроде: «Какая страшная ты, какая страшная… и не накрашенная страшная, и накрашенная».

— Меня зовут Вероника Погорелова, — смущенно выдавила

я, попыталась изобразить реверанс, но запуталась в собственных ногах и чуть не упала. Впрочем, чуть-чуть не считается. — Но, думаю, не стоит упоминать мое имя в балладе.

— О! — восхитился рыцарь. — Скромность — прекрасное качество. Она служит великолепным украшением женщины.

— Ага. Это если других украшений у нее нет, — сердито пробормотал оруженосец, поднимаясь на ноги.

Он попытался выбить пыль из грязно-серой туники, но, думается, это напрасная трата сил и времени — чистой ее может сделать лишь пара кусков хорошего мыла и несколько бочек воды. Глядя на его жалкие потуги, даже обижаться расхотелось.

— Надеюсь, вы проделали весь этот путь по горам и долам не для того, чтобы важно сообщить, что скромность является единственным моим украшением. Может, оставим светскую болтовню и сразу перейдем к делу?

Рыцарь осуждающе воззрился на меня сквозь амбразуру в шлеме. Видимо, предварительная беседа с леди о погоде, прежде чем приступить к сути, являлась для него чем-то сродни артподготовке перед решающей битвой. Кстати, когда на тебя таращатся сквозь узкую щель из перевернутого ведра, напяленного на голову, — ощущение жутковатое.

— Хорошо, благородная дама. Ваше слово — закон для рыцаря. Я буду краток, хотя сердце мое трепещет от желания усладить ваш слух подробным описанием трудности пути и свершения подвига во имя прекраснейшей из дам — Брунхильды, прозванной Светлоокой. Да будет имя ее воспето в веках сотнями лучших менестрелей!

По мне так путешествие верхом по горам, исключительно по козьим тропам, да еще нацепив кучу железа, точно тянет на подвиг. Проделать все вышеизложенное без лишнего веса на плечах и то под силу не каждому. О чем я мило сообщила собеседнику. За что заслужила похвалу от обоих мечей, а это дорогого стоит. Сэр Толеснал рассыпался в благодарностях, казалось, даже его конь сейчас изобразит поклон. Вот только соберет остаток сил и начнет.

— Итак, — настойчиво прервала поток красноречия я, ибо захлебнуться в нем совершенно не улыбалось. Окончание жизненного пути виделось мне иначе. Например, в окружении многочисленных потомков на Французской Ривьере. — Что привело храброго рыцаря в долину с горячими источниками? Ради чего он сел на коня и проделал весь полный опасности путь?

Боже! По-моему, высокопарный слог — это заразно.

— Благородная дама, я явился забрать свой трофей. Вот он — труп злобного монстра. И мое копье, поразившее сердце твари, до

сих пор торчит из него.

Толеснал ткнул указующим перстом в сторону беднягигрифона. Тут бы мне подпрыгнуть от радости, рассыпаться в благодарностях, молвить с кроткой улыбкой, потупив взор: «Благородный рыцарь, душа моя трепещет и ликует, зная, что не оскудела земля героями и есть защитники сирых, убогих и сирот. Забирайте же, благородный сэр, свой законный трофей, грузите на боевого скакуна, везите в свой замок высокий и прибейте на стену каменную, дабы гости приезжие могли восхититься вашей храбростью и неимоверной твердостью вашей длани, что не знает промаха. Дозвольте же мне подняться на гору, дабы помахать вослед платочком белым, пока вы в закат уезжать станете. И нет мне более достойной награды». Но ничего этого вслух я не сказала. Вот такая я противоречивая.

— Сэр рыцарь, а вы точно уверены, что именно ваше копье торчит из грифона? — осторожно поинтересовалась я.

— Разумеется, уверен, — ничуть не смутился он. — На нем клеймо нашего дома.

Что ж, не подкопаешься. Хотя удивительно, как можно рассмотреть клеймо с такого расстояния. Ну может, у него орлиное зрение.

— Пусть так, — встала в позу я. Не сдаваться же из-за такого пустяка. — Я за справедливость. Коль копье ваше — забирайте. Мне чужого не надо, свое некуда девать.

— Во девка дает! — восхитился моей наглостью оруженосец. — Копье заберем и так. И зверюга наша. Да мы на енту монстру почитай две недели убили, по горам, как козлы, лазая!

Красноречие паренька грубо, но бескомпромиссно прервал очередной подзатыльник, повергший его в пыль. Мне даже стало немного жаль незадачливого оруженосца, чей удел получать тычки от собственного господина. От постоянных ударов по голове можно стать идиотом.

— Прошу великодушнейше простить моего оруженосца. Нерадивые и грубые слуги встречаются в любом доме. Если это утешит благородную даму, я велю его высечь, лишь только мы достигнем ворот моего замка.

— Которого, к слову, у вас нет, — ехидно сообщил веснушчатый паренек, дальновидно отбежав на некоторое расстояние, чтобы оказаться вне досягаемости кольчужной длани. — Вы всего лишь третий сын и не наследуете ни титула, ни земель, ни замка.

В ответ сэр Толеснал содрал с руки латную рукавицу и привычным движением метнул в нахала. К вящей досаде,

промахнулся, чем дал лишний повод поглумиться над собственной персоной.

— Вот и поднимайте теперь сами, ваше злобство. А я, пожалуй, пойду позабочусь об осле, пока он не одичал, — с насмешливым поклоном заявил оруженосец, резко выпрямился и потопал прочь.

— Так на чем мы остановились? — глядя в укоризненную спину бодрым шагом удалявшегося слуги, поинтересовался рыцарь. — Ах да… Итак, миледи, желаете ли вы подвергнуть парня наказанию собственноручно или предпочитаете, чтобы я сам этим занялся?

— Ха! — донесся со стороны жизнерадостный возглас парня. — Не поймали — ощипали! — весело добавил он и остановился, решив не уходить далеко от интересного разговора.

— Эгей! — погрозил сэр Толеснал могучим кулаком, все еще закованным в перчатку. — С огнем шутишь! Сейчас дам шпоры своему Демону, живо догоню его и затопчу копытами.

Не знаю, кто удивился этому заявлению больше: я или доходяга-конь, гордо именованный Демоном.

— Да пес с ним, — примирительно молвила я. — Не надо утруждать себя и несчастное животное напрасными скачками. Ваш путь и без того был утомительным и полным лишений. Желаете, чтобы я помахала белым платком вам вслед?

— Миледи, смею напомнить, что я вовсе не собираюсь пускаться в обратный путь без головы грифона. Я совершил подвиг и намерен увековечить его.

— Милорд, — в тон откликнулась я, попробовала было изобразить реверанс, но поклон снова не задался. Что ж, вежливость и светские манеры никогда не были моим коньком. — По мне, так ваше прибытие сюда, через горы, в полном доспехе, уже подвиг, о котором следует слагать легенды. А несчастный грифон и без того слишком много страдал из-за вашего копья. Добивать зверя ради того, чтобы водрузить его голову на стену, негуманно, жестоко и откровенно попахивает фобией.

— То есть, если я правильно вас понял, прекрасная леди, вы решили оставить монстра себе? — на всякий случай уточнил рыцарь.

— Честно говоря, я не назвала бы это сознательным выбором. Но, пожалуй, да. Грифон еще жив, и я хочу попробовать его вылечить.

«О боги! — простонал Кумивар. — Мы так и будем собирать всех сирых и убогих? Да и как ты намереваешься совершить сие исцеление? Ты же разбираешься в болезнях и травах как свинья в апельсинах».

«Свинство, мой дорогой, это когда меч постоянно читает нотации», — парировала я.

«Бесценная Вероника, — тут же вклинился Джастудай, — я глубоко ценю гуманное отношение к зверям, но зачем этот трагизм? Ведь ясно: грифон не жилец. Самое разумное — даровать ему легкую смерть и покончить с этим».

«Возможно, я верю в чудеса».

— Благородная дама, на чем же основаны ваши притязания?

— Кто нашел — тот и съел.

— Вы собираетесь его съесть?

Я не уверена, но ощущение такое, словно он брезгливо поморщился под шлемом, но наверняка этого не скажешь.

— Я выразилась образно. Типа что с возу упало, то пропало, если так понятнее.

— Но это смешно!

— Не смешнее, чем ваше заявление о копье.

— Но это логично и общепризнанно, — возразил он.

— Серьезно? — нахмурилась я. — То есть уколол острым предметом — и уже твое? В таком случае ваш скакун принадлежит подковавшему его кузнецу.

— Глупости. С чего бы это?

— Вы воткнули в грифона всего одно копье и объявили зверя своим. Кузнец вогнал в каждое копыто штук по семь гвоздей, что в двадцать восемь раз больше. В чем разница?

— Сэр, она вас уела! — радостно сообщил парень, чем окончательно поверг озадаченного рыцаря в некий ступор, в течение которого сэр Толеснал пытался испепелить меня пламенным взором из щели в шлеме.

Но то ли он не владел магией огня, то ли я плохо поддавалась воспламенению, но в любом случае мы не дождались даже дыма.

— Благородной даме не пристало рассуждать о разнице между ковкой боевого коня и убийством гадкого чудовища. Только женщина может перепутать подвиг с ремеслом, — высокомерно заявил рыцарь и даже попытался задрать подбородок, но шлем не дал. Так ему и надо. — Позволь забрать мой трофей, и твою красоту воспоют в балладах. Обещаю замолвить словечко перед моим лордом-отцом. Он великодушен и наверняка даст небольшое приданое и подыщет подходящего мужа. Могу сопроводить в замок или куда скажете, ибо не пристало приличной даме путешествовать в одиночестве.

— А что в таком случае ей пристало? — поинтересовалась я. — Быть ограбленной проезжим рыцарем?

— Но… дама! — возмутился моему заявлению рыцарь. Даже

железо его лат осуждающе брякнуло, а конь посмотрел с негодованием. Странно. А ему-то я чем насолила? Я вообще впервые вижу эту конскую морду. — Разве я вас грабил?

— Пока нет, но явно собираетесь, — гнула свою линию я. — Иначе как называется наглое присваивание грифона? Вы даже изволили собственноручно ткнуть в несчастного копьем и только что признались в содеянном. Что же это, если не разбой и воровство средь бела дня?

«Вероника, неужели ты и впрямь решила стать обладательницей грифона? — прорезался Джастудай Марпамад. — Он же практически мертв, и, даже если каким-то чудом выживет, в лучшем случае монстр просто улетит, а в худшем постарается закусить твоей персоной. Он же хищник, этого не стоит забывать».

«Тоже мне новость, — мысленно фыркнула я. — Я вообще редко рассчитываю на чью-либо благодарность и чаще всего ее не получаю. Захочет улететь не прощаясь? Скатертью дорога. Помрет? Догоню рыцаря, попрошу прощения и торжественно вручу ему нож для разделки трофея на порции. Решит напасть? Эка невидаль. Вы не против сразиться с демонами бездны, а какой-то полумертвый грифон заставляет доблестные клинки трусливо поджать хвосты?»

Выдав вышеизложенное, я заслуженно возгордилась собственным красноречием. Ай да я! Разумеется, боевые клинки не могли позволить и слабого намека на их трусость. Даже излишняя осторожность им претила, и чаще всего стальная пара предпочитала хорошую драку худому миру. Кумивар аж слегка завибрировал от гнева.

«Ты права! С какой-то полудохлой помесью льва и орла мы как-нибудь разберемся, — отрезал он. — Гони этого претендента на нашего монстра, и дело с концом!»

«Ты не прав, брат, — вмешался Джастудай. — Самой воительнице неудобно будет извлекать копье. Оно может застрять. Да и ноги могут пострадать от гнева раненого зверя. Неплохо бы сначала вернуть копье рыцарю. Пусть вынет его сам. Этакий жест доброй воли. А уж потом пусть едет на все четыре стороны. Мы не станем ему препятствовать».

«Гениально», — восхитилась я.

Пока шел мой внутренний спор, рыцарь напыщенно сопел в своем железном шлеме, чем-то напоминая надутого мальчишку, напялившего на голову жестяное ведро.

— Чем докажешь? — звонко поинтересовался веснушчатый паренек, так и не удосужившийся сообщить свое имя.

Может, это какая-то тайна? Имя рыцаря знают все, а

оруженосец ходит безымянным, ибо свято верит, что узнавший его имя станет его господином? А что, у некоторых народностей мать давала тайное имя своему ребенку, и знала его только она, ибо младенец не запоминает то, что шепнут ему на ухо один-единственный раз. Я улыбнулась своим мыслям и лишь затем изволила переспросить:

— Что докажу?

— Ну свои права на монстра, — охотно пояснил отрок и на всякий случай встал подальше от скорого на расправу господина.

Мало ли что. Рыцарь же со своей стороны не делал попыток одернуть слугу. Либо хорошо оценивал расстояние, либо не желал суетиться по пустякам.

— Действительно, дама, — решил поддержать оруженосца великодушный рыцарь, — никаких весомых доказательств своих прав вы так и не изволили предъявить.

Интересно, что они желают лицезреть в качестве оных? Грамоту за собственнолапной подписью грифона? Переговоры явно зашли в тупик. Но тут ребристый скакун нервно всхрапнул, выдал неожиданный курбет, подпрыгнув на задних ногах, и, к ужасу всадника, стал заваливаться на спину. Верный оруженосец не сплоховал, не бросил своего господина. Он бросился к морде коня, поднырнув под передние ноги, и клещом повис на поводьях, игнорируя пролетающие рядом подкованные подковами с шипами копыта. А мальчишка-то геройская личность! Вовремя коню голову повернул, и конь рухнул на бок, а не на спину, всхрапнул и затих, успешно притворяясь мертвым. Даже глаза закатил для достоверности. Впечатление несколько портило то, что околевшая с виду лошадь осторожно пощипывала губами травку, наивно полагая, будто этого никто не видит.

Благородный рыцарь вопил и орал, употребляя такие выражения, что не каждый портовый грузчик такие обороты выдаст, не покраснев. А что он ожидал? Хочешь, чтобы лошадь под тобой стояла и не падала, — не выбирай клячу. Если бедолага сама еле переставляет копыта, мужик в железе ее точно доконает.

— Не волнуйся, девка! Ща милорду помогу, и от зверюги отбиваться станем, — жизнерадостно возвестил парнишка, пытаясь извлечь вопящего на все голоса сэра Толеснала из-под хитроумного сородича Росинанта. — Ты его пока придержи. Зубы ему заговори, что ли, или монстру схарчить предложи. Авось нажрется и к нам не полезет.

— От какого такого зверя? — удивленно нахмурилась я и тут же услышала за спиной угрожающий рык явно хищной твари.

От накатившего ужаса волосы встали дыбом, а мурашки

пробежали таких размеров, что с горохом спутать можно. То, что находится за спиной, всегда кажется более жутким, чем видимая опасность. У страха, как известно, глаза велики. Похоже, лимит моего везения в этом мире закончился, пора писать завещание, оставляя благодарным потомкам-мечи в количестве двух штук, боевого тигра с сумками в количестве одной души и полудохлого грифона в количестве одного полутрупа. М-да. Для наследства жидковато… Да и потомков у меня нет. Досадно. Знала бы, что так выйдет, озаботилась бы заранее.

Внутренне скорбя о своей горькой судьбине — эх, и не пожила-то еще! — я медленно обернулась, чтобы встретить опасность лицом к лицу, гордо плюнуть в морду и злобно пожелать заполучить жестокое несварение желудка вкупе с заворотом кишок, с последующим летальным исходом после жесточайших предсмертных мук. Но слова замерли на губах, и спешно заготовленная речь пропала втуне, что мое настроение, понятное дело, не улучшило. Я тут собралась пасть смертью храбрых, геройски отдав себя в жертву суровому жуткому монстру, дав тем самым мизерный шанс убежать другим. Может быть, какой-нибудь неизвестный художник, очарованный глубиной подвига, запечатлел бы трагическое поедание в картине «Злобный монстр давится волосами Вероники», а тут такой конфуз.

На меня смотрели янтарные самодовольные глаза Тиграша. Влажная от крови морда голубовато-белого тигра счастливо скалилась в клыкастом подобии улыбки. Что ж, причина для гордости у кота была. Пара круторогих козлов, лежавшая у его широких лап, сделала бы честь любому охотнику. Не мудрено, что вся поза Тиграша лучилась гордостью кошки, предъявившей хозяйке собственнолапно удушенную крысу.

— Не поняла, — в растерянности выдавила я. — Вы не только решили прибрать к рукам грифона, но и задумали сразиться с моим тигром? Интересно, есть ли предел вашим наглым притязаниям? Что дальше? Сожжете мою Библию?

Положим, Священного Писания у меня не было, но не лишать же высказывание красоты из-за такой малости. От неожиданности моего заявления парнишка выпустил из рук плечи господина. Рыцарские доспехи с душераздирающим лязгом встретились с землей, добавив звону как моей голове, так и голове сэра Толеснала. Иначе чем объяснить, почему тот прервал поток красноречия. Кляча, гордо именуемая боевым скакуном, нашла-таки идеальный момент для собственного воскрешения. Она тихонько сползла с ноги своего хозяина, поднялась на ноги, встряхнулась всем телом, словно собака, вылезшая из воды, и на

полусогнутых потрусила в сторону уплетающего траву осла. Что ж, выпас на хорошем травостое пойдет доходяге на пользу. Глядишь, через пару-тройку месяцев начнет походить на лошадь, а не на ходячий суповой набор в побитой молью шкуре. Красавцем вряд ли станет, но хоть что-то.

— Прекрасная дама, эта подлая тварь действительно принадлежит вам? — пафосно вопросил поверженный рыцарь.

Так как сесть самостоятельно он не мог и возлежал на спине, создавалось впечатление, будто он разговаривает с небом.

— Тиграш, он тебя подлой тварью обозвал! — тут же наябедничала я.

Разумеется, зверь обладал прекрасным слухом и без моих комментариев все слышал, но, как всегда в таких случаях, счел нужным поддержать хозяйку громким рыком и демонстрацией острых клыков. Впечатлился даже рыцарь, но бежать он не мог, а парень по неизвестной причине не решился покинуть поверженного на землю господина.

— Прошу прощения, дама, если мои слова в адрес зверя задели вас, — покаянно молвил Толеснал. — Готов искупить свою вину кровью.

Это он хватил! На кой мне сдалась его кровь? Я же не упырица и не пункт по переливанию крови. Тоже мне донор нашелся.

«Темная ты женщина, — ехидно хихикнул Кумивар. — Это всего лишь фигура речи».

«Ну вот. Как всегда, обманули, — с тоской подумала я. — В совершенно мужском стиле — пообещать все и не дать ничего. Зато звучит красиво».

«Почему же. Именно сейчас ты смело можешь требовать подвиг во славу своего великодушного прощения. Закажи ему шкуру дракона. Вещь дорогая, да и ему наука будет».

«Не слушай брата, Вероника, — голосом совести прорезался Джастудай. — Разве дракон виноват в грубости неотесанного мужлана?»

Согласна. Летучая рептилия не виновата. К тому же у меня найдется замечательное задание для сэра Толеснала.

— О рыцарь! — пафосно молвила я, заставив тигра удивленно поперхнуться. — Я прощаю вашу вопиющую грубость, но мое великодушие имеет свою цену.

— Я весь превратился в слух, о прекрасная дева, чье великодушие уступает лишь ее дивной красоте.

Весьма спорное заявление, но возражать не стала.

— Моя скромная просьба вас мало затруднит. Просто заберите свое копье из тела грифона. Зверь еще жив, и я хотела

бы облегчить его страдания насколько возможно, но оружие слишком глубоко засело.

— Облегчить страдания? Это мы запросто, — радостно откликнулся веснушчатый паренек. — Отрежем ему голову — тут проблемы и закончатся.

— Лично я против столь кардинальных решений, — уперлась я.

Пусть зверь ранен, но, пока жизнь не покинула его тело, есть шансы на благополучный исход. Смерть же окончательна и бесповоротна.

— Стыдись, Кехт, — подал голос рыцарь. — Просьба дамы Вероники скромна и гуманна. К сожалению, я сам не в состоянии исполнить пожелание, значит, честь вернуть славное оружие предоставляется верному оруженосцу, то есть тебе, Кехт.

— Мне? — удивленно пискнул парень, в очередной раз пытавшийся водрузить своего господина на ноги. Зря старался. Такое без лебедки не провернуть.

— Ну не мне же, — фыркнул сэр Толеснал. — Видишь, я ранен.

Кехту явно не улыбалось близкое знакомство с полуживым, но все еще опасным монстром. Кто знает, как здоровенная зверюга отнесется к болезненной процедуре. Может и зашибить ненароком.

— Может, если дама поможет поставить вас на ноги, вы сами попробуете забрать копье? Вы к нему привычнее и все такое, — неуверенно пролепетал он и умоляюще уставился на меня.

Пусть концентрация мольбы в его взоре была способна растопить средних размеров ледник, а затем испарить полученную воду, я все равно отказывалась услужливо подставлять свое хрупкое плечо под закованного в железо мужика. Считайте меня старомодной. Но это прерогатива мужчин носить на руках женщин, а вовсе не наоборот.

— Но одному мне не справиться, — тщетно пытался воззвать к моей совести парень.

Напрасный труд. Совесть спала глубоко внутри, как медведь зимой, и побудке не поддавалась. В ответ я посоветовала Кехту извлечь пострадавшего из доспехов, тогда и повреждения можно осмотреть, да и рыцарь перестанет лежать бревном, а значит, сможет принять живое участие в процессе. Кехт щедро предложил поучаствовать в разоблачении сэра. Попытку я оценила, но отказалась, сославшись на девичью стыдливость, мол, не пристало леди раздевать мужчину, не будучи за ним замужем или хотя бы помолвленной. Засим я откланялась, сославшись на срочные неотложные дела, и сделала на прощанье такой глубокий

реверанс, какой только смогла изобразить. И заслуженно возгордилась своим дипломатическим талантом.

ГЛАВА 5

Мне предстояло сделать пару дел, прежде чем на долину горячих источников опустится ночь. Во-первых, неплохо бы поесть, со вчерашнего вечера во рту маковой росинки не было, и желудок сжимала цепкая костлявая рука голода, вызывая недовольное урчание со спазмами. Казалось бы, в этом направлении все складывалось отличнейшим образом. В пещере, любезно предоставленной Арданассак, есть крупа, соль, сахар, даже сухофрукты для компота и сушеные травы для чая. Тигр, кстати, разжился парочкой упитанных с виду козлов. Из такого разнообразия продуктов вполне можно сварганить недурной обед и замечательный ужин. Беда в том, что о разделке козлов я имела столь же смутное представление, как свинья о законах термодинамики. Мясо я приобретала либо порционно нарезанное в супермаркете, либо на рынке, где после ожесточенной торговли мне не только делали скидку на приглянувшийся кусок, но и осуществляли нарезку. Подозреваю, что делалось это не по душевному порыву, а чтобы я побыстрее убралась от прилавка, не заражая своей скаредностью других покупателей.

Во-вторых, после пробиравшего до костей холода заснеженных горных вершин хорошая горячая ванна — практически предел мечтаний путешественницы. Думаю, раз источники горячие, то с водными процедурами не должно возникнуть проблем. Поэтому можно начать небольшой список необходимых дел сразу со второго пункта. Сдается мне, первый потребует больше сил и времени. Почему не вернуться к нему позже, предварительно хорошенько побаловав себя?

Тигр с философским спокойствием отволок убиенных животных в пещеру, подождал, пока я извлеку из сумок сменную одежду, белье, и доставил к одному из источников, чья вода с мягким бульканьем выбивалась из-под земли в небольшой, отполированный за многие годы каменный бассейн. Сливное отверстие тоже имелось, иначе вода перехлестнула бы за край, но я его не видела.

Я разделась, выстирала одежду (потом можно будет просушить ее у огня), затем тщательно вымыла голову и долго скребла кожу щеткой, памятуя, что повторить процедуру с моим напряженным графиком странствий по миру удастся не скоро. Я легла на гладкое нагретое дно, позволив горячей воде дойти до подбородка, откинула голову на каменный берег, как на бортик ванны. Может, и не стоило так расслабляться. Но тигр и два клинка на берегу служили гарантией, что непрошеные гости не

застанут врасплох нагую девицу.

Бело-розовая пена цветов украшала темные ветви деревьев, делая их на фоне закатного солнца чем-то нереально прекрасным, отчего сердце восхищенно замирало в груди, пораженное пронзительной красотой, словно стрелой Купидона, навылет. Глядя на цветущие вишни, нельзя понять, где заканчиваются многочисленные лепестки и начинается багрянец полыхающей зари. Воздух густел от запаха цветов, хоть собирай в ладони, разливай во флаконы да вместо духов используй.

Он появился эффектно и неожиданно, словно явился из чужого сна, спеша осчастливить как можно больше страждущих своей остроухой персоной. Затянутый в черную кожу эльф одинаково прекрасно смотрелся бы как во главе армии, так и на светском приеме. Серебристые волосы забраны назад и заплетены в косу сложного плетения с добавлением серебряных, черных и красных нитей с разноцветными бусинами. Почему-то мне казалось, что как плетение, так и выбор украшений не случайны и означают что-то, но прочесть, что именно, не могла. Чтобы читать послания, нужно знать азбуку, а мне она не известна.

Эльф решительно протопал прямо ко мне, цепкие длинные пальцы по-хозяйски сграбастали и стиснули подбородок. Не до синяков, но вырваться без травм не удастся. Миндалевидные глаза, янтарные, с изумрудными мерцающими вкраплениями в радужке, внимательно и сердито уставились на меня.

— Ты меня очень обяжешь, если перестанешь метаться по континенту, осядешь на одном месте и просто подождешь меня. Можешь выбрать любой удобный трактир. Я даже готов оплатить счет, если у тебя нет денег.

Все-таки эльфы — странные существа. Все у них не как у людей. Казалось бы, помер — так и лежи себе спокойненько, не мешай другим наслаждаться жизнью и ночным отдыхом. Так ведь нет. Непременно в сон нужно с грязными сапожищами впереться, да еще советы раздавать. Мол, сиди на месте, красна девица, жди, приду я к тебе в гости. Где хочешь найду. А зачем, спрашивается, мертвец к живому человеку может прийти? Уж не бутылку шампанского с конфетами и цветами вручить. Стиснет ручками хладными горло девичье — и привет! — плачьте, друзья верные, над свежей могилкою. Обидно. И главное, за что? Убивать я не убивала, просто помогла влюбленной дриаде перенести бездыханное тело в очаровательный грот. На мой взгляд, выбор возлюбленного весьма экзотичен, но тут, как говорится, на вкус и цвет…

— А может, тебе просто прекратить меня преследовать? — осторожно предложила я.

По красиво очерченным губам скользнула лукавая улыбка.

— Вот еще! Я не пасую перед трудностями.

Что ж, чего-чего, а самоуверенности у эльфа хоть отбавляй и в другие страны экспортируй. Он не учел одного: я очень люблю эти самые трудности создавать.

Низкий горловой рык незваным гостем ворвался в сон и разбил грезы вдребезги. Промелькнули огненным янтарем эльфийские очи, блестящее серебро волос и ощущение пальцев на подбородке. Я проснулась в долине горячих источников, по шею в воде, но нос все еще щекотал дурманящий запах цветущих вишен. Тигр зарычал еще раз, и я наконец смогла сфокусироваться на своем мохнатом друге. Посмотреть, честно говоря, было на что.

Тиграш со вздыбленной шерстью и угрожающе оскаленной пастью просто просился на полотно «Боевой кот, могучей лапой повергающий в пыль нарушителя границ». «Нарушитель границ», он же оруженосец Кехт по совместительству, возлежал на спине, картинно раскинув руки-ноги в стороны и выпучив глаза, как глубоководный краб на аквалангиста. Похоже, парень примирился с ужасной участью и даже не пытался огреть хищника походным кожаным ведром, а губы несчастного страстотерпца беззвучно шептали молитву.

— Подглядывал, что ли? — укоризненно полюбопытствовала я, не спеша подниматься из воды.

Пусть до одежды только руку протянуть, но гладко отполированное дно импровизированной ванны требовало особой осторожности. Слишком резкое движение чревато в лучшем случае обидным падением на копчик, а в худшем — можно сломать что-нибудь важное. Одного поверженного рыцаря на долину вполне достаточно, иначе это не долина, а госпиталь какой-то получится.

— Будущему рыцарю не пристало подсматривать за купанием голых девиц, — полузадушенно прохрипел он и покраснел, как маков цвет, чем превратил легкие подозрения в твердую уверенность.

— Значит, подглядывал, — задумчиво протянула я.

Я еще пока не решила, как следует отнестись к мальчишке, вздумавшем пялиться на мою наготу. Чувствовать себя польщенной, отвесить смачный подзатыльник или положить наглеца поперек колен и хорошенько всыпать стервецу, чтобы впредь неповадно было.

«Ха! — со свойственной ему иронией фыркнул Кумивар. — Так он тебе и позволил».

«Он вовсе не выглядит таким уж строптивым, по крайней мере, пока лапы Тиграша прижимают его к земле, — возразила

я. — Напоминает мышь под веником».

«Разумеется, мальчишка ничего не может противопоставить мощи боевого тигра, — укоризненно вставил Джастудай. — Не стоит путать его благоразумие с трусостью».

«Он посмел подглядывать за Вероникой, — неожиданно встал на мою сторону Кумивар. Он делал это редко и всегда неожиданно. — В некоторых странах за этот поступок ослепляют, а на парне всего лишь потоптался тигр. Пусть знает — у леди есть грозный телохранитель. Это обстоятельство только возвысит ее в их глазах».

«Благодарю, Кумивар. Я бы сделала тебе реверанс, но не могу, прости».

«Ничего страшного, — снисходительно фыркнул тот. — Отполированный водой камень не способствует расшаркиванию».

— Закрой глаза, — велела я Кехту.

Пусть я в хорошей форме, но это вовсе не повод ослеплять наготой всех подряд. Парнишка послушно зажмурился, аж покраснел, бедняга, от усилий. Впрочем, выбора у него не было. Когда на твоей груди вольготно расположилась тигриная лапа, проще договориться с хозяйкой, чем проверять, на что способен ее гнев. И тем не менее я не стала испытывать терпение мальчишки долгой возней с одеждой. Осторожно поднялась из воды, быстро вытерлась и натянула чистое белье, штаны и рубашку. Боже! Как же приятно быть чистой! Пусть с мокрых волос вода течет за шиворот, а фен в этом мире изобретут только через пару-тройку столетий, — все равно ощущение великолепное. Вот бы дома ванну с подогревом, чтобы вода держалась определенной температуры, а то вечно приходится пускать тонкой струйкой горячую воду и затыкать слив собственной пяткой. Счета после подобного удовольствия приходят такие, что дешевле купить джакузи. Только ставить ее совершенно некуда. Досадно.

— Кстати, как там сэр Толеснал? Удалось поставить его на ноги? — вежливо поинтересовалась я, будто светская беседа с крепко зажмурившимся парнем — самая обычная вещь.

— Вывихнул лодыжку. Могло быть и хуже. Вывих я вправил. Теперь немного лечебной грязи, несколько дней покоя, и заживет как на собаке… в смысле как с лучшими лекарями.

— Лечебная грязь? — удивилась я.

— Конечно, — хмыкнул Кехт, словно все вокруг просто обязаны знать свойства почвы в долине горячих источников. — Зачем, по-твоему, мне понадобилось ведро?

— Ну не знаю, — пожала плечами я. — Например, набрать воды для чая.

— Нет. Хорошую воду можно набрать гораздо ближе. Горячая вода невкусная и целебная. Животные приходят сюда и даже птицы прилетают, чтобы лечиться.

— Интересная история. Но откуда она тебе известна? Я тоже в долине впервые, но о лечебных свойствах воды или грязи узнала от тебя.

— Просто мы уже сражались здесь, — гордо заявил парень.

— О! И кто же противостоял вам в битве? — не могла не спросить я.

— Ведьма!

— У вас большой разброс в выборе противников, — удивленно присвистнула я. — А ведьму случайно не Арданассак зовут?

— Именно, — тут же возгордился Кехт.

— Забавно. Судя по тому, что утром она была жива и здорова, эта битва у вас тоже не задалась, — не смогла удержаться от иронии я.

— Она дралась не по правилам, — насупился парень. В комплекте с крепко зажмуренными глазами смотрелось забавно. Так и подмывает щелкнуть по носу и посмотреть, что будет. — Натравила на нас троллей и долго глумливо смеялась нам вслед. А еще они отобрали моего пони и коня сэра Толеснала.

— А чего вы ждали, нападая на безоружную гадалку? — рассмеялась я. — Что она извлечет из-под юбки боевого коня и ответит на вызов, напялив шлем и кольчугу? Или ей полагается смиренно ожидать смерти? Ладно. Можешь открыть глаза.

Кехт послушно распахнул серые очи и уставился на меня, как лягушка, посаженная в стеклянную банку. Не знаю, что он там себе напридумывал, но, судя по потрясенному выражению лица, парень приготовился как минимум к долгой мучительной смерти. Я заслуженно возгордилась произведенным эффектом. Повергать мужские сердца в трепет — мечта любой женщины. К тому же когда парнишка явно деморализован, его можно не только наказать, но и припахать к исполнению некоторых важных задач. Думаю, юному оруженосцу сильно подфартило, потому как труд на мою пользу, безусловно, облагораживает.

— Ну раз ты так кстати идешь за грязью, будь добр, прихвати и на мою долю.

— Зачем? — подозрительно вопросил он.

— Тебя в ней сварю, — не удержалась я и с удивлением увидела, как Кехт легко скользнул в спасительный обморок.

«Да-а-а… — задумчиво протянул Кумивар. — Не та нынче молодежь пошла. Такая маленькая угроза, а такой эффект».

Я едва удержалась, чтобы не попинать сомлевшего паренька.

— Эй, симулянт! Восстань! Иначе я в твою смерть уверую и устрою торжественное захоронение после сожжения на костре.

Кехт сделал правильный вывод. Разумеется, никого сжигать я не собиралась, и вообще противница инквизиторских методов, но он-то этого не знал, а потому вновь почтил меня вниманием своих наполненных ужасом серых глаз.

— Ладно. Расслабься. Я пошутила. Так сказать, немного черного юмора.

— Тогда зачем тебе грязь? — подозрительно прищурился Кехт.

М-да. Видимо, в плохие качества людей верить гораздо проще, чем в хорошие.

— Грифона лечить, разумеется. Как только копье извлечем, сразу приступим. Кстати, козлов разделывать умеешь?

Парнишка задумался. На его не испорченном подростковыми прыщами лице отчетливо читалась натужная работа мысли. Судя по всему, непривычный процесс шел туго, со скрипом и грозил затянуться на неопределенное количество времени. Я уже всерьез подумывала, а не вздремнуть ли прямо здесь, когда Кехт решил-таки прервать излишне затянувшееся молчание, заставив чувствительную девушку подпрыгнуть на месте от неожиданности.

— Каких козлов?

— Разумеется тех, что так кстати изловил мой тигр. А у тебя были варианты?

Судя по смущению парня, варианты таки были, но он скорее позволит тигру спать в своей постели, чем признается.

— Нет, — нагло соврал Кехт. — А разделывать могу.

— Славно. Тогда ты помогаешь с грифоном и разделкой туш, взамен я выдам вам ногу козла.

— И крупы, — тут же обнаглел он.

— Только на похлебку, — сурово отрезала я.

— На похлебку мало, — уперся верный оруженосец. — Я выдергивал из грифона копье, так он мне чуть руку не откусил.

— Хорош заливать, — фыркнула я. — Да на тебе и царапины нет!

— Все раны у меня в душе, — с надрывом заявил он.

Надо же, какой актерский талант. Впору прослезиться. Однако и хватка у него не подкачала. Таким вот отрокам дай пальчик, так руку по самые ступни отгрызут и не подавятся.

— Нет. Крупы больше не дам. Но могу выделить вам две козлиные шкуры. Будете ими укрываться. Ночи наверняка холодные, даже в этом раю.

— В пещере тепло, — нагло заявил Кехт.

Интуиция подсказывала, что он имеет в виду мою пещеру, которую показала Арданассак. Вот наглец. Уже и местечко себе присмотрел.

— Очень на это надеюсь, — вполне искренне согласилась я.

— Постой. Хочешь сказать, нам придется ночевать снаружи? — возмутился он. Вся боль за несправедливость этого мира царила в сероглазом взоре. — А вдруг на нас нападут дикие звери или тролли?

— Стыдись, Кехт! Твой рыцарь только что сразил целого грифона. Разве испугает его жалкая кучка троллей или стая волков? Ты сомневаешься в воинской доблести сэра Толеснала? — укоризненно воскликнула я.

Парнишка засопел, как сердитый еж. Судя по выражению лица, воинские таланты Толеснала давно вызывали в нем сомнения, но он вовсе не спешил признаваться малознакомой девице в своем открытии.

— Но он ранен, — выдвинул последний аргумент Кехт.

Если он рассчитывал раздуть в моей душе искру жалости, то сильно просчитался — ее угольки давно потухли.

— Тем ценнее его жертва. Вернувшись в замок своего отца, он сможет потрясти воображение своей прекрасной дамы правдивым рассказом о жутких лишениях.

— Если ты боишься за свое целомудрие, то по древней традиции между вами можно положить обнаженный меч, — не сдавался он.

Я глубоко вздохнула. Ну как объяснить оруженосцу благородного рыцаря, что мне вовсе не улыбается ночевать в тесной пещере в компании двух особей мужского пола, чье понятие о личной гигиене застыло на уровне «дождь прошел, и я стал чистый». К тому же третий сын графа Норыльского умудрился совершить путешествие в полном воинском облачении, сняв которое, вряд ли стал пахнуть розами. Немного поразмыслив, я вспомнила, что, судя по рыцарским романам, благородных сэров хлебом не корми, дай принести какой-нибудь обет. А еще раньше в кельтских племенах принято было накладывать гейсы (запреты-табу). Причем гейсы могли быть весьма оригинальными. Например, не пить молоко в походе. Или не оставаться на ночлег в том доме, из которого виден огонь или свет после захода солнца.

Я потупилась, как положено благонравной девице, чинно скрестила руки на животе и приготовилась произнести самую витиеватую речь, на какую была способна. Эффект несколько портил Тиграш, все еще попирающий могучей лапой худосочную грудь оруженосца. Но отзывать тигра пока не стала, справедливо

рассудив, что близкое соседство хищника придаст словам необходимый вес.

— Дело в том, что я странствую по миру в поисках пропавшей принцессы Норандириэль, чье местонахождение хоть и известно, но несколько неопределенно. В связи с этим возложила я на себя обет не ночевать в одном помещении с особами мужского пола. Боюсь, если сделаю для вас исключение, не будет удачи в моем путешествии.

Фух, складно загнула. Хоть бери блокнот и записывай для потомства.

Кехт некоторое время таращился на меня, как на помешанную.

— А может, мы с сэром Толесналом переночуем в пещере, а ты с тигром снаружи? Нас двое, и рыцарь ранен…

— А я женщина, приехала сюда первой и договорилась с Арданассак. А пещера, между прочим, ее, — парировала я. — К тому же вы рыцари, а значит, должны вести себя по-рыцарски. То есть уступить место даме.

— Но я не рыцарь! — возразил Кехт.

Надо же, какая мелочность. Все-таки нашел к чему придраться.

— Но собираешься стать им. Так что есть повод потренироваться.

И, не дав парню опомниться, развернулась на сто восемьдесят градусов и удалилась в компании тигра. Между лопаток долго ощущался буравящий взгляд парня. Что ж. Пусть смотрит пока, за погляд денег не беру.

Кехт не солгал. Не солгал в том, что из грифона вытащили копье. Не солгал и в том, что принесет лечебную грязь не только для охромевшего рыцаря. Когда я вернулась, грифон все так же лежал на боку, напоминая скорее огромный бесформенный валун, чем живое существо. Не знаю, дышал ли он вообще, но разило от него хуже, чем до удаления орудия усекновения. Если судить по сногсшибательному амбре, он должен быть мертв давно и безнадежно. Но на всякий случай я поостереглась подходить близко и тыкать палкой ради проверки. Назовите меня жадиной, но все конечности чем-то дороги для меня.

Сэр Толеснал живописно возлежал под яблоней неподалеку, и тоже благоухал отнюдь не цветущим лугом. Радует, что пещеры ему не видать как собственных ушей. Достаточно испытаний на сегодняшний день.

Он оказался моложе, чем я могла подумать. На вид лет шестнадцать-семнадцать. Бородка клинышком не делала его старше, чем он был, юношеская округлость еще не покинула

щеки, а ямочки на них вызывали невольное желание улыбнуться в ответ. Светло-русые, слегка вьющиеся волосы романтическим ореолом обрамляли лицо, неожиданно карие глаза с поволокой смотрели задумчиво и мечтательно, белые крепкие зубы с хрустом вгрызались в спелую мякоть краснобокого яблока. М-да, в Средние века в шестнадцать лет юноши считались взрослыми мужами, а женщины в моем возрасте если еще не бабушками, то матронами уж точно.

Оруженосец со знанием дела наложил лечебную грязь на пострадавшую конечность рыцаря. Щиколотка действительно сильно опухла и в сапог не влезала. Сэр Толеснал с мученическим видом умирающего, которого одолевают многочисленные шарлатаны, откинулся на траву, позволяя Кехту заниматься целительством.

Затем дошла очередь и до грифона. Парнишка злорадно всучил ополовиненное ведро и ехидно пожелал удачи.

— Разве ты мне не поможешь? — удивленно поинтересовалась я, хотя ответ был и так очевиден.

— Нет. Мне еще придется разделать двух козлов, и если мы хотим поужинать еще сегодня, нужно начать прямо сейчас.

Что ж, тут не поспоришь. Не найдя слов для возражений, мне осталось только принять злосчастное ведро и приступить к делу. Ладно. Раньше начну, раньше закончу. В ответ на мой недоуменный и растерянный взгляд рыцарь пожал плечами, извлек откуда-то еще одно яблоко и потер его о рубаху. Вряд ли от такой незамысловатой процедуры плод стал чище.

— Я бы помог тебе, прекрасная дама, но, как видишь, жестокая рана не дает сделать это, — то ли извинился, то ли похвастался он, и с хрустом вонзил крепкие зубы в сочную мякоть плода.

Что ж, хочешь, чтобы дело было хорошо и быстро сделано, — сделай его сама. Придется проверить истину на собственной шкуре.

Ведро оказалось тяжелым, грязь вонючей до слезотечения, а грифон злобной, неблагодарной тварью, не стоящей спасения. Но когда меня смущали трудности? Напротив, я имею обыкновение создавать их себе, чтобы затем героически преодолевать. Монстр позволил подойти к себе поближе; как оказалось, он сделал это лишь для того, чтобы попробовать оторвать какую-нибудь часть моего стройного тела себе на память. Поймите меня правильно, я вовсе не против памятных знаков, но это уже чересчур. Пришлось проявить чудеса резвости, все время прыгая и уворачиваясь от массивного клюва монстра. Сэр Толеснал вовсю радовался зрелищу, усердно делая вид, будто это кусочек яблока угодил не

в то горло. Потрясающая деликатность, только почему-то очень хотелось поблагодарить его, нахлобучив на жизнерадостную рыцарскую голову ведро с грязью. Полагаю, это уж точно поубивало бы его оптимизм. Почему я не сделала этого? Наверное, потому, что никак не могла выбрать, кому презентовать сию дивную тиару — рыцарю или же монстру.

Зверь, будучи практически трупом, умудрялся проявлять просто удивительную упертость и почти переупрямил меня, а это уж точно немалое достижение.

«Не то чтобы я против хорошей тренировки, но долго еще ты собираешься скакать, как горная коза?» — ехидно поинтересовался Кумивар.

«Не предлагаешь — не критикуй», — привычно отмахнулась я.

Как обычно, ситуацию спас Тиграш. Боевой тигр подпрыгнул к грифону и зарычал, глядя прямо в полные боли глаза монстра, переключив внимание на себя. Неимоверным рывком грифон воздел себя на шатающиеся передние лапы, издал ответный клекот и приготовился дорого продать собственную жизнь. Однако тигр вовсе не собирался нападать на крылатую помесь орла со львом, и вовсе не потому, что был меньше размером. Храбрости коту было не занимать, сам с кем хочешь поделится. Он рычал, угрожал когтистой лапой полоснуть по неблагодарной морде беспокойного пациента то с одной стороны, то с другой, ловко уворачивался от мощного клюва и продолжал свою опасную игру.

Пользуясь моментом, я подбежала ближе к ране на львинообразном заду и попросту плеснула лечебной грязью. Тут уж не до эстетики — попала, и ладно. Грифон издал такой вопль, как добрая сотня ворон разом, а я едва успела убраться подальше, чтобы не получить удар мощной задней лапы. Вот и верь после этого монстрам. Только что умирал, а поди ж ты.

«А ты всерьез рассчитывала, что монстр бросится тебе на грудь, благодарно всхлипывая? — не удержался от шпильки Кумивар. — В следующий раз дважды подумаешь, прежде чем заниматься лечением монстров. Не каждый зверь принимает помощь с радостью».

Я привычно проигнорировала высказывание клинка, хотя в глубине души была с ним согласна, просто не хотела доставлять удовольствие признанием собственных ошибок. Ладно. Пусть грифон обладает скверным характером, но ведь и я сама далека от нимба святости. В конце концов, укрощение зверюги вовсе не требуется, главное — подлатать его, чтобы он смог убраться с огорода Арданассак своим ходом в целости и сохранности, а не

по частям в седельных сумках доблестного рыцаря. Впрочем, седельные сумки все равно не выдержат подобного веса, а на месте худосочной клячи, по ошибке названной скакуном, я была бы благодарна мне до конца жизни. Пришлось снова тащиться к источнику и мыться. Грязь, кстати, оказалась не только вонючей, но и трудно смываемой.

Кехт оказался на высоте — не только освежевал добычу тигра, но и разделал на порционные куски, что было весьма кстати. Плохо было другое: жилистое мясо нужно варить не один час, чтобы его можно было съесть без риска потерять часть зубов. Похоже, придется обойтись чаем и фруктами. Зато фигура не пострадает. Есть калорийную пищу на ночь вредно для здоровья. Плохое утешение. Но какое есть. Я развела огонь, подвесила над ним котелок, налила в котелок воды из презентованной дриадой фляги, напоила тигра. И тут меня осенило. Грифон лежит здесь достаточно долго, и если без пищи можно кое-как обходиться, то умереть от обезвоживания шансов гораздо больше.

«По-моему, это не лечится, — устало вздохнул Кумивар. — Если решила покончить жизнь самоубийством, есть много способов сделать это более красиво. Например, быстродействующий яд. Еще можно принять большую дозу снотворного отвара и не проснуться. Тебе приспичило оказаться разорванной грифоном?»

«Сам дурак, — устало фыркнула я. Свежий горный воздух в сочетании с лазаньем по скалам и горячими ваннами заставлял меня зевать. — Он монстр, но не может же он быть настолько неблагодарной тварью».

Скептическое хмыканье двух мечей было мне ответом. Что ж, еще недавно я тоже не верила в наличие параллельных миров… А теперь разгуливаю по одному из них. Чудеса случаются. Просто не все в них верят.

Хозяйственный оруженосец не терял времени даром. В мое отсутствие он успел развести огонь, и теперь в котелке аппетитно булькало какое-то варево. Пахло мясом; значит, в отличие от меня мужчины решили предпочесть сытный ужин долгому сну. Впрочем, куда им теперь спешить? Пока лодыжка рыцаря не заживет, придется им погостить в долине. Оба с интересом уставились на меня. Вместо того чтобы галантно предложить помощь даме, рыцарь и его оруженосец предпочли наблюдать за опасным зрелищем из первых рядов. Вот и уважай после этого рыцарство.

Я демонстративно налила в кожаное ведро воды. Если зверь пробьет его клювом, останется без питья, ведь другой подходящей емкости у меня нет. Монстр для порядка зашипел, но

предложенную влагу выпил с жадностью, давясь и фыркая, когда жидкость попадала не в то горло. Второе ведро он выпил уже не торопясь, а третье и вовсе не допил. Куски мяса принял благосклонно и даже не попытался клюнуть, подождав, пока я зазеваюсь. Я сочла это за добрый знак.

«Не обольщайся, — ехидно вставил Кумивар. — Он просто устал. Насыщенный денек у монстра выдался. Все ходят, глазеют, копьями тычут, грязью кидаются. Тут кто угодно устанет».

ГЛАВА 6

Пещера оказалась на редкость уютной, лежанка удобной. Костер я не тушила, и к утру от дров осталась лишь зола. За спиной всю ночь мирно сопел тигр, охраняя от возможных посягательств на мое уставшее за день тело и заодно согревая. Этакий меховой валик с подогревом. Сны об убиенном какой-то колдуньей эльфе тоже не тревожили. Так что пробудилась я, чтобы радостной улыбкой приветствовать новый божий день. Утро выдалось погожим. Солнце светило, птички пели, цветы благоухали, деревья цвели. Так что жаловаться не на что — рай на земле, да и только.

Я послала Кехта за очередной порцией грязи. Ему все равно рыцарю лечебный компресс ставить, а мне, как благородной даме, таскать тяжести по статусу не положено. В кои-то веки удалось побыть леди и получить от этого удовольствие. Этак разнежусь и стану требовать себе отдельно стоящий замок со штатом прислуги, конюшней и педантичным дворецким, непоколебимым тоном с британским акцентом сообщающим поутру: «Овсянка, миледи!»

Памятуя, что пахнет средство лечения весьма специфически, завтракать не рискнула. Зачем переводить продукты зря? Авось за полчаса с голоду не помру.

Видимо, на грифона ночью снизошло наконец озарение, и он понял, что зла я ему не желаю, да и перед смертью редко кого станут откармливать и устраивать грязевые обертывания. Разве что злоумышленники рассчитывают на долгую мучительную смерть монстра от чрезмерной опеки. Так что зверь принял утреннюю порцию мяса и воды с видом императора, принимающего послов из малоразвитых стран. Сэр Толеснал с явным сожалением провожал каждый кусок мяса, исчезающий в клюве грифона. Видно было, что про себя рыцарь горько скорбит о потере, но от комментариев, впрочем, воздержался. Очко в его пользу.

Процедура наложения лечебной грязи тоже прошла без эксцессов под снисходительным взором орлиных глаз и при напряженном внимании Тиграша.

Позавтракала я фруктами и травяным отваром. Тиграш отправился на охоту, так как вчерашнее мясо не могло храниться долго, а как его закоптить или завялить, я не имела ни малейшего понятия. Впрочем, грифон и взрослый тигр не оставляли мясу ни малейшего шанса утратить свежесть.

После завтрака я поставила котелок с водой на огонь,

погрузив в него свой будущий обед, и через три часа варки выяснилось, что мясо и не думало становиться мягче. Бывший козлом при жизни оставался таковым и после смерти. Досадно. Сидеть и наблюдать, как бульон булькает в котелке, — занятие бестолковей некуда. Уже после первого часа хотелось лезть на стену, после второго убить козла вторично, а после третьего — послать все к черту и объявить голодовку под лозунгом «Стройность женщины — залог успеха в современном обществе». Но я не пошла на поводу у собственной злости, нашептывающей скормить недоваренный продукт жизнерадостному сэру Толесналу, чей луженый желудок с блеском выдержал подобное испытание вчерашним ужином. Судя по вполне довольному выражению лица рыцаря, ни его самого, ни оруженосца не постигла расплата в образе жесточайшего несварения желудка, и колики их тоже не посетили. Что ж, это неудивительно. Находясь в постоянных странствиях в надежде свершения подвига, такую роскошь, как деликатный желудок, просто невозможно себе позволить.

Пришлось сделать над собой усилие и подавить приступ малодушия в зародыше. Баловать мужчин, даже если один из них рыцарь, не следовало. Этак они на голову сядут, свесят ножки и станут принимать подношения как должное. А тигр вообще может обидеться, причем вполне заслуженно. Кот не щадя лап таскает добычу, а я раздаю ее всем желающим. Поэтому решила извлечь из процесса приготовления пищи максимальную выгоду. Костер перенесла поближе к входу в пещеру. Благо недостатка в топливе не было. После чего расстелила на земле плащик, облачилась в минимальный комплект одежды и принялась принимать солнечные ванны, периодически помешивая мясо. Эх, сюда бы крем для загара и детективчик! Но нет в мире совершенства. Как в моем родном, так и в этом.

Разморенная под ласковыми лучами солнца, я задремала, поэтому появление моих многочисленных спутников произвело на меня примерно такое же впечатление, как на французов Суворов, спустившийся с Альп в компании русской армии. То есть сначала я посчитала их приход продолжением сна, а затем впала в некое оцепенение и даже не сразу почувствовала всю полноту ощущений от сгоревшей на спине кожи. Все-таки спать на солнцепеке — занятие, чреватое неприятными последствиями для организма вообще и для нежной девичьей кожи в частности.

Спутники же выглядели как суд присяжных, готовый вынести единодушный вердикт «виновен» попавшемуся с поличным маньяку. На этом фоне всеобщего осуждения глотком свежего воздуха выглядел Бродяга. Видимо, жизнерадостный левбай

использовался группой товарищей как проводник. Понятное дело, Арданассак — гадалка, а не горная серна, ей по горам лишний раз скакать нет никакого удовольствия. Жертва хитроумного колдовства приветствовал меня радостным ржанием. Он вильнул хвостом, попробовал утащить мясо из практически выкипевшего бульона, огреб по носу ложкой, ехидно фыркнул и удалился. Наверное, пошел готовиться к ритуалу. Что ж, положа руку на сердце, мне будет не хватать этой ехидной конской морды.

— Вероника! Как прикажешь тебя понимать?! — вместо приветствия вопросила Лисса, ее чуть раскосые зеленые глаза с поволокой горели праведным гневом.

Прежде чем я успела поинтересоваться, о чем это она, слово взял темный эльф.

— Ты бы, воительница, накинула что-нибудь, — предложил лорд Тиррэль. — Я-то ничего (при темном дворе чего только не насмотришься), а вот лорд Эллэн не привык, чтобы его встречали леди в неглиже. Стесняется.

— И вовсе я не стесняюсь! — возмутился светлый эльф. Впрочем, в пику темному он готов принципиально объявить белое черным и стоять на своем до посинения.

— Так я и знал, что светлым стыд неведом. — Карие глаза темного окатили лорда Эллэна ведром презрения.

Светлый попытался облечь возмущение в цензурную форму и в красках доходчиво объяснить лорду Тиррэлю, насколько гнусна сама суть Темного двора. После этого лорд Тиррэль ехидно поинтересовался, откуда у светлого эльфа такие глубокие познания о нравах и быте Темного двора. Не иначе как не единожды посещал его в поисках развлечений. От возмущения лорд Эллэн покраснел так, словно пережил взрыв на фабрике по производству томатной пасты и чудом уцелел. Я решила, что сверкать нижним бельем, пусть и кружевным, не совсем удобный случай. Поэтому часть перепалки благополучно пропустила, ибо из пещеры не все слова расслышала.

Когда через несколько минут я, достойно прикрыв наготу скромной футболкой и штанами, сунула ноги в сапоги и появилась из пещеры, словно Шамаханская царица из шелкового шатра пред очи царя Дадона, то застала следующую картину. Лорд Эллэн с каждой секундой все больше багровел и раздувался как шар, который кто-то невидимый накачивал велосипедным насосом (я испугалась, уж не хватит ли беднягу удар). При этом он бросал на небеса укоризненный взгляд голубых очей, словно недоумевал, отчего они не рухнули на голову темного эльфа. Лорд Тиррэль в ожидании кары свыше времени даром не терял. Взяв в компаньоны Арагорна, чьи рыжие волосы ярким пятном

оттеняли черную кожу, он спасал наш обед от бесславной кончины. Линк и Скворчащий Животик дружно чистили оружие. А Лисса сверлила мою скромную персону взглядом зеленых глаз с такой страстью, будто всерьез решала, найдется ли в долине камень достаточно внушительный, чтобы запустить в меня.

— Что? — наконец прервала тягостное молчание я.

Честно говоря, столь пристальное внимание заставит нервничать даже человека с более крепкой психикой, чем у меня.

— Вероника, ты же должна была просто подняться на гору к гадалке, получить предсказание и вернуться.

— Не так это и просто, — заняла оборону я.

— Но таков был план. Колдунья рассказывает, где принцесса, и мы спокойно продолжаем свой путь. Вместо этого ты отдала горной ведьме левбая, а сама спустилась в долину, где загораешь и предаешься чревоугодию.

Звучало как-то нехорошо. Да и питалась я не сказать чтобы чересчур обильно. Не голодала, конечно, но поедание фруктов, запивая их травяным сбором, — это пост.

— Планы меняются, Лисса, — устало вздохнула я. — И мы яркий пример этого изречения. А левбая я не отдавала. Он заколдован, и Арданассак обещала ему помочь.

— У нас не так много ездовых животных, а ты вот так запросто отпускаешь левбая? Ты так ей доверяешь?

— Главное, Бродяга ей верит. К тому же он не обычный конь и помогал нам скорее по собственной воле, чем по принуждению. Ты готова заставить беднягу пожертвовать своим разумом, оставшись в теле пусть магического, но все же животного, ради комфорта собственного седалища?

Целую минуту мы яростно буравили друг друга взглядами. Согласна, мне при любом раскладе не придется путешествовать пешком. К тому же поступь Тиграша мягкая, а пушистая шкура не даст замерзнуть. И все же Бродяга вполне заслужил свой шанс. И сдается мне, что при переговорах с демонами лошади будут не самой главной нашей необходимостью.

— Ладно, — неожиданно уступила она. — Но нам лучше уехать раньше, чем колдунья снимет чары. Вдруг это злой человек и полностью заслужил свое наказание? Он таскал нас на своей спине и может не простить унижения.

Да, в разумности Лиссе не откажешь.

— Согласна. Арданассак сказала, подготовка к ритуалу займет время. Думаю, мы успеем покинуть долину раньше.

К моменту достигнутого нами консенсуса лорд Тиррэль в компании Арагорна умудрился сотворить если не кулинарный шедевр, достойный лучших ресторанов Парижа, то по крайней

мере полноценный обед из двух блюд. На что я, признаться, не смела и надеяться. Мясо благополучно доварили, бульон поделили пополам, и из одной части сварили кашу, из другой получился на диво наваристый суп. Еще темный эльф обнаружил в пещере муку, замесил тесто и умудрился испечь изумительные лепешки прямо на плоском камне, опущенном на угли. Так что каждый получил по миске супа, паре лепешек и хорошую порцию каши с кусочками нежнейшего мяса.

Обильная трапеза привела меня в благодушное расположение духа. Думаю, послеобеденная нега, когда невольно хочется подремать, переваривая сытную, горячую пищу, овладела всеми, кроме Кехта. Оруженосец, учуяв умопомрачительный запах, пришел, словно грызун, приманенный дудочкой знаменитого крысолова. Обозрев заметно выросшее количество едоков, пришел к неутешительному выводу, что поставки продовольствия к их столу точно прекратятся. Вернувшийся с охоты Тиграш (кстати, не с пустыми зубами), тоже не обрадовался появившимся нахлебникам. Недовольная морда кота недвусмысленно свидетельствовала о том, что он вовсе не против снабжать дичью женщин и раненого грифона, а вот мужская половина нашего отряда могла бы попытать свое охотничье счастье, не сваливая эту почетную обязанность на кота.

Парнишка потоптался на месте, как застоявшийся в стойле скакун, многозначительно пофыркал, но законы гостеприимства чужды оголодавшим странникам, и к столу его не пригласили. Самим хватило впритык. Я ограничилась тем, что бегло представила оруженосца сэра Толеснала присутствующим и объяснила, зачем он и его хозяин здесь. Теперь на парня все воззрились с осуждением. Мучение монстров никто не одобрял. Хочешь убить супостата — действуй быстро, избавь зверя от лишних страданий.

Кехт не выдержал слишком пристального внимания к своей скромной персоне и предпочел удалиться под предлогом, что практически обездвиженный жуткой травмой сэр Толеснал нуждается в его постоянном уходе и неусыпной заботе. С его слов выходило, будто несчастный рыцарь получил страшную травму, практически не совместимую с жизнью, и в данный момент упорно сражается со смертью, хотя шансы на благополучный исход, увы, невелики. К концу полного трагизма повествования он сам уверовал в этот бред и в глазах его блестели слезы.

— Может, мне стоит попробовать вылечить страдальца? — проникновенно вздохнула Лисса. — Пусть целительство не совсем моя специальность, но вдруг удастся что-то сделать с его ранами?

— Не стоит беспокоиться, — махнула рукой я и, наплевав на

приличия, вонзила зубы в яблоко, сочтя его прекрасным десертом. Лорд Тиррэль просто талантище. Умудрился превратить жесткое, словно подметка, филе во что-то вполне съедобное. Честь и слава ему за это. Кисло-сладкий вкус яблока после сытного обеда послужил прекрасным дополнением к трапезе. — Кехт порядочный враль, а сэр Толеснал явно симулирует.

— Откуда тебе знать? — вступилась за честь рыцаря подруга. — За время своего отсутствия ты стала знатоком боевых ранений?

— Нет, конечно, — фыркнула я. — Но обычный вывих лодыжки от многочисленных смертельных ран как-нибудь отличу. Кехт каждый день накладывает лечебную грязь и фиксирующую повязку на пострадавшую конечность, но рыцарь не спешит подниматься на ноги. Никак не могу понять, в чем причина? Рана грифона гноилась, он терял сознание, но после сеансов грязелечения выглядит не в пример лучше.

— Может, грязь по-разному действует на людей и монстров? — осторожно предположил Линк, чем заслужил благодарный взгляд изумрудных глаз колдуньи.

— Или просто успешно притворяется, — не удержался от скептического замечания темный эльф.

— Вы, темные, всегда готовы окрасить в черный цвет любое благородное деяние, — высокомерно молвил лорд Эллэн, всем своим видом, до кончиков блондинистых волос, выражая осуждение. — Разве оруженосец не поведал нам о доблестном сражении с монстром?

— О да! — хихикнула я. — И если благородный лорд не откажется от небольшой прогулки после обеда, он сможет своими глазами лицезреть ту тощую клячу, что верный оруженосец громко окрестил «монстром». Правда, до этого момента и слуга, и рыцарь утверждали, что этот мешок с костями — благородный боевой конь.

— Хочешь сказать, рыцарь бился с собственной лошадью? — разочарованно протянула Лисса. — Что за бред?

— По-моему, битва — слишком сильно сказано, — передернула плечами я. — Жеребец испугался Тиграша, завалился на бок и слегка помял седока. После чего ретировался на лужок щипать травку.

Лицо Лиссы обиженно вытянулось. Похоже, реальность жестоко ранила чувствительное девичье сердце. Колдунья явно вообразила себе эпическую битву закованного в броню рыцаря без страха и упрека с ужасным ревущим монстром. Да-а… Реальность зла.

ГЛАВА 7

Он улетел через пять дней, оставив в моей душе сосущее чувство утраты сродни внутренней неудовлетворенности. Хотя по идее должна бы радоваться. Аппетит выздоравливающего грифона непомерно возрос, и уже к четвертому дню нашего пребывания в долине Тиграш все лапы сбил в поисках добычи, но все равно хватало только на прокорм раненого монстра. Вынужденные перейти на вегетарианскую диету окружающие недовольно роптали, мол, проще такого пристрелить, чем прокормить. Эльфы пытались охотиться, но горные козлы оказались хитроумными бестиями, недоверчивыми к тому же, и вовсе не горели желанием покончить жизнь, получив стрелу. Не знаю, чем их приманивал Тиграш, но ни лорду Тиррэлю, ни лорду Эллэну, ни Арагорну в паре со Скворчащим Животиком не удалось подойти на расстояние полета стрелы. Создавалось впечатление, будто животные нагло издеваются над охотниками, злорадно красуясь на скалах вне досягаемости, что, понятное дело, хорошему настроению мужчин не способствовало.

И вот однажды я пошла кормить грифона, соблюдая наш обычный утренний ритуал (следующим пунктом которого после завтрака было нанесение еще одного слоя грязи), и, к своему удивлению, нашла огород Арданассак абсолютно обезгрифоненным.

— Он улетел, — доверительно сообщил сэр Толеснал, хрустя яблоком.

— Но обещал вернуться? — на всякий случай уточнила я, пораженная вероломством монстра в самое сердце.

— Не знаю, благородная дама, — пожал плечами рыцарь. — Лично мне он ничего подобного не говорил. Но вы можете дождаться Кехта. Возможно, он слышал что-нибудь.

Я покачала головой. Сомневаюсь, что грифон, не найдя время на прощание со своим лекарем, обнаружил в своем плотном графике несколько минут для общения с оруженосцем.

«Не переживай, — вклинился в безрадостный ход моих мыслей Джастудай. — Теперь ты на сто процентов уверена, что грифон всего лишь зверь, чье выживание зависит от того, насколько четко он следует своим инстинктам. В нем нет ни любви, ни благодарности, ни души, а окружающие делятся на два вида: те, кого можно съесть, и те, кого есть нельзя».

«Возможно, ты прав, — не могла не согласиться я. — Но от этого менее грустно не становится».

«Прекрасная речь, братишка, — одобрил монолог Кумивар. —

А на месте гадалки я бы бросил этот участок и разбил огород где-нибудь еще. Сомнительно, что после грифона и обилия грязи, которую ты с таким усердием лила на зверюгу сверх всякой меры, здесь хоть что-то сможет вырасти в ближайшие лет десять».

Я удивленно воззрилась на недавнее место лежки зверя. Землю действительно покрывал изрядный слой грязи, перьев, вылезшей шерсти и еще бог знает чего. И даже невооруженному взгляду далекого от земледелия индивида понятна тщетность попыток вырастить здесь хоть что-нибудь.

«Ты прав, — ошеломленно протянул Джастудай. — И с нашей стороны условия договора соблюдены, но я бы рекомендовал воительнице удалиться раньше, чем ведьма сможет оценить результаты. Боюсь, она будет сильно расстроена горькой судьбой своего огорода».

«На мой взгляд, глупо привязываться к клочку земли, — скептически хмыкнул Кумивар. — И тем не менее я согласен с братом и предлагаю провести остаток дня в приготовлениях, а завтра на рассвете покинуть гостеприимную долину и продолжить наш путь».

«Что я слышу, доблестный клинок предлагает бежать? — искренне изумилась я. — Начинаю опасаться за собственные уши. Уж не подводит ли меня слух?»

«Это не побег вовсе, а тактическое отступление, — спокойно возразил он. — Мы и так слишком здесь задержались».

«И правда, леди, история со спасением зверя слишком затянулась. Нам следует спешить, если хотим найти принцессу до того, как у нее появятся внуки», — поддержал брата Джастудай.

Что ж. С этим не поспоришь.

— Благородная дама! — Голос сэра Толеснала вывел меня из задумчивости. — Зверь улетел, мясо вам больше не понадобится, может, отдадите его мне и моему оруженосцу?

Хитрый ход. Я оценила.

— Сэр, я могу выделить вам только часть. Остальное нам и самим пригодится.

— Но грифону вы готовы были отдать все, — возмутился рыцарь. — А он, между прочим, всего лишь зверь.

— Да, но этот зверь залечил свою гораздо более опасную рану раньше вас и благополучно избавил нас от своего общества. Теперь я с моими спутниками продолжу свое странствие. Так что припасы пригодятся нам самим, а я вынуждена с вами распрощаться. Прощайте, сэр Толеснал. Удачи с подвигами.

Я повернулась и уже было ушла, когда сэр Толеснал окликнул меня, заставив обернуться:

— Вы собираетесь разыскать принцессу. Ее похитил дракон?

— Не думаю, — покачала головой я. — Хотя, возможно, драконы приложили лапу к сокрытию города, где она находится, от посторонних глаз. Или это были демоны.

— Демоны… — мечтательно протянул рыцарь, и его благородное лицо озарила улыбка. — Интересная, должно быть, у вас жизнь.

— Да уж не жалуюсь, — скептически хмыкнула я.

Ведра с мясом тяжело оттягивали руки, и только предвкушение сытного обеда не давало мне злобно запустить их в кусты.

— А не найдется ли в вашем отряде место для рыцаря и его оруженосца? — с надеждой вопросил сэр Толеснал. — Я, знаете ли, давно мечтал спасти какую-нибудь принцессу, но как-то все не представлялось случая. Принцессы почему-то предпочитают путешествовать исключительно с большой охраной и их очень редко похищают.

— Очень недальновидно с их стороны, — не удержалась от ехидного словца я.

Но моя ирония была успешно проигнорирована возжелавшим свершения героического поступка рыцарем.

— Между тем спасение прекрасной принцессы — идеальный подвиг для любого рыцаря, — мечтательно закатил глаза от предвкушения он.

Ну-ну. Похоже, благородный сэр уже видит себя верхом на лоснящемся холеном жеребце увозящим красавицу под серебристой вуалью в закат. Интересно, он что, совсем не понимает, что, прежде чем транспортировать очаровательных дев на копытном транспорте, нужно сначала узнать ее местонахождение, а для этого придется провести занимательную игру в двадцать вопросов с выходцами из ада (или его аналога в местном мире). Назовите меня привередой, но, на мой взгляд, демоны не тот вид, с которым имеет смысл вести увлекательные беседы.

— А вдруг принцесса некрасива, что тогда? Оставим ее там, где есть? — поинтересовалась я.

Карие глаза рыцаря выразили такое неподдельное изумление, что стоило задать вопрос хотя бы для того, чтобы увидеть это выражение лица.

— Разве та, что вы ищете, некрасива?

Ну прямо как ребенок, которому сообщили, что санки Санты по ошибке сбили ПВО.

— Нет. Принцесса Норандириэль золотоволоса, голубоглаза и прекрасна, как и положено высокорожденной эльфийке, — усмехнулась я и увидела облегчение, которое выразилось на лице

сэра. — Я спросила гипотетически. И все же, если дама некрасива, разве она не заслуживает спасения?

— Итак, место для нас найдется? — спокойно проигнорировал вопрос сэр Толеснал.

— Пара крепких спутников никогда не бывает лишней, особенно в таком опасном предприятии, как наше. Но как быть с вашей страшной травмой? — Я изобразила крайнюю степень озабоченности. — Думаю, вам стоит повременить с путешествиями, пешими прогулками и поездками верхом. Разве сможете вы далее продолжать путь, полный терний и лишений? Вы все еще не можете ходить, а ваш скакун не набрался сил. Не лучше ли остаться в долине на заслуженный отдых и залечить раны? Даже самый смелый дух, увы, узник тела и вынужден считаться с его потребностями.

Эк я загнула! Прямо сама себя зауважала. Есть чем гордиться.

«Воительница, снимаю шляпу в восхищении», — снизошел до одобрения Кумивар.

И хотя похвала меча мне польстила, не смогла удержаться от колкости в его сторону:

«Ты же меч. Откуда у тебя головной убор?»

«Но если бы он у меня был, непременно снял перед твоим красноречием», — ничуть не смутился он.

М-да. Этого ничем не прошибешь.

— Ради свершения подвига во славу прекрасной дамы Брунхильды Светлоокой готов обуздать слабую плоть силою воли и твердостью характера, — пафосно выдал сэр. И чтобы слова не расходились с делом, запустил огрызок яблока в ближайшие кусты, легко воздел себя на ноги и упер руки в бока, изображая позу героя, готового к боевым свершениям.

— Свершилось чудо! Друг спас жизнь друга! — скептически хмыкнула я.

В это время из кустов вылез Кехт, правой рукой придерживая ведро с лечебной грязью, а левой ощупывая замечательный фингал вокруг правого глаза.

— Кстати, о дружбе. Друзья точно так не поступают, — укоризненно молвил он. — О! Ваше сэрство! Вы изволили встать? Тогда эта гадость вам точно больше не понадобится. Аллилуйя!

Ведро с грязью улетело по высокой дуге и звякнуло где-то за пределами досягаемости.

— Вот и славно. Приятно, знаете ли, доставлять людям радость. Если к утру не передумаете, жду вас на рассвете вместе с ослом, жеребцом и припасами.

Мне показалось или у Кехта лицо перекосилось, словно он съел два кило лимонов разом и на голодный желудок? Наверное,

известие о грядущих героических свершениях подействовало не так вдохновляюще, как на его хозяина. И я не могу его в этом винить. Пара предыдущих подвигов у них точно не задалась.

Друзья восприняли новость с оптимизмом загостившегося на одном месте цыганского табора. Вовремя появился Тиграш с новой добычей, и заготовка припасов пошла полным ходом: вялили мясо, проводили ревизию припасов, укладывали вещи. По ходу сборов стало понятно, что столько мяса, пусть даже вяленого, под силу тащить на себе только тигру, но тогда мне придется топать пешком. Я было возмутилась такому жестокому обращению с нежной и хрупкой мной, но уступила интересам большинства. В конце концов, путешествовать на сытый желудок гораздо приятнее, чем на пустой. А в морозном холоде гор хорошее питание — залог выживания. К тому же Тиграшу не придется охотиться еще и для нас, он сможет дольше отдыхать, а значит, мы будем больше проходить за день.

— Может, пока есть свободное время, стоит кому-нибудь сбегать к Арданассак за рекомендацией к тролльему шаману? — предложила я, бросая красноречивые взгляды в сторону Скворчащего Животика, чтобы ни у кого не возникло сомнений, кому именно должна выпасть подобная честь.

Черноволосый мальчишка-эльф насупился и умудрился побагроветь, несмотря на темный цвет кожи.

А что я такого сказала? Он самый молодой и легкий на подъем. Я, может быть, сама вызвалась бы, но не стану. Ведь как пить дать заплутаю в трех соснах, и на мои поиски придется снаряжать спасательную экспедицию.

Арагорн смерил своего ученика взглядом неожиданно голубых глаз с вертикальными кошачьими зрачками и усмехнулся, явив белозубую улыбку на темном лице.

— Не стоит. Гадалка была так любезна, что сразу отдала нам записку, чтобы сберечь наше драгоценное время и ноги. А может, просто не хотела, чтобы ее и дальше беспокоили по пустякам отряды странных личностей.

— Как мило, — умилилась я дальновидности элле.

— Кто бы сомневался, — скептически хмыкнул лорд Тиррэль, точно знавший, что, раз его угораздило явиться в этот мир темным эльфом, значит, он просто обязан добавить свою ложку дегтя в любую бочку меда. — Только у нее оказалось весьма специфическое чувство юмора.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно нахмурилась я. — Неужели отшельница сожгла написанное прямо у вас на глазах и не удалось сохранить даже пепел?

— Если бы! — Улыбка темного стала еще шире. — Эта леди

явно спятила. Впрочем, это как раз неудивительно, если учесть тот факт, что гадалка живет в одиночестве на вершине горы не один десяток лет. При таких обстоятельствах любой умом тронется.

— Не следует говорить о леди в таком тоне, — вклинился лорд Эллэн, но темный не удостоил его даже взглядом.

— Арданассак просто взяла молоток и зубило, высекла несколько рун на здоровенном камне и торжественно преподнесла нам.

— Ты шутишь? — удивленно выдохнула я.

Слыхала я о наскальной живописи, но чтобы вот так писали записки… Век живи, век учись — дураком помрешь.

— Хорошенькая шутка! Нам пришлось вместе тащить эту дивную «записку» по горам. Мы бросили ее на тропе, ведущей к троллям. Впрочем, тропой ее можно назвать весьма условно, так что гарантии, что мы ее найдем на обратном пути, нет. Впрочем, может, это и к лучшему. Общение с демонами никогда не входило в мои планы. Хорошего все равно не скажут, а проблем наверняка прибавится. К тому же демоны весьма неохотно говорят правду и любят запутывать людей.

— Если темному лорду что-то не нравится, он вполне может вернуться обратно и спрятаться под одеялом, — вставил лорд Эллэн, но и тут смутить оппонента не удалось.

— Лорд Эллэн, — улыбка Тиррэла стала хищной, — прятаться от темных сил скорее привилегия светлых. Ведь вы всегда утверждали, что Темный двор составляют сплошь выходцы из бездны. Зачем же мне избегать собственной родни?

Светлый тряхнул гривой золотых волос и не снизошел до ответа. Надо полагать, крыть было нечем.

ГЛАВА 8

Мы честно поднялись рано утром, чтобы добраться до деревни троллей еще засветло. Ночевать в горах среди снегов не очень-то хотелось. Крыша над головой всегда предпочтительней самого замечательного костра. Тем более что обнаружить топливо среди скал большая проблема. Чахлые деревца встречались, но так редко, что удивительно, если удастся вскипятить хотя бы чай. С собой же тащить дрова тоже не вариант. Тигр один, и не может тащить так много, как бы нам этого ни хотелось.

Восставший практически со смертного одра рыцарь, дабы свершить очередной подвиг во славу своей дамы, к общему сбору нагло опоздал. Ни сэр, ни его оруженосец не озаботились заранее поимкой своего четвероногого транспорта, а зря. Животные, бродившие все это время без привязи на вольном выпасе, вовсе не горели желанием пускаться в путь. Им-то искать принцессу не надо было. Переубедить осла и жеребца, слегка отъевшихся на хорошем травостое, вполне ожидаемо выпало на долю Кехта. Владелец же престарелого полуседого коня самоустранился от процесса, очень натурально прихрамывая и демонстративно морщась от боли.

Парнишка начал с осла, приманив наивное животное большой сладкой морковкой. Ослик доверчиво принял лакомство и аппетитно захрупал, когда ловкий отрок коварно взнуздал его и нахлобучил седло. Осел оказался не готов покорно подставлять спину в обмен на лакомство, обиженно заревел и попытался лягнуть обидчика, но не преуспел. Тогда он коварно хватил Кехта за руку зубами, получил по носу и явно затаил обиду. Парень сначала обругал неблагодарную скотину, разбаловавшуюся от слишком вольной и сытой жизни, грозно пообещал несчастному строгий пост вкупе с суровой армейской муштрой. Ослик проникся и загрустил.

Кехт ловко вскочил в седло и помчался ловить скакуна рыцаря. Но полуседой конь, хоть и имел жалкую безобидную внешность клячи, на поверку оказался тертым калачом, явив изрядную прыть и маневренность. Ловить лошадь, скача на маленьком ослике, — занятие, прямо скажу, идиотское. Даже у пони было бы больше шансов на положительный исход мероприятия. Процесс затягивался, мы скучали, имея все шансы остаться в долине не только на ночевку, но и на поселение, но тут вмешался Тиграш. Зверь заступил дорогу нагло глумящемуся над осликом жеребцу и коротко, но грозно рявкнул в морду. Конь поднялся на дыбы, опрокинулся на спину и мастерски изобразил

агонию смертельно раненного животного. Впрочем, это ему не помогло. Совместными усилиями рыцаря и оруженосца коня поставили на ноги, оседлали, навьючили седельные сумки. Затем рыцарь стал облачаться в броню. На это дело ухлопали еще примерно час времени. В итоге в путь пустились далеко за полдень. Но хотя бы поехали вообще.

Лорда Толеснала мстительно пустили вперед. Из-за него произошла задержка с отправлением, и было вполне справедливо заставить его первым идти по неизвестной тропе. Ну и его было не особо жаль. Впрочем, шанс на быструю помощь у него был, так как следом за рыцарем мерно трусил на своем ослике Кехт. Этой парочке не впервой путешествовать вместе, и, если они умудрились дожить до сегодняшнего дня, значит, команда сработалась. Мы растянулись цепочкой и дружно топали следом. Тигр честно пытался облегчить мне путь, но не особенно преуспел. М-да. Левбая очень не хватало. Надеюсь, у него все будет хорошо.

Уже через два часа мы дружно завидовали рыцарю и его оруженосцу, чьи животные явно происходили от горных баранов, ибо упрямо шли вперед по казалось бы непроходимым кручам. Мы же тащились, как группа черепах, и только гордость не позволяла сдаться и просить пощады. Не знаю, о чем думали спутники (мы не разговаривали, чтобы не сбить и без того учащенное дыхание), лично я мечтала догнать рыцаря, чье мерное бряцанье доспехов бесило, как звук железа по стеклу, и придушить. Но его еще предстояло догнать, и я тянулась изо всех сил, практически на пределе своих возможностей.

Еще примерно через час лорд Тиррэль скомандовал:

— Привал!

Вот уж никогда не думала, что простое слово может вызвать в душе столько эмоций.

— Но мы еще не доехали, — возмутился сэр Толеснал, чем вызвал всеобщий приступ рыцарененавистничества.

— Неужели? — ехидно поинтересовался темный. — Может, подскажете, ваше сэрство, отчего мы, вместо того чтобы выступить на рассвете, так задержались?

Рыцарь не удостоил нас ответом, просто демонстративно опустил забрало с таким видом, будто ему не пристало снисходить до разговоров с чернью. Что ж, его право. Только вот сама чернь вовсе не обязательно должна придерживаться глупых правил.

— Прекрасно, — усмехнулся Тиррэль. — Раз возражений больше нет, мы вполне можем перекусить на скорую руку и надеть теплую одежду. Кажется, снегопад начинается.

Я взглянула на небо, затянутое тучами. Они плыли медленно, неторопливо, словно боялись расплескать содержимое до срока, цеплялись за горные пики, скребли по скалам. Снег пока не начался, но явно собирался это сделать. Оставалось радоваться, что не дождь. Не знаю, чего именно мне не хочется больше — вымокнуть насквозь или быть засыпанной замерзшими кристаллами воды.

Все получили по полоске мяса, горсти сухофруктов. Ледяная вода из моей волшебной фляги плохая замена горячему чаю, но термосов у нас нет, костер развести не из чего. В итоге чем богаты, тем и рады.

Один сэр Толеснал призывы к трапезе проигнорировал. С лошади он не слез и гордо созерцал окрестности, крепко сжимая латной рукавицей обломки некогда грозного копья, словно позировал для собственного памятника и боялся спугнуть ветреную музу мастера.

— Сэр Толеснал, — увещевал рыцаря Линк, в чьих голубых глазах закованный в броню мужчина был чем-то вроде бесстрашного героя, уезжавшего в закат после нежного прощания с очередной спасенной девой, — вы бы поели! Кто знает, сколько нам еще до деревни топать. Ничто так не согревает, как хорошая трапеза. Ну и хорошая теплая одежда, разумеется. Так что не мешало бы вам утеплиться. Не ровен час, снег пойдет. Доспехи — плохая защита от холода.

Рыцарь не удостоил нас ни ответом, ни кивком. Хамское поведение, как ни крути. Пусть он сын какого-то там графа, но элементарную вежливость никто не отменял. К тому же гордец сам напросился к нам в спутники, а теперь нос воротит?

— Но еще не поздно вернуться, — осторожно бросила я.

Так кидают камень в водоем, а затем смотрят, как расходятся круги по воде.

— Поздно. Назад пути нет, — гулко молвил рыцарь из неведомых глубин своих доспехов. — Труба зовет, и я спешу на ее зов.

— Ну что ж. Безумству храбрых поем мы песню, — хмыкнула про себя, поражаясь упертости некоторых.

— Что вы привязались к моему сэру? Не может он слезть с коня, и все тут. Хоть вы на коленях его умоляйте, нипочем не слезет, — доверительно просветил нас Кехт.

— Отчего же? Он дал обет не слезать с коня, пока не совершит свой подвиг во имя прекрасной дамы сердца? Как это романтично! — восхитилась Лисса, и в ее изумрудных глазах появился туманный налет мечтательности.

— Не будь наивной, дорогая, — иронично хмыкнул темный

эльф. — Все гораздо прозаичней. На рыцаре столько брони, что ни слезть с лошади, ни взгромоздиться на нее самостоятельно он не может. Необходимы помощники, обычно несколько человек, либо специальное приспособление из перекладины и веревок. Приспособления у нас нет, а больше двух человек на столь узкой тропе не развернутся. В идеале рыцарь не может путешествовать без обоза в сопровождении только одного оруженосца.

— Это еще зачем? — опешила я.

На картинках рыцари вполне обходятся обществом коня, а знаменитого Дон Кихота точно сопровождал лишь верный оруженосец Санчо Панса, ни о каком обозе Сервантес не упоминал. Жутко неудобно таскать за собой груженые телеги. Да и что в них перевозить? Не еду же.

— А как же, — растянул губы в усмешке лорд Тиррэль. — Вооруженного всадника в полном снаряжении ни один боевой конь долго таскать не сможет. Вот и следуют за рыцарем телеги с походным шатром, оружием, латами, провиантом. Опять же необходим знаменосец, чтобы встречные могли по гербу точно определить, кто перед ними, и соответственно приветствовать. Опять-таки на боевом коне просто так не катаются, на нем только воевать хорошо. В походе же используют других лошадей.

Я удивленно моргнула. Ничего себе, какие сложности! Еще один миф о романтическом герое на белом коне развеялся, столкнувшись с жестокой реальностью бытия. А жаль. Прекрасный рыцарь, увозящий нежную трепетную деву в закат, может, и клише. Зато какое обаятельное.

— А почему же тогда у сэра Толеснала все не так? — Лисса вздохнула, как обиженный ребенок, обнаруживший вместо конфеты в красивой обертке пустой фантик.

— Я не сторонник глупых традиций, — гордо возвестил сэр. — Все это глупости и предрассудки испугавшихся трудностей маменькиных сынков. Я выше этого.

— За что всю дорогу и страдаем, — тоскливо вздохнул Кехт.

Быстро сказка сказывается, а дорога наша только началась. Некогда рассиживаться — минуты лишней нету, того и гляди, ночь в пути застанет, снег повалит, заметет все вокруг пушистой ватой. Что делать станем? Дороги и так не знаем толком, а в сугробах совсем заплутаем, одичаем и в снежных людей превратимся: станем лазить по горам, питаться горными козлами и кореньями да пугать редких путников.

Рыцарь, громко бряцая доспехами (как только лавина не сошла?), ехал впереди, конь под ним брел понуро. Меня терзали смутные сомнения, что наш рыцарь без страха и упрека успел повоевать еще и с троллями, раз даже его лошадь в курсе, где

проживает племя. Или это авалонский вариант Сусанина? Надеюсь, это не изощренная месть мне за грифона.

Маленький ослик Кехта резво семенил по каменистой круче, сохраняя потрясающий оптимизм для такого мелкого, но уже много повидавшего животного. Мы же тащились следом, молясь, чтобы набрякшие над вершинами тучи не разродились снежной бурей, пока мы не достигнем пункта назначения. Впрочем, мне было легче всех. Тиграш и не подумал бросить хозяйку на произвол судьбы, несмотря на груз на собственной спине, он уверенно вел меня по козьей тропе. В седло, конечно, не садилась — не ровен час, оступится кот под двойной ношей, и полетим мы в ближайшую пропасть вверх тормашками. Но путешествовать, опираясь на надежную спину зверя, все-таки проще, чем искать равновесие в одиночестве, когда камни так и норовят подло выскользнуть из-под ног, увлекая за собой.

Чем выше мы поднимались, тем холоднее становилось. Доспехи сэра Толеснала покрылись инеем. Выправка рыцаря стала ровнее. Может, он окоченел в своих железках, но так ли это, узнаем уже у троллей или на привале, если не доберемся до сумерек. Лазать по горам и днем занятие то еще, а ночью вообще самоубийством попахивает. Так мы и карабкались, сначала ища вдохновение в собственном упорстве, затем в упертости. Пар от дыхания вился вокруг лица, оседая на носу и щеках мелкими кристаллами инея, на языке стыли ругательные слова, но вслух не произносились, берегли дыхание, чтобы не сбилось. Рыцаря с оруженосцем тихо ненавидели — не своими ногами идут, загнали черт знает куда, навязались на наши головы, ироды.

Наконец рыцарь сдержал коня, ткнул в сторону перстом указующим, да так и застыл с рукой вытянутой. Мерзнет сталь на морозе, пластины заклинивает. Так и надо ему, гордецу, довыпендривался. Позлорадствовала маленько, проследила за пальцем, присвистнула. Камень с рунами высеченными стоит возле тропы. Арданассак, умница, постаралась. Вон какие мелкие значки набила, да много как! А уж камня не пожалела — самый большой выбрала. То ли хотела щедростью прихвастнуть, раз случай представился, то ли надеялась, что к шаману идти передумаем, а камень выбросим.

— Интересно, что она там написала? — задумчиво молвил лорд Эллэн. — Жаль, тролльего не разумею.

— А чего тут разуметь? — пожал плечами Тиррэль. — Похабщина одна. В приличном общества прочесть — срам. По мне, если кого послать куда надобно, так сделай это кратко и емко. Зачем хороший камень зря переводить?

— Ты знаешь троллий? — восхитилась Лисса, подходя

ближе. — Ты раньше этого не говорил.

— Наверное, потому, что я никогда не знал этот язык, — фыркнул темный эльф. — Просто общение троллей в большинстве своем нецензурно. Их словарный запас — самый большой в мире справочник изощренных ругательств. Если с ними говорить просто, не вставляя крепкое словцо, то тебя либо не поймут, либо, что еще хуже, сочтут слабым. А со слабаками у них разговор короткий.

Хм, звучало многообещающе. Как пожизненный абонемент в камеру пыток с палачом — фанатиком своего дела.

Камень пришлось нести темному и светлому эльфам. Линк, Арагорн и Скворчащий Животик с успехом страховали носильщиков. Мы с Лиссой благоразумно взяли самоотвод. Мы же леди, а леди не пристало подрабатывать грузчиками. Кандидатуру рыцаря не рассматривали просто потому, что ледащий жеребец не выдержит на своем крупе «записочку» гадалки, а пешком сэр не промарширует и получаса — скончается от перенапряжения. Эльфов выбрали прежде всего потому, что эта пара была примерно одного роста и постоянно пикировалась, чем надоела всем до чертиков. А камень слишком тяжелый, чтобы вести светскую беседу в процессе переноски. Вот и славно, значит, заткнутся, а то, говорят, в горах лавины бывают от громкого шума.

Не прошли мы и пары сотен метров, когда прямо перед носом Кехта просвистела стрела и благополучно упала в пропасть. Паренек скосил серые глаза, потрясенно оглядел собственный нос на предмет целостности, осторожно пощупал на случай оптического обмана зрения и, не обнаружив ущерба, нанесенного внешности, выдохнул с облегчением.

— Глаз-алмаз!

— О чем ты? Я не эльф, чтобы из арбалета стрелы пускать ладно да метко.

Из-за группы камней, чуть в стороне от тропы, вынырнул тролль, облаченный в козлиные шкуры, с булавой на правом плече, арбалетом на левом и здоровенным кинжалом на поясе, который размерами мог поспорить с коротким мечом пехотинца. Лицо у субъекта явно бандитское, да и внешность что ни на есть злодейская.

«Грабить, что ли, будет? — с тоской подумала я. — Это надо было засаду устроить так высоко в горах и не замерзнуть! Крепкая у него конституция».

«Точно, — в кои-то веки согласился со мной Кумивар. — Или счастье у вас такое, что неприятности и в пустыне найдете на свою голову».

«Не скажи, — вмешался Джастудай. — На практически не хоженных тропах грабить додумываются только умом скорбные, а дуракам, как известно, всегда везет. Ты бы на всякий случай руки поближе к рукоятям держала. Кто знает, что у этого имбецила на уме, может, он кинется и кусаться станет».

М-да. Интересно, а почему мне так часто не везет? Наверное, потому что умная очень. В ответ мечи только ехидно хихикнули, нагло сомневаясь в моих умственных способностях. Я надулась. Обидно, когда тебя не ценят.

— А что же ты, не эльф, из арбалета в прохожих стрелами пуляешь? — сурово сдвинул брови Линк, который габаритами мало чем уступал троллю. — Так ведь и глаз кому-нибудь вышибить можно.

— А вы, прохожие, ходили бы себе где-нибудь еще, — настоятельно посоветовал тролль. — Видишь, тропка ведет аккурат в селение наше? А мы, тролли, народ негостеприимный. Как повадился тать какой-то овец наших воровать, так и перестали мы чужих приваживать.

— А мы не просто прохожие, — радостно, словно тролль не предлагал убраться подобру-поздорову, сообщил Тиррэль. — Мы записку от Арданассак вашему шаману несем.

Для наглядности эльфы записку на тропу поставили, да то ли не рассчитали слегка, то ли проучить негостеприимного тролля решили, только камень грохнулся прямо ему на ногу. Тролль взвыл и выдал на-гора длинную цветистую фразу на родном языке. Красиво звучало, но явно ругательно. Оно и понятно. Кто наличию каменного письма на собственной ноге обрадуется?

— Можешь, конечно, отнести записку шаману самостоятельно, если нам не веришь. А мы тут подождем его решения.

Щедрое предложение темного отчего-то не вдохновило тролля. Возможно, он подозревал, что мы попросту заговариваем ему зубы, а лишь он покажет нам спину, сосчитаем до десяти и зададим такого славного драпака, что от мелькания пяток в глазах зарябит. А возможно, служить почтальоном, таская по горам тяжелое каменное послание, считал зазорным для уважающего себя тролля. Второе, думаю, более вероятно, так как бежать в горах особо некуда, да и мы все равно шли к троллям, значит, глупо создавать себе трудности. Впрочем, логика никогда не была сильной стороной нашего коллектива. Не зря же говорят, что нормальные герои всегда идут в обход.

— Вы пойдете со мной в деревню к вождю! — Тролль грозно ткнул в нашу сторону шипастой булавой, заставив тигра предостерегающе рыкнуть, чтобы не особо размахивал руками в

нашу сторону.

Я потрепала кота по загривку, чтобы успокоить. Он вполне способен напасть, если посчитает угрозу серьезной, а с троллями нам ссориться не с руки. Тем более по пустякам.

Тролль развернулся на сто восемьдесят градусов и бодро потопал куда-то по камням, являя сноровку и проворство совершенно неожиданное для огромного существа, по параметрами напоминавшего хороший трехстворчатый шкаф. Разумеется, сбегать мы и не подумали, двинули следом неорганизованной толпой, так что со стороны казалось, будто не нас к вождю ведут, а мы сами к нему идем, дабы получить выкуп за соплеменника, да еще и каменюгу с собой тащим с подробными требованиями.

Я никогда не бывала в тролльих кланах. Наверное, потому, что в родном мире, сколько по горам ни лазай, кроме альпинистов вряд ли кого встретишь, а тролли проживают исключительно в сказках и фэнтези. Впрочем, в книгах они отличались большой кровожадностью и не вступали в излишние разговоры с людьми — сразу их убивали. К тому же совершенно не выносили солнечного света, обращаясь в камень. Наш провожатый ни в камень обращаться не спешил, ни кулинарную книгу не листал в поисках подходящего рецепта консервации разнообразного мяса. Это давало некоторую надежду, что пока употреблять внутрь нас не собираются и могут, по крайней мере, выслушать.

Сама деревня представляла собой скопление пещер. В центре же возвышалось огромное строение, похожее на гигантский перевернутый котел. Его стены, сложенные из больших блоков спрессованного снега, блестели на солнце, слепя глаза, словно сделанные из брильянтовой крошки. Тем страннее было видеть уютный дым, струящийся из крыши. Внутри явно жгли костер и не боялись, что подтаявший снег рухнет им на голову. Потрясающая самоуверенность.

Вокруг ошивались огромные волосатые типы в темных кожаных или меховых штанах, грубых сапогах устрашающего размера и безрукавках из меха различных животных. Встречались как шкуры козлов, так и волков и барсов. Последние заставляли тигра настороженно фыркать. Оказаться чьей-то одеждой ему явно не улыбалось.

Теперь уже мы стали напоминать то ли узников, ведомых на расправу, то ли гостей в сопровождении почетного эскорта. Нас обступили со всех сторон серьезные мрачные типы, на чьих довольно противных мордах, не обезображенных следами интеллекта, без сурдоперевода читалось сильное сомнение в

радости шамана нашему визиту. Думаю, они вполне могли найти нам более интересное применение, например пригласив на обед в качестве закуски, а костями коня смачно поковыряться в зубах, просто не хотели нарушать традицию и решили сначала представить нас вождю. Ну и огласить меню заодно.

К моему большому удивлению, нас торжественно отконвоировали к снежному строению. Вход в него закрывала огромная волосатая шкура, судя по размерам и гигантским бивням, на которых она крепилась к притолоке, это вполне мог быть мамонт. Но руку на отсечение не дам, могу и ошибаться. В дверной проем легко мог проехать всадник, но рыцаря и оруженосца отчего-то заставили спешиться. Что ж, если на поверку сооружение окажется гигантским холодильником, в котором все племя дружно хранит припасы на зиму, сие не удивительно. Я, например, тоже предпочитаю хранить разные сорта мяса отдельно. А на месте троллей я бы настоятельно порекомендовала рыцарю еще и доспехи снять. Мало того что громыхает противней тридцати консервных банок, привязанных к автомобильному бамперу, так еще заморозка выйдет с металлическим привкусом. Хотя… Может, тролли обожают поедать консервы. Кто их знает?

Изнутри строение выглядело как скорлупа гигантского яйца. Кто бы мог подумать, что тролли такие замечательные строители. Это же надо так искусно пригнать снежные блоки, что швов не видно и стена кажется монолитной, словно ее создал причудливый каприз природы. На стенах кое-где висели шкуры, оружие, а в центре прямо на земле тролли жгли костер. Свободные от конвоирования члены клана мирно расположились вокруг и трапезничали зажаренным до черноты мясом сомнительного происхождения. Подозреваю, что это предыдущие послы от Арданассак, принесшие каменную записочку шаману.

Вперед выступил наш провожатый и разразился пламенной речью, сопровождая ее бурной жестикуляцией. Переводил для глухонемых, наверное. Как жаль, что я не владею ни трольим, ни языком жестов.

«Неуч», — не смог удержаться от сарказма Кумивар.

«Сам дурак», — совершенно по-детски откликнулась я и чуть не показала язык с досады, но вовремя сдержалась.

Вождь клана мог неправильно истолковать жест, приняв на свой счет.

«Ты не много потеряла, — утешил Джастудай. — У троллей грубый язык и в большинстве своем состоит из ругательств. Тролли говорят, что врагам нужно хамить, чтобы уважали, а союзникам, чтобы такую заразу не сглазили и ни одна холера не

взяла».

«Хм. Интересная позиция. А в глаз за это получить не боятся?»

«Нет. Хорошая драка троллям только в радость. Боевой дух, говорят, укрепляет, да и искусству боя учит».

«Тоже мне искусство, — тут же вклинился Кумивар, — друг дружку тузить да бока почем зря мять. То ли дело благородное искусство боя на мечах…»

«Меч — прекрасное оружие. В этом я с тобой согласен, — наставительно изрек Джастудай. — Но троллья булава — оружие смертоносное и вполне успешно может противостоять мечу».

Самой гнусной рожей, на мой взгляд, обладал вождь. Теперь ясно, в кого пошла тролльчанка, чью судьбу пыталась устроить Арданассак с помощью мнимого приворота. Судя по тому, что жених сидел тут же и с довольным выражением морды уписывал горелое мясо, с хрустом разгрызая кости, со сватовством все обстояло хорошо. Надеюсь, на свадебный обед нас не пригласят. Не хотелось бы получить несварение желудка после дегустации подобных кулинарных шедевров. С другой стороны, стать одним из блюд в меню не хотелось еще больше. Оставалось надеяться, что шаман прочтет надпись на камне (зря, что ли, эльфы его тащили?), проникнется благородным духом нашего поиска и тут же организует краткое турне в ад для общения с демонами. Ну или сам призовет их и выдаст краткую справочную информацию с обязательным приложением подробной карты. Второй вариант, разумеется, предпочтительней.

Вождь воинственно ткнул в нашу сторону полуобглоданной костью и «любезно» поинтересовался, кто мы такие и какого ляда шатаемся по их горам. Не дай боги, задерет какой-нибудь барс или облачный кот, и объясняйся потом с ушастыми, почему в пещерах так часто встречаются кости их сородичей. Дипломатические отношения с эльфами хуже некуда, и не хватало еще отдуваться за всяких ненормальных. Короче, коль умом скорбны — сидели бы дома. Нечего троллям репутацию портить, и без того желающих хоть отбавляй. Тролль говорил на всеобщем наречии. Но использовал массу выражений, в приличном обществе не используемых. К концу речи Кехт и Лисса сделались пунцовыми словно вареные раки.

Ответное слово взял Тиррэль. Впрочем, других желающих представлять нашу группу перед тролльей общиной все равно не было, поэтому голосование проводить не стали. Темный эльф выступил вперед с изяществом опытного царедворца, таща на буксире светлого (камень они несли вместе, и пока никуда не приткнули оригинальное послание гадалки).

— Приветствую храброго вождя горных троллей! — начал свой вдохновенный монолог Тиррэль. Затем с чувством, толком и расстановкой рассказал, как всю жизнь, чуть ли не с самого младенчества, любил и почитал троллей за их непревзойденное воинское искусство, простоту и самобытность нравов и легендарную храбрость. А тех, кто думает иначе, смачно заклеймил позором, обозвав злобными завистниками и мелкими злопыхателями, чем вызвал одобрительную отрыжку у вождя. Следом представил всех членов группы, включая Тиграша, коня и ослика, которым почему-то разрешили присутствовать. Из всех животных Тиррэль знал лишь кличку тигра, потому лошадь гордо назвал «боевой конь рыцарский», а ослика соответственно «осел».

Вождь благосклонно кивнул всем разом, включая четвероногих участников похода, отчего мы с облегчением заключили, что начало переговорам положено, и лорд Тиррэль, если отец искомой принцессы клана Вечного рассвета откажет ему от двора, вполне может пошпионить в клане троллей. Если, конечно, согласен жить в пещере, терпеть холод и грубость троллей.

Само путешествие темный эльф умудрился расписать столь велеречиво, что даже мы ничего не поняли, хотя сами принимали в нем участие, а он присоединился только в Вольтурнуиэле.

«Хорошо излагает», — искренне восхитился Джастудай.

«Да-а-а. Талант. И не соврал ведь, — проявил редкое единодушие Кумивар. — При Темном дворе обучение шпионов на уровне».

Лорд Тиррэль хотел было торжественно вручить вождю каменную записку (мол, шаман местный, вы ему сами вручите, а мы пока здесь скромно подождем в сторонке, для подвигов силы сохраняя), но забыл предупредить об этом Эллэна (подозреваю, что нарочно) и отпустил свой конец камня. Не ожидавший такой подлости светлый эльф тут же отпустил свой. В результате «записка» благополучно приземлилась на его ногу, сильно обогатив лексикон местного населения массой новых оборотов на эльфийском, всеобщем и даже тролльем, видимо для особой наглядности.

Тролли чрезвычайно обрадовались. Некоторые обороты им еще не приходилось слышать. Хотя, судя по ехидным комментариям Кумивара, тролли на поприще нецензурной брани давно перешли из класса любителей в профессионалы. Лорду Эллэну великодушно предложили хорошую должность при вожде и даже тролльчанку в жены (или двух, если сдюжит, а темпераментные барышни не поубивают друг друга от ревности. Бывали случаи). Но светлый почему-то отказался. Это он зря.

Когда еще представится удобный случай послужить делу укрепления дружбы народов?

Но вождь ничуть не расстроился. То ли он вообще привык к отказам, то ли предлагал чисто для проформы.

— Ладно, — хмыкнул тролль. — Нужен вам чертов шаман, будет вам шаман.

Считайте меня параноиком, но, когда мне вот так просто предоставляют желаемое чуть ли не на блюдечке с золотой каемочкой, начинаю искать подвох. Ведь даже Арданассак умудрилась впарить свою проблему с грифоном в нагрузку. А тролли — что, самая бескорыстная раса в мире? Не верю.

— А в чем подвох? — не выдержала я.

Вождь презрительно хмыкнул, словно прикроватная тумбочка одним прекрасным утром решила пожелать ему хорошего дня.

«А что ты хотела, дорогая? Тролли свято уверены, что предназначение женщины явно не дипломатия». — Судя по эмоциональной окраске замечания, Кумивар усмехнулся.

Я чуть не спросила: «А в чем, собственно?», но тут до меня дошло, и я потупилась. Похоже, тролли придерживались того мнения, что женщина должна рожать, готовить и ходить в церковь, и все это не поднимая глаз на мужчин.

— Да-а, — задумчиво протянул лорд Тиррэль. — Подвох точно есть. Хотелось бы знать: в чем?

Глава клана хитро покосился на темного, словно всерьез раздумывал, стоит ли сообщать малышу, что чудовище под кроватью настоящее.

— Шаман наш чудит, — тяжело вздохнул он. — Сделал новую настойку на мухоморах, курит странное зелье, впадает в транс и видит леший знает что. Бабке моей нагадал молодого, стройного жениха. Мол, приедет рыцарь на белом коне и умчит в свой замок. Старуха уверовала, и уже три года ходит встречать суженого. Вот приболела сегодня что-то. Со счастьем своим разминулась. — Вождь многозначительно воззрился на сэра Толеснала. — Надо будет гонца к ней заслать. — Сэр тихонечко принялся красться к выходу. Получалось плохо. Железные доспехи не позволяют уйти бесшумно и не прощаясь, они скрипят, бряцают, дребезжат, скрежещут металлом о металл. — А еще предсказал, что моя дочь пойдет к гадалке и ее разорвет обозленный демон. К гадалке она ходила, и вполне благополучно. Через неделю свадьбу справим. Опять наврал шаман.

По его тону нельзя было с уверенностью сказать, радует ли вождя возвращение дочери или нет.

Шаман племени проживал в пещере, вход в которую закрывала шкура снежного барса. По меркам троллей это было

что-то вроде президентского люкса в пятизвездочном отеле. А по мне, дыра в скале остается дырой в скале, как ее ни украшай наскальной живописью и напольными шкурами. Сюжет картин не отличался разнообразием. Красной нитью сквозь творчество неизвестного автора проходила горькая, нелегкая судьба несчастных монстров, угодивших в жестокие лапы озверевших троллей. Бедные монстрики неизменно гибли в жутких конвульсиях, радуя своих мучителей до жуткого оскала на мордах. Душераздирающее зрелище, доложу я вам.

Сам владелец элитной жилплощади, мордатый зеленокожий тролль с клыками наружу, многочисленными косичками, украшенными разноцветным бисером, нитками и ракушками, гордо восседал по-турецки на шкуре медведя. Судя по задрипанному виду и отсутствующим клочкам шерсти, животное благополучно почило от старости в окружении скорбящих внуков и правнуков. Дымился костер, дымилась трубка шамана, тихо тлела шкура.

Вождь провел несколько раз лапищей перед мордой впавшего в глубокую прострацию шамана. Безрезультатно.

— Видите? — прокомментировал он свой жест. — Трое суток уже так сидит. А вы ставьте записку рядом. Как очнется, первым делом прочтет.

Судя по озадаченному виду спутников, в чудесный быстрый выход тролля из астрала они не верили. Лорд Тиррэль особенно внимательно осмотрел сведенные в кучку глазки кудесника и скептически хмыкнул.

— Крепкое зелье варит ваш шаман, — доверительно сообщил он. — Знавал я одного, так он в мухоморы разные травки добавлял, настаивал на гномьем самогоне. В астрал вылетал быстрее пробки из шампанского и зависал там до посинения, питаясь исключительно энергией звезд, как он сам говорил. Последний раз транс длился без малого сто лет. Его даже магам показывали, как основателя уникальной методы. Правда, когда он вышел из транса, кожа так и осталась голубого цвета.

— Я тоже слышал о таком, — подхватил Эллэн. — Его еще Голубым Звездуном прозвали. Он основал Орден поклонников Голубой Звезды. Столько народу потравилось его фирменной настойкой — жуткое дело!

— Но мы не можем ждать сто лет, — возразила Лисса. — Мы и так слишком долго в пути.

— Не волнуйтесь, леди, — клацнул забралом Толеснал, голос его звучал гулко, словно он говорил в жестяное ведро. Впрочем, отчасти так оно и было. — Люди столько не живут.

Да уж. Утешил так утешил.

— Глупости, — отмахнулась зеленоокая брюнетка. — Я колдунья, а значит, у меня есть все шансы дотянуть до трехсот лет, даже притом, что я не обучена.

— Да. Но не все из нас могут похвастать тем же, — вклинился Арагорн и посмотрел на меня.

Что ж, видимо, деликатность не его конек. Лисса неопределенно пожала плечами, мол, она не виновата, что кому-то везет больше, чем другим. Такова жизнь.

— Тогда давайте его разбудим, — осторожно предложил Кехт и смущенно покраснел, когда все собравшиеся дружно уставились на него. — Ладно, я просто так предложил, раз уж других идей все равно нет.

Но мысль всем понравилась. Поэтому примерно час мы дружно предавались различным издевательствам над местным шаманом, изрядно повеселив злорадствующего вождя.

— А так ему и надо (нехорошему троллю), а то повадился предсказывать… знает что, — прокомментировал свою позицию он.

Мы били впавшего в нирвану по щекам, плескали воду в лицо, гремели над ухом, ударяя щитом по пустому шлему рыцаря (Толеснала пришлось удерживать силой, чтобы он не отнял часть доспехов, которая отчего-то была ему дороже наших экспериментов), орали шаману на ухо, угрожали. В конце концов, измученные бесплодными попытками, мы готовы были плюнуть на это дело, когда Линк с досады выхватил трубку изо рта шамана и швырнул ее в огонь. Тролль вздрогнул, будто очнулся от сна, и уставился на нас так, словно мы были злокачественными прыщами, внезапно выскочившими на его зеленой коже. Впрочем, после того, что мы с ним проделали, я бы тоже не особо радовалась нашей встрече.

— Здрасьте, — выдавила я, встретившись с немигающим взглядом темных глаз без намека на белки. — А мы тут записку от Арданассак вам принесли.

Если шаман и испытывал к рекомендовавшей нас элле какие-либо чувства, он успешно это скрывал. На зеленой троллье морде проступило нечто похожее на страдание, он болезненно поморщился, как будто ему разбередили старую рану и теперь тело терзала тупая, тягучая боль. На приветствие шаман не ответил, возможно, просто его не расслышал или слишком расстроился, внезапно покинув астрал, где зависал последнее время. Он скосил глаза на «записку», прочел содержание (или просто оценил размер каменюги) и разразился длинной цветистой тирадой на всеобщем, в коей успешно выразил сильное негодование по поводу нашего визита. Получилось мощно.

Покраснели даже Арагорн со Скворчащим Животиком, чья черная кожа, казалось бы, не способна на такие оттенки. Рыцарь же от неожиданности уронил с трудом отвоеванный шлем на каменный пол, обалдело обозрел вмятину и обогатил лексикон негостеприимного хозяина своим вариантом видения ситуации. Церемония приветствия состоялась.

Рыцаря тролли зауважали. Переплюнуть в ругани самих троллей мало кто сумеет. Надо же, а с виду такой благородный сэр.

Вождь оценил напряженность момента, благополучно опустил церемонию представления гостей хозяину пещеры и сразу перешел к делу, предложив шаману не быть (нехорошим козлом) и помочь (усталым путникам) в их (нелегких, но, безусловно, очень нужных поисках). Смысл слов был примерно такой, но в выражениях вождь совершенно не стеснялся.

Шаман тут же стал отнекиваться, мол, устал он, не выспался, из астрала нагло досрочно выдернули, а это привело к потере уймы сил. Теперь ему вообще положен бюллетень по нетрудоспособности и целая корова с молоком за вред, причиненный хрупкому здоровью. К тому же мухоморы заканчиваются, конопля отсырела, и сам он далеко не в лучшей форме пребывает.

Вождь среагировал сразу, и бурно, в пламенном монологе изложил все, что думает о нем, его родне вообще и шамане в частности. Причем я на такое мнение точно обиделась бы, а шаман разве что не цвел от удовольствия, как розовый куст у хорошего садовника. Впрочем, если хорошенько вслушаться, выходило, что шаман весь такой молодец, очень даже могущественный, и все племя во главе с вождем очень на него надеется. Это прямо как материться на лунную дорожку: текст грубый, а выражается восхищение.

В ответ шаман еще поломался слегка, но больше для проформы. Дескать, с демонами дело иметь сложно и за результативность ритуала он не ручается. Вождь доверительно похлопал шамана по плечу, гордо заверив, что верит в него сейчас, как никогда, и вообще соплеменник просто специалист высшей пробы по доставанию всех вокруг. Значит, с демонами проблем точно не будет. Ритуал решили устроить этим же вечером. Чего волынку-то тянуть. Но шаман наотрез отказался делать вызов в присутствии нас с Лиссой, объяснив закрытость «вечеринки» не дискриминацией по гендерному признаку, а наличием в нас магии. Дескать, у меня магическая связь с тигром и мечами, Лисса же вообще колдунья. Наши способности станут фонить, и ритуал в лучшем случае просто не удастся, в худшем —

выйдет из-под контроля. Я хотела было возразить. У Арданассак мой тигр никому не мешал, он очень даже воспитанный боевой кот, а мечи вообще мешают только мне. Но передумала. В кои-то веки текущие проблемы решатся без моего непосредственного участия. Вождь проявил чудеса гостеприимства, выделив в наше распоряжение отдельную пещеру с замечательным очагом посередине, а нас с Лиссой даже пригласили на пир в снежный дом. Прекрасная замена общению с представителями ада. Судя по мрачным лицам спутников, они придерживались того же мнения, просто вслух этого не говорили.

На пир особо не собирались. Так — причесались, заплели волосы в косы. У Лиссы коса вышла хорошая, толстая, длиной до пояса. У меня же две короткие косички, как у первоклашки, но какая-никакая прическа. От вечерних платьев пришлось отказаться из-за отсутствия таковых. Туфли же для заснеженных гор — не та обувь, ноги в них переломать плевое дело. Сильно по поводу внешнего вида не переживали. Чай не эльфийский дворец. Да и гостеприимные хозяева, если желают лицезреть гостей при параде, могли бы снабдить нас если не бальными платьями, то хотя бы водой для умывания.

В сумерках, когда мы уже честно считали, что тролли просто позабыли о нашем существовании, и даже успели перекусить кое-чем из собственных запасов, чтобы в животах не так страшно урчало, за нами явились мрачные громилы. То ли конвой, то ли провожатые — так сразу и не скажешь. Для провожатых сгодилась бы всего пара, а конвоировать нас вроде ни к чему. Сами пришли и на ритуал напросились. Чего нас охранять-то? Непонятно. Так мы и шли с бодростью заключенных, ведомых на расстрел, пока не пришел момент расставания. Обниматься напоследок не стали. К чему телячьи нежности? Постояли сурово, запоминая облик друг друга, словно не увидимся больше, и побрели каждый в свою сторону.

Множество светильников разгоняли ночной мрак как вокруг снежного дома, так и внутри него. Снег в блоках отчего-то не таял, не стекал веселыми ручейками вниз по стенам, грозя обрушением на головы собравшихся. Что не могло не радовать. Нас усадили на почетное место возле вождя. Какая-то пара волосатых типов смерила нас с Лиссой явно недружелюбными взглядами, видимо, раньше эти места за столом принадлежали им, а теперь троллям пришлось сесть ниже, что, несомненно, ударило по их авторитету. Они попробовали запугать впечатляющей игрой мышц и многозначительным похлопыванием шипастой дубиной по ладони, но вождь грозно рявкнул на них, и вопрос о правомерности расположения гостей за пиршественным

столом отпал сам собой. По мне так взяли бы за правило расставлять именные карточки возле каждого столового прибора, но, наверное, проблема в том, что с тарелками, вилками и ножами у троллей просто беда. Столовых приборов не было вообще.

На столе красовалось сразу несколько зажаренных дочерна козлов. Подозреваю, что с них поленились ободрать шкуру и готовили прямо как есть. Не знаю, оставили ли им копыта, но рога точно имелись внушительные. Каждый использовал собственный кинжал, если хотел отрезать кусок мяса. Затем гордо чавкал, засунув в рот приглянувшийся кусок, брызгая на соседей соком и прихлебывая самогон прямо из кружки. Если бы мне пришлось снимать кино о трапезе неандертальцев, лучшей натуры не придумаешь.

Не знаю, кто у них тут повар, но кулинар он тот еще. Снаружи мясо обуглилось до углей, внутри было жесткое как подошва, жилистое и практически сырое. Под столом в поисках объедков шныряли многочисленные лохматые псы, чьи челюсти наводили на мысль о родстве с волками, а многочисленные схватки из-за лакомого куска повергали в нервную дрожь опасения за собственные ноги. Но покусанных не было видно. Никто не вскакивал с воплями из-за стола, не пытался наказать провинившегося пса за укусы. Видимо, многочисленные пиры сделали из них виртуозов боев под столами.

Впрочем, через пару глотков обжигающей жидкости, что тролли звали самогоном, да еще учитывая те крошечные кусочки мяса, что мне удалось разжевать и проглотить вместо закуски, число конечностей вдруг увеличилось вдвое против обычного, а их утрата перестала казаться такой уж невосполнимой потерей. Так что я даже рискнула дать одной хитромордой зверюге кость, и — о чудо! — она взяла подачку, не оттяпав беззащитные пальцы, даже не прикусив. Обретение нежной дружбы с псиной я восприняла как добрый знак, умилившись до слез. Все-таки хорошие они ребята — собаки… ну и тролли, наверное, тоже, раз умудрились воспитать таких замечательных псов.

ГЛАВА 9

Мне снова снился среброволосый эльф с янтарными глазами, в чьей мерцающей глубине притаились изумрудные вкрапления, словно драгоценности, скользящие по магме в жерле вулкана.

— Проснись! — неожиданно строго скомандовал он. — Проснись!

Я с удивлением уставилась на него. Обычно почивший в роще эльф, оставивший в наследство боевого кота и пару назойливых в общении клинков, настойчиво интересовался моим местонахождением и вовсе не горел желанием лишаться моего милого общества. Он передумал? Мне следует обидеться? И если он передумал, какого черта пришел в мой сон? Оставил бы меня в покое, а то я скоро стану бояться засыпать. О-о-о! Это, наверное, такой новый изощренный план измотать меня недосыпом… Хитро.

— Проснись! — Он в несколько решительных шагов покрыл расстояние между нами, бесцеремонно сгреб за плечи и принялся трясти, как сборщик фруктов — дерево.

— С ума сошел? — поинтересовалась я у него. — Какого черта ты делаешь?

— Всего лишь пытаюсь спасти твою жизнь, — с самым серьезным видом заявил тот. — Просыпайся немедленно, или станет слишком поздно.

И я проснулась. Лучше бы я этого не делала.

Начнем с того, что более жуткого похмелья в жизни не испытывала. Во рту прочно поселилась некая смесь пустынь Гоби и Сахары, в голове засели трудолюбивые молотобойцы и стучали молотками со скоростью двести ударов в секунду, каждый отзывался мучительной болью в многострадальном мозгу. Хотя, если я умудрилась допиться до такого плачевного состояния, с умственными способностями у меня точно большие проблемы. Поэтому неудивительно, что сфокусироваться на происходящем вокруг удалось далеко не сразу.

Глаза резануло белым. Снег. Я застонала, пытаясь понять, как это меня угораздило оказаться лежащей на снегу с жутким похмельем и дикой жаждой в организме. По закону подлости именно сейчас до тела наконец дошло, что на холодном снегу пришлось лежать неопределенное количество времени, судя по тому, как затекли ноги и руки. Здорово. Теперь мне еще и холодно стало. Демоны побери этих троллей вообще и их глупые пиры в частности! Однако странное у ребят гостеприимство! Сначала зовут на веселую пирушку, затем безжалостно

выбрасывают расслабленного, ничего не подозревающего гостя прямо на снег. Я подождала несколько секунд, чтобы подготовить себя морально и физически к попытке повторно распахнуть очи навстречу новому дню.

Как оказалось, к представшему моему воспаленному взору зрелищу готова я не была. Огромный волосатый тип троллье наружности нагло волок моего тигра за задние лапы и хвост, явно намереваясь сбросить его в пропасть. «Ах ты гад! Зеленая твоя морда! Моего тигра лапать? Да я тебя!» — хотелось крикнуть мне, но из горла вырвалось какое-то невразумительное бульканье пополам с хрипом полузадушенной, испускающей дух утки. Таким точно никого не впечатлишь. Рассмешишь разве. Кстати, а почему Тиграш волочится и даже не думает сопротивляться? Неужели случилось непоправимое? Ну все… сейчас я буду лютовать! Пока я размышляла и оценивала сложившуюся ситуацию, тролль благополучно скинул боевого кота с обрыва, и я кинулась за тигром, как невеста за счастьем.

В своей жизни я совершала множество ошибок, но скажу без ложной скромности — это была самая большая из всех. Я щучкой сиганула с обрыва и поймала-таки свое «счастье», вцепилась руками в шерсть, словно настырный клещ в единственную буренку на лугу. Все. Мой. Никто не отнимет. Никому не отдам. Беда в том, что за тигром в очередь выстраиваться не спешили. В пропасть падать за нами желающих точно не было. И сама бездна была настолько глубокая, что все успеешь; кричать — охрипнешь, свою жизнь вспомнишь, чужую тоже, и еще время для оплакивания своей горькой судьбины останется. Тигр так и не подавал признаков жизни, оставив меня ужасаться в гордом одиночестве. Ладно. Раз делать все равно нечего, пора обдумать план жуткой мести. Нельзя же спускать толпе Шрэков такое жуткое свинство. Вернусь, найду мечи — поубиваю всех на фиг, хотя… с возвращением проблема. После падения с такой высоты из нас с Тиграшем проще будет котлет наделать, чем собрать что-то, хотя бы отдаленно похожее на оригинал. Мамочки! Страшно-то как!

Я плотно зажмурила глаза, чтобы не видеть собственную смерть, твердо решив после кончины являться зеленокожим громилам в самом ужасном виде и запугать их до мокрых штанов, икотных колик, а если повезет, то и до инфаркта. Перед внутренним взором встала эпическая картина запугивания, где все племя дружно ползает на коленях, моля меня, ужасную, о пощаде. И так зрелище мне понравилось, что показалось, будто бы я уже не лечу вниз, а совсем наоборот, воспаряю. Видимо замечтавшись о грядущем мщении, пропустила собственную

кончину, и бесплотный дух стремится осуществить задуманное. Эх, и не пожила-то еще! Загубили, ироды, младую девушку! Кстати, почему никто не говорил, что после смерти так холодно? Неужели умершая душа тоже мерзнет? Удивившись собственному открытию, приоткрыла сначала один глаз, а потом оба. Обалдеть! Я действительно летела вверх! Мимо мелькали каменные заснеженные стены пропасти, а сверху ошалело таращился тролль с отвисшей чуть ли не до земли клыкастой челюстью. Видимо, внутренне супостат смирился с моей безвременной кончиной, и возвращение покойницы его сильно шокировало. Действительно, когда человек бросается со скалы, вряд ли кто-то рассчитывает на его скорое счастливое возвращение. Да-а-а, зеленая морда, в жизни случаются неожиданности!

Нас всегда учат: «Стоя на краю пропасти, не смотри вниз. Балансируя на канате — не смотри вниз». Но инстинкт самосохранения иногда отказывает, и я все-таки посмотрела вниз. Я все еще лежала на спине Тиграша, судорожно вцепившись в его белоснежную, с голубым отливом шерсть, грозя коту приличными проплешинами в мехе. Но, думаю, он снисходительно отнесется к порче шкуры, если учесть опасную близость смерти. Шерсть не зубы — вырастет новая. Вокруг нас с Тиграшем мерно и мощно вздымались крылья грифона. Вот это сюрприз! А я-то, грешным делом, считала, что он нас бросил, и даже дулась на монстра, обвиняя в черной неблагодарности. Прости меня, грифончик, была не права, вспылила.

Судя по ошарашенному выражению морды сбросившего нас в пропасть зеленорожего тролля, явление грифона для него тоже оказалось большим сюрпризом. Надеюсь, не очень приятным. Тролль попытался огреть моего спасателя шипастой дубиной. Это он зря. Зверь легко увернулся, разобиделся, издал рассерженный клекот, сгреб громилу лапами и сбросил вниз, как мешок картофеля. Полный ужаса вопль замер где-то внизу, вызвав небольшой камнепад. Мне бы радоваться, злорадствовать. Возмездие свершилось! Тролль рыл яму нам, но попал в нее сам — это ли не торжество справедливости? Но внутри царила лишь пустота. После пронзившего душу страха на эмоции просто не было сил.

Грифон мягко приземлился на заснеженные камни. Тиграш соскользнул с монстра и, кажется, даже слегка дернул хвостом. Хотя, может, я выдаю желаемое за действительное и просто хочу верить, что мой питомец жив. В любом случае, когда я скатилась со спины Тиграша в снег, вырвав два пучка шерсти, с удивлением обнаружила, что сильный страх прочищает не только мозги, но и желудок. Меня долго, мучительно рвало и трясло от пережитого

ужаса. Затем я обнаружила, что замечательная фляжка с неиссякаемым запасом воды, щедро подаренная дриадой, бесследно исчезла.

— Сперли, заразы, — брезгливо сплюнула я. — Они еще об этом пожалеют.

Пришлось умываться снегом, избавляться от гадкого привкуса во рту им же. Холодно, противно, а что делать? Как оказалось, не только нас с Тиграшем наглый мордатый тролль решил выбросить в пропасть, но и бесчувственное тело колдуньи тихо томилось, ожидая своей очереди. Это грифон удачно тролля выкинул! Смог бы он вытащить троих, еще вопрос. Да и стал бы?

Под задумчивым взглядом монстра я подползла к Лиссе (ноги слишком тряслись и наотрез отказывались держать пережившее шок тело), надеясь, что девушка жива, а не замерзла насмерть. Сначала попробовала пощупать пульс, но ничего не вышло. Затем трясла, била по щекам, но только окончательно выбилась из сил. Я уже подумывала плюнуть на реанимацию колдуньи и переключиться на тигра (он, кажется, хвостом шевелил), как зеленые очи широко распахнулись и бледные, до синевы замерзшие губы прошептали:

— Ты в своем уме? Зачем ты меня бьешь?

— И это благодарность?! — возмутилась было я, тяжело опускаясь на снег, но тут вспомнила, что Лисса благополучно провалялась в беспамятстве все время, пока тигра вероломно кидали в пропасть. Я прыгнула следом, а пришедший на помощь грифон не только не дал нам благополучно превратиться в две лепешки на дне бездны, но и собственнолапно свершил возмездие.

Пришлось рассказывать последние события.

— Эти паразиты нас опоили! — ахнула Лисса.

— С чего ты взяла? — опешила я от такого неожиданного заявления.

— Потому что мы еще могли напиться до бесчувственного состояния, а тигр вряд ли, — фыркнула она.

Надо же, а мне это в голову не пришло.

— Ладно. Сейчас вернемся и покажем им, как нехорошо обижать одиноких девушек! — ярилась колдунья.

Лично я сильно сомневалась, что пара промерзших до костей девиц без оружия могут чем-то напугать целый клан горных троллей. Разве только они все со смеху полопаются, когда мы станем угрожать. Поэтому, прежде чем мы дошли до деревни (о местонахождении которой, кстати, тоже не имели никакого понятия) и нас начали бить или готовить к очередному способу умерщвления, попыталась вразумить подругу.

— Лисса, посмотри на нас! У нас даже оружия нет, мы просто две замерзшие женщины и один полуживой тигр. Нас либо побьют, либо убьют.

Колдунья фыркнула, словно раздраженная кошка.

— Кстати, о тигре. Я сейчас посмотрю, что можно сделать, а пока подумай, что эти зеленые противные морды успели сотворить с нашими спутниками? Сдается мне, мы смело можем начинать за них мстить.

Вот черт! А она права. И какая досада, что сама-то я о друзьях даже не вспомнила. Стыд жаркой волной окатил лицо, прожег просто до кончиков рыжих волос. Что ж, вот и согрелась. Хотя, конечно, предпочла бы нечто более традиционное, например, огонь весело потрескивающего костерка. Но тут уж как получилось.

Лисса к тигру на карачках подползла, ощупала всего, поводила руками над слегка припорошенной снегом шкурой. Признаться, то, что снег в шерсти кота не таял, порядком беспокоило. Колдунья же и до этого румяной не была, а теперь и вовсе стала натурально покойницу напоминать. Зато Тиграш ожил, звучно чихнул, заскреб могучими лапами по заснеженному камню, перевернулся на живот, но встать не смог. Я попыталась подползти к любимцу, но сил не было. М-да. Замечательная команда у нас подобралась. Месть группы доходяг — она самая ужасная.

Колдунья через силу усмехнулась. Улыбка получилась неубедительной и кривой.

— Не волнуйся, Ника, — сквозь стиснутые зубы выдавила она. — Через пару минут буду как огурчик.

Ага. Вся зеленая и в пупырышках. Я с интересом посмотрела на нее. Кого она хочет обмануть своим оптимизмом? Меня или себя? Не знаю, как ей, а мне даже сидеть и то трудно, организм упорно стремится принять горизонтальное положение. Приходилось прилагать массу усилий, чтобы не упасть на спину, хотя так и тянуло расслабиться, закрыть глаза и погрузиться в благословенную дремоту. Знала — тогда не встану и замерзну.

— Все равно надо идти. Готовы мы к этому или нет. Иначе замерзнем, — озвучила мои безрадостные мысли подруга.

Просто неиссякаемый источник оптимизма!

Грифон обвел нас взглядом орлиных глаз, словно никак не мог решить, с какого из трех блюд следует начать трапезу, издал горловой звук, подошел ближе, осторожно улегся на живот, подобрав широкие лапы с втянутыми, но оттого не менее грозными когтями. Птичье крыло с тихим шорохом перьев нежно укрыло от пронизывающего насквозь ветра, чувствовавшего себя

на горных вершинах полновластным хозяином. Как-то сразу стало тепло. По замерзшим членам прокатилась болезненная волна покалывания. По крайней мере, смерть от переохлаждения мне больше не грозит.

— Хорошо устроилась, — заметила Лисса, и они с Тиграшем наглым образом тоже влезли под крылья. Колдунья — с моей стороны, тигр удовольствовался другим крылом. Грифон, похоже, не возражал, принял происходящее с терпеливостью ожившего сказочного теремка. Большое спасибо ему за это. Шансы если не отомстить наглым троллям, то хотя бы благополучно добраться до их деревни росли на глазах.

Примерно через полчаса, отогретые и готовые к подвигам, мы ворвались в деревню троллей, как варвары в Рим, готовые грабить, жечь и бить морды. Надо сказать, злокозненная деревенька смотрелась на редкость мирно и ничем не выдавала своего сурового отношения к гостям. Отсутствие острых пик с насаженными на них головами наших друзей, выставленных на всеобщее обозрение и устрашение пришельцев, определенно радовало. Хотя это вовсе не означало, что спутники живы.

Лисса летела на грифоне. Очень любезно со стороны монстра согласиться на нашу аферу. Не знаю, как это Лиссе удалось, но они поладили. Я же скакала на Тиграше. Во-первых, потому, что тигр сильно ревновал к грифону и норовил покусать летающего зверя каждый раз, когда я только собиралась запрыгнуть ему на спину. Во-вторых, мне просто необходимо найти мечи как практически единственное оружие, которым владею. До пленения троллями у нас были и арбалеты, и кинжалы, но мечи магические, их обнаружить куда больше шансов. Задача Лиссы прикрывать меня с воздуха во время поиска. Для колдуньи вполне посильная задача. Это для мечей нужен ближний бой, а фаерболами можно кидаться на расстоянии.

Тролли не выбежали нам навстречу с радостными воплями: «Ура! Наконец-то вы пришли, а мы уже заждались». Единственный встреченный нами тролль удивленно вытаращил на меня глаза и нагло попытался огреть дубиной, но Тиграш оказался против вольного обращения с хозяйкой. Он ловко увернулся и сбил агрессора с ног. Сверху спикировал грифон и звучно приложил волосатого типа о камни, после чего тролль потерял интерес к происходящему, благоразумно забывшись в беспамятстве.

Лисса не стала ждать, пока тролли таки проснутся и организуют оборону с последующим торжественным водворением нас в пропасть, она запустила магическим пульсаром в ледяной дом. Но не попала и взбеленилась еще больше. От следующего удара магии купол дома взлетел в воздух, расплавился и

пролился ледяным дождем на вождя с его окружением. Похоже, главный тролль и его клан мирно трапезничали до нашего появления. О чем свидетельствовали многочисленные недоуменные морды, застывшие в момент разной стадии пережевывания пищи, лапы, судорожно сжимавшие полуобглоданные кости и куски мяса. Неожиданное исчезновение крыши и несвойственные для этой местности осадки несколько ошарашили их, правда, ненадолго. Ну хоть что-то.

Я воззвала к мечам. Слабый отклик был, но непонятно, откуда доносился. Многое я бы отдала за насмешливый голос Кумивара. Только в жизни не признаюсь ему в своей минутной слабости.

Колдунья запустила в троллей заклинанием, и щедро пролившаяся влага застыла на троллях, как глазурь на торте, создав непередаваемую по оригинальности композицию «Удивленные тролли не успели доесть свой последний завтрак». Вождь оказался волевой натурой. Он сделал над собой усилие, поиграл тугими мышцами, и ледяная глазурь потрескалась и осыпалась, словно с замороженной креветки в магазине.

— Вы что, девки, сдурели?! — обиженно заревел он, тыча полуобглоданной костью почему-то только в мою сторону, хотя заклинания принадлежали Лиссе. — Зачем такой хороший дом разрушили?

Мощные лапы грифона взрыли снег, обдав меня и замороженных троллей ледяной крупой. Лисса обвиняющим жестом ткнула в сторону негодующего вождя пальцем. Хорошо хоть указательным, а не каким-нибудь другим.

— Ну вы же первые начали, — возразила она. — Между прочим, ваш сородич пытался сбросить нас в пропасть. И это после того, как мы преломили с вами хлеб! Вас мама не учила не злоумышлять против гостя? Тот, кто принесет вред отведавшему пищи под своим кровом, проклят богами.

Надо же, а я и не знала. Век живи — век учись. А тролль явно смутился, видимо, мама действительно уделяла его образованию должное количество времени, и не ее вина, что не все уроки чадом усвоены.

— Это все шаман, — неожиданно наябедничал он. — Это он (нехороший тролль) из астрала своего вышел и предсказал, что всех путников, кого угораздит в наш клан прийти, надобно в жертву принести, тогда мор минует наших овец.

— Во как! — удивленно выдохнула Лисса. — И много овец уже передохло?

Тролль почесал затылок костью, плавно перешедшей из разряда раннего завтрака в царский скипетр. Просто

головокружительная карьера всего за несколько минут.

— Так… голов триста. Ровно столько, сколько у нас было.

— Тогда зачем приносить нас в жертву, если овцы все равно уже все передохли? — окончательно рассвирепела подруга.

И я полностью разделяла ее чувства. Нас чуть жизни не лишили просто на всякий случай.

Вождь же явно смутился, видимо мысль о прекращении бесполезного задабривания богов не приходила в его не изуродованную интеллектом голову. Куда проще топать по проторенной дорожке, чем попробовать что-то изменить.

— Где мои мечи?! — с нажимом поинтересовалась я, а тигр злобно рыкнул для придания моему голосу большей убедительности.

— И где наши спутники? — присоединила свой голос Лисса.

— А все у шамана. — Вождь ткнул костью по направлению к шаманской пещере.

— Вот и славно, — мило улыбнулась Лисса, хотя лично я ничего славного в данном факте не находила.

От шамана, постоянно употреблявшего всякую дрянь, большую часть времени пребывавшего в мире грез и требовавшего человеческих жертвоприношений, можно ожидать любой гадости.

Колдунья легко соскользнула с грифона на землю, словно всю сознательную жизнь только и делала, что носилась по небу, оседлав крылатую бестию.

— Мы, пожалуй, нанесем вашему кудеснику визит вежливости и доходчиво объясним, как нехорошо присваивать чужие вещи. А если мы не вернемся… — Лисса нежно похлопала грифона по шее. Зверю фамильярность не понравилась, он скосил на хрупкую девичью руку взгляд орлиных глаз, но клеваться не стал. Вот и славно. Страшно подумать, какие травмы способен нанести один удар таким клювом. — Вот он проследит за тем, чтобы вы не особо задержались на этом свете.

Грифон фыркнул. Не знаю, согласился он с высказыванием колдуньи или нет, но вождь явно впечатлился, а это главное. Зверь расправил огромные крылья, резко оттолкнулся от земли и взмыл в небо, подняв в воздух небольшую вьюгу снежинок. Мы дружно проводили монстра взглядом. Грифон не улетел, как я ожидала, а принялся выписывать над деревней круги, будто гриф, ожидающий скорой поживы. Впечатляющее зрелище.

Делать нечего. Пошли мы к шаману вразумлять говорящего с духами.

— Эй! Девки буйные! — в спину нам крикнул вождь. Мы обернулись. Уж не решил ли он еще какую пакость отчебучить? Но нет. Тролль все так же стоял, глядя то на нас, то на кость с

остатками мяса, словно никак не мог решить, запустить в нее зубы или метнуть в нас. — А этих кто расколдовывать будет?

— Ну ты же сам чары сбросил, — пожала плечами колдунья. — Пусть и они свое счастье попытают. В конце концов, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Так они же не тонут, — недоуменно захлопал глазами тролль.

— Это даже лучше, — усмехнулась Лисса. — Значит, у них есть гораздо больше времени.

— А если не расколдуются? — засомневался вождь.

— Так мы со спутниками вернемся и расколдуем, — многозначительно заявила Лисса.

— М-да. Думаю, у них найдется множество тем для обсуждения, — задумчиво протянула я, чем вогнала вождя в еще большую тоску.

Похоже, бедняга решил, будто на его клане можно смело ставить жирный крест. Сами виноваты. Не надо было нас злить. Вызвали бы нам какого-нибудь смирненького демона для беседы. Мы мило пообщались бы и разошлись, как в море корабли. И незачем было нас в пропасть кидать, мы и так вовсе не собирались надолго задерживаться. Вот если бы тролли обитали на морском побережье… тогда да. А поселиться среди царства снега и холода не очень-то и хотелось.

Пещеру шамана нашли без особого труда. В конце концов, с нами был тигр, а его нюх еще никогда не подводил. К сожалению, грифона пришлось оставить снаружи. Зверь подобных размеров вполне способен обрушить свод пещеры прямо на голову. Что ж, в этом была и положительная сторона. Пусть крылатый союзник напоминает хитроумному вождю о неминуемой каре небес, если ему еще раз вздумается подстроить какую-нибудь каверзу.

Сам хозяин жилища в горах благополучно пребывал на очередной ступени транса. Судя по тому, что шаман висел в позе лотоса под самым потолком, сложив указательные и большие пальцы обеих рук кольцами, словно показывая всему миру, что у него (тролля) все о’кей, он твердо шагает в сторону духовного просветления семимильными шагами. Протяжная мантра «О! Манна-манна! О!», распеваемая на редкость противным голосом, только подтверждала серьезность его намерений впасть в нирвану.

Лисса пребывала в слишком дурном расположении духа. И ее можно понять. Не каждый день бесчувственную девушку пытаются наглым образом бросить в пропасть. Потому особых церемоний разводить не стала, просто шарахнула магическим фаерболом в шамана. Заряд рванул с ужасающим грохотом. Я

зажмурилась чисто на всякий случай. Не люблю кровавые зрелища. То есть в фильмах ужасов море крови и горы костей смотрятся еще ничего, но увидеть подобное вживую как-то не очень тянет.

Поднялись столбы пыли, нас засыпало мелкими камнями, мы долго, до звона в головах, чихали. Лишь когда пыль хоть как-то улеглась, я осмелилась открыть глаза и с удивлением обнаружила, что тролля не разметало взрывом по стенам, хотя часть потолка и осыпалась, он восседал на каменной крошке и обалдело таращил на нас глаза. Что ни говори, а у троллей крепкая конституция. Похоже, одного магического заряда маловато для того, чтобы причинить им какой-либо ощутимый вред.

— Сдурели, девки?! — взревел грубо вырванный из астрала шаман, почесывая ушибленный о камни копчик. — Это же какими дурами надо быть, чтобы шарами магическими в пещере кидаться!

От таких слов Лисса взбеленилась еще сильнее, на ее лице проступили красные пятна гнева. Стало ясно, что одним погромом и банальным мордобоем дело не ограничится. Тиграш вздыбил шерсть на загривке, издал угрожающий рык, всем своим видом выказывая солидарность с колдуньей. Я обреченно вздохнула и полезла за мечами. Не обнаружив оных, очень расстроилась.

— Мечи где? — с нажимом поинтересовалась я, чувствуя, как накатывает бешенство.

Шаман смерил нас оценивающим взглядом обсидиановых глаз, словно прикидывая, чем будет чревата излишняя строптивость в ответах. Видимо, решил, что спорить с двумя явно невменяемыми девицами себе дороже.

— Так здесь где-то валяются. На стене висели, пока вы молниями кидаться не стали, — осторожно ответил он.

— А зачем нужно было брать, если ими стенки украшать собирались?! — вызверилась я. — Это же боевое оружие, а не картина в рамке.

— Так они же замагичены. Я не враг своему здоровью, чтобы магическими железками размахивать.

— А наших спутников куда дел? — напирала Лисса. — Тоже на стенку приколотил?

— Да на кой мне эти придурки… тьфу ты, доблестные воины на стене нужны? Меха нету, а из-за кожи возни много. Отправил куда просили. Пусть демоны с ними разбираются.

— Ах ты!.. — Девушка разразилась гневной тирадой ругательного содержания, хотя и вполне цензурной, но

производящей мощное впечатление даже на видавшего виды тролля.

Пока подруга разъясняла потрясенному ее красноречием шаману, какой он все-таки нехороший тролль и что с ним следует сделать, если он не вернет наших друзей обратно, я принялась искать мечи. Если прислушаться к себе хорошенько, их близкое присутствие ощущалось как некая уверенность в глубине души. Кажется, помани пальцем, и выскочат сами из камней. Я расставила руки в стороны, словно канатоходец, и медленно прошествовала по пещере, мысленно сканируя пространство. Вроде как детская игра «тепло-холодно». Принцип тот же. Минут через пять хождения по спирали клинки были обнаружены. Я поманила Тиграша. Его мощные лапы быстро откопали оружие. Я на такое без лопаты не способна.

Лисса в это время грозно нависала над сжавшимся троллем. Хрупкая девушка компенсировала недостаток роста, взгромоздившись на один из завалов, и теперь взирала на шамана сверху вниз.

— А ну верни наших друзей, зеленая морда! А не то я тебе тут быстро персональный курган организую, — угрожающе вещала она.

Судя по окончательно деморализованному виду тролля, он ей верил.

«Да-а-а, братишка, — восхищенно присвистнул вновь обретенный Кумивар. — Кажется, нам не та девица досталась. Только посмотри на эту богиню-воительницу! Чисто бесстрашная дева войны. А наша нас только с третьего раза обнаружила. Два круга попусту сверху нарезала».

«Полно тебе, Кумивар. Но ведь нашла же», — примирительно заметил Джастудай.

«Чистое везение», — фыркнул тот.

«Будешь критиковать, зарою обратно», — устало отмахнулась я, в очередной раз сомневаясь, стоило ли вообще откапывать таких зануд.

Не спорю. Совсем без оружия плохо, но постоянное нытье доведет до белого каления и святого.

Тем временем Лисса продолжала демонстрировать серьезность своих намерений, активно наседая на шамана. Как ни странно, здоровенный субъект, чьей природной лохматости явно хватит, чтобы спать на снегу без риска отморозить нечто жизненно важное, не делал попыток прихлопнуть колдунью, словно надоедливую мошку. Глазки его суетливо бегали, пока он сбивчиво лепетал оправдания, почему незамедлительно явить пред ее зеленые очи пропавших спутников никак не возможно.

— Вечно человеческим девкам не сидится на месте! Перца на одно место насыпали, что ли? Разве порядочная тролльчанка станет таскаться по горам, да еще в компании остроухих? Чему хорошему они могут научить? От эльфов один вред, это всякий знает, кого ни спроси. Вам бы «спасибо» сказать, что от них избавились, а вы орете почем зря. Такую хорошую пещеру испортили… (нехорошие человеческие самки)!

— Будешь еще ругаться, эта пещера да зубы тигра — последнее, что ты увидишь в этой жизни, — с нажимом сообщила Лисса.

— Глупая девка, — фыркнул шаман, но подвинулся ближе к выходу на случай необходимости быстрой эвакуации. Подруга действительно выглядела очень решительно, мне даже самой настоятельно захотелось покинуть помещение через запасной выход. — Ты, верно, и шаманка плохая.

— Это еще почему? — слегка опешила от неожиданной критики колдунья.

— Даже начинающий шаман точно знает, что где вошел в астрал, там и выход искать надо. Бездна же сама безразмерна и нет у нее ни конца, ни начала. Иначе как бы она вместила в себя столько грешников разом? А там еще легионы демонов обитают. Куда ваши друзья успели уйти (думаю, подразумевалось, что наши спутники могли покинуть место высадки под конвоем местного населения), только демоны знают.

Хм. Логика в этом определенно была. По крайней мере, если шаман и врал нам, то в мелочах. Но судьба наших друзей отчего-то виделась в довольно мрачном свете. Перед внутренним взором отчетливо вставала картина грешников, жарящихся на раскаленных докрасна сковородках под демонический хохот окружающих их чертей.

— Тогда… отправь нас к ним! — радостно, словно предстояла веселая прогулка по залитому теплым солнцем цветущему лугу, предложила Лисса.

— Нас?! — пораженно вскрикнула я.

Вышло очень похоже на предсмертный хрип издыхающей утки.

— Вас?! — то ли обрадовался, то ли изумился шаман.

— Да. Нас, — торжественно подтвердила Лисса, будто это и впрямь замечательная идея, а не план изощренного группового самоубийства.

— Нет, — тут же встала в позу я. — Этот бред осуществляйте без меня.

Не знаю почему, но в последнее время окружающие считают меня способной согласиться на любой идиотизм. Сейчас же

твердо решила стоять на своем.

— Прости, наверное, у меня что-то случилось со слухом, но могу поклясться, что ты только что предложила бросить спутников в бездне с демонами? — подозрительно прищурилась подруга.

Как ни крути, а это звучало гадко и горько, как любое предательство.

— Ничего подобного. Бросить друзей и отказаться от явной аферы — разные вещи, — гордо возразила я. Просто не могла не возразить. — Но отправляться в бездну — полный идиотизм.

Мечи выжидательно замерли, видимо, им тоже был важен наш разговор.

— Струсила? — протянула Лисса.

— Дело не в этом, — покачала головой я. — Если команда разбрелась по всему аду, то какие шансы обнаружить их в совершенно незнакомом месте? Наверняка там проживает легион демонов, и они вряд ли станут стоять смирно, пока мы дружно станем обыскивать их дом. Да и где гарантия, что этот зеленомордый тип вернет нас обратно?

«Золотые слова», — поддержал меня Джастудай, зародив в душе чувство глубокой благодарности.

«Согласен, — с тяжелым вздохом добавил вечно воинственно настроенный Кумивар. — Но согласись, какая чудесная гибель в бою с сонмом демонов. Просто эпическая битва добра со злом».

«Тоже мне битва добра со злом! — мысленно фыркнула я. — Скорее на избиение добра смахивает. Вечно у тебя один суицид на уме. Так и норовишь подбить меня умереть покрасивее. А я, наоборот, мечтаю жить долго и счастливо».

Мечи заткнулись. Видимо, однообразные дискуссии их тоже утомляют.

— У нас есть тигр, — стояла на своем Лисса. А Тиграш тут же преисполнился гордости и стал выглядеть еще внушительнее. — Он сможет помочь с поисками. Знаешь, хорошо подвешенный язык куда угодно доведет.

— Пока что нас он завел сюда, и что-то меня это не особо радует, — иронически парировала я.

— Ты пессимистка.

— Скорее реалистка.

Несколько минут мы яростно буравили друг друга гневными взглядами, и шаман даже начал обратно впадать в астрал, когда колдунья решила сменить тактику убеждения. Есть люди — прирожденные ораторы, способные убедить кого угодно в чем угодно. Думаю, что это был как раз тот случай, когда проще сказать «да», чем отказать. К тому же от словесного напора

начинала болеть голова, и кивнуть стало гораздо проще, чем отрицательно помотать, что, в свою очередь, способствовало моей капитуляции.

Шаман не успел далеко уйти по пути просветления, когда вновь его вернули к реальности нежные девичьи руки старым проверенным способом. Ничто так не заставляет трезво взглянуть на окружающий мир, как несколько хлестких пощечин в четыре руки.

— Совсем сдурели, девки?! — возопил он. — Это мое лицо, между прочим!

— Мы уже догадались, — любезно сообщила Лисса. — Быстро отправь нас к нашим спутникам! И без глупостей. Иначе наш крылатый друг грифон придет к тебе в гости. Ты меня понял?

Тролль потрясенно кивнул. То ли на него произвела впечатление перспектива встречи с грифоном, то ли он уже не чаял, как избавиться от нас, а мы сами предложили чудесный план. Так или иначе, шаман развил бурную деятельность по подготовке к ритуалу.

В центр пещеры навалил приличных размеров стог пахучих трав, достаточный, чтобы утолить зверский голод трех буренок, не евших неделю. Оставалось надеяться, это не наш погребальный костер. Затем заклинатель бодро налепил на стены множество разноцветных свечек, кажется, парочку даже на потолке пещеры умудрился пристроить. Была ли в процессе какая-то система? Не знаю. Но зажженные свечи выглядели впечатляюще. Шаман извлек внушительный тесак (на всякий случай я приготовилась к драке), но он полоснул себя по запястью и принялся старательно выводить круг, окружая его замысловатыми символами, и почему-то на потолке. На мой взгляд, совершенно неподходящее место для магических фигур, но ему видней. Он же шаман. Затем тролль стал, завывая, вдохновенно произносить непонятные заклинания, так что невольно захотелось похлопать в ладоши в благодарность за прочувствованное исполнение. Шаман вошел в раж, изобразил нечто среднее между чечеткой, пляской святого Витта и благодарностью богам охотников племени тумба-юмба за обильную добычу. Свеча полетела в стог, сорвавшись с потолка, пламя весело затрещало, принимая угощение. Тролль радостно оскалился, удушливый дым заполнил пещеру и легкие. Сознание начало меркнуть, и вместе с тем вкралось смутное подозрение, что хитроумный шаман попросту нас отравил, раз уж не смог сбросить в пропасть. Да-а-а. Видимо, что троллям хорошо, то людям смерть.

ГЛАВА 10

Я открыла глаза, и в первую минуту не могла взять в толк, где нахожусь и как, черт подери, здесь оказалась. Было ощутимо жарко, в воздухе витал какой-то специфический запах. Нельзя было с точностью определить, хорош он или плох, приятен или противен. Он просто был, и все. Я осторожно огляделась. Ощущение такое, словно угодила в кусок янтаря, но не влипла в него, как неосторожное насекомое, а попала в некую пустоту — воздушный пузырь. В глубинной толще янтарных потолка и стен чувствовалось какое-то движение. Что-то темное скользило там внутри, складывалось в неясные картины и снова распадалось на расплывчатые блики. Движение завораживало, как пляска огня в камине. Хотелось смотреть за этим шевелением вечно. Большим усилием воли удалось оторвать взгляд от внутренней жизни стен. И вот в этот момент, как озарение свыше, пришло воспоминание о зловещем, как теперь казалось, ритуале шамана троллей.

— Вот черт! Этот гад меня в янтарный шар заточил! — возмутилась я трольлему произволу. — Так и знала, доверять троллям — плохая идея.

И тут явственно ощутила, что лежу на ковре, и в его толстом ласковом ворсе путаются мои пальцы. Пальцы?! Стоп. А где же мечи? Я точно помнила, что даже во время ритуала крепко держала в руках вновь обретенное оружие.

— Сперли! — завопила я и подпрыгнула на месте, при этом крепко приложившись лбом о кровать.

Оказалось, в янтарной комнате находилась огромная кровать величиной с небольшой аэродром. Ее алые атласные простыни обещали сладкий сон и негу любому, кто приляжет на мягкий матрас и задернет красный балдахин из струящихся складок органзы. Только я могла по закону подлости оказаться на полу вместо роскошного ложа, достойного королей. К тому же мечей в пределах видимости не наблюдалось, как, впрочем, Тиграша и Лиссы. Досадно. Оставалось надеяться, что колдунье и боевому коту повезло больше, чем мне.

«Ага. Держи карман шире! — прорезался насмешливый голос Кумивара, которому я обрадовалась, как родному. — Вас наверняка просто разделили, чтобы избавиться на сто процентов».

— Значит, любой ценой нужно вернуться и отомстить! — кровожадно взревела я, все еще озираясь по сторонам в поисках клинков.

«Золотые слова», — неожиданно поддержал идею кровавой вендетты обычно миролюбивый Джастудай.

Раз уж я их слышу, наверняка мечи где-то недалеко. Пространство небольшое, значит, найду, если хорошо поискать, разумеется. Я решительно забралась на кровать и принялась методично рыться в постельном белье. Интересно, какой великан соорудил подобное ложе? Надеюсь, он не появится, пока я ищу путь к спасению. Может, среди великанов существуют вполне миролюбивые особи, но с моим везеньем этот непременно окажется людоедом.

«Стесняюсь спросить, чем занята наша воительница? — осторожно поинтересовался Джастудай. — По-моему, для игр в постели несколько не время. Надо выбираться отсюда, пока хозяева не вернулись. Они могут не так истолковать твое присутствие».

— Здравая мысль, — жизнерадостно поддержала я. — Вот только обнаружу собственное оружие, и начну искать дверь.

Джастудай отчего-то закашлялся. Кумивар фыркнул. Реакция мечей настораживала.

— Что?!

«Нас не надо искать, — осторожно начал Кумивар. — Этот шаман-недоучка при телепортации спаял нас вместе. Так что теперь мы практически единое целое, но, надеюсь, не до того времени, пока смерть не разлучит нас».

— Вот гад! И как таких косоруких шаманами назначают?! — возмущенно пнула подушку я, отправив ее в полет. — Только в астрале витать умеет, а как нашаманить что путное, так черт-те что получается.

«Полностью с тобой согласен, — поддержал Кумивар. — Давай быстренько вернемся и набьем зеленую морду, чтобы знал, как над людьми шутки шутить».

«Они с вождем хотели тебя с Лиссой в пропасть скинуть», — подкинул дров в топку моего негодования Джастудай.

Именно в этот момент невидимая мною раньше дверь не только неожиданно нашлась, но и шумно распахнулась, и я получила возможность узнать, что такое адское негодование на собственном опыте. Моему потрясенному взору предстала стройная огненноволосая смуглянка, плотно обтянутая красной лаковой кожей. На стройных ногах незнакомки красовались сапоги в тон с острым носом, на рискованных шпильках, что лично я на таких просто стоять не смогу. Волосы девушки заслуживали особого внимания. Свободно спадающие на спину локоны напоминали цветом струящееся пламя в камине, они притягивали и завораживали взгляд. Такая шевелюра могла отвлечь внимание от любого лица, только не от такого. Высокие скулы подчеркивал бронзовый цвет кожи, полные чувственные

алые губы слегка раздвинуты в полупрезрительной гримасе, показывая жемчуг зубов и острые клыки. Породистый нос с трепетными чувствительными ноздрями, миндалевидные глаза с радужкой янтарного цвета, в которых словно жило собственной жизнью пламя. Вертикальные, как у кошки, зрачки смотрели с яростью грозящего извержением вулкана.

— Рефеций! — возопило создание, и по ногам ее гибкой плетью гневно хлестнул хвост с огненным сердечком на конце. — Мог хотя бы подождать, пока я уеду к маме, прежде чем таскать девок в нашу постель!

Пока я с удивлением сообразила, что упомянутая хвостатой незнакомкой «девка» это я, в дверном проеме возник златокудрый мужчина и недоуменно воззрился на мою ошалевшую от неожиданного внимания персону. В его синих глазах с янтарными искрами словно притаилась бархатная полночь.

— Дорогая, — слегка поморщился он, словно внезапно холодный напиток угодил на больной зуб. — Ты все не так поняла. Я впервые вижу эту особу.

На мой взгляд, заявление заранее проигрышное. К тому же банальное. С другой стороны, появление персоны женского пола в собственной постели, в комнате, где нет окон, сложно объяснить. И то, что я не возлежала на алом атласе в кокетливой позе, шепча со страстным придыханием в голосе «ласкай меня всю, златокудрый прелестник», а стояла и недоуменно таращилась на вошедших, дела особо не меняло.

— Неужели? — не поверила дама с заметным злобным шипением. — Значит, ты не будешь возражать, если я оторву ее голову и повешу над камином как трофей?

Не знаю, как мужик, но я была против отделения собственной головы от тела. Плохая она или нет, а все равно дорога мне и, наверное, еще и мечам, так как в этот момент они материализовались в руках с яростным криком: «Покажем этой демонице, где раки зимуют!»

Я попыталась издать воинственный рык. Получилось нечто жалкое и невразумительное, среднее между писком придавленного кошачьей лапой хомячка и карканьем неожиданно поскользнувшейся на ветке вороны.

«М-да. Боевой клич надо бы порепетировать, — вздохнул Джастудай. — Ничего. После как-нибудь займемся… на досуге».

«Согласен, — жизнерадостно поддакнул Кумивар. — Отрепетируем, если доживем, конечно».

«За что я вас ценю, ребята, так это за неиссякаемый оптимизм, — язвительно фыркнула я. — Только иногда от него почему-то сдохнуть хочется».

Огненноволосая зашипела, как разъяренная кошка, чем избавила меня от очередной перепалки с собственными мечами. Вот уж никогда не думала, что за нападение можно быть благодарной. Но «спасибо» сказать не успела, женщина в красном шустро отрастила когти величиной с японские палочки для риса и бросилась в атаку. Она махнула на меня чудовищными когтями, я успела уйти в сторону, прежде чем черные, словно лакированные когтищи пропороли одежду насквозь. Пусть на мне зимний вариант, но куртка не кольчуга — от колющего и режущего оружия не защитит. Интересно, а она ногти красит или это природный цвет?

«Нашла о чем думать! — возмутился Кумивар. — Она тебя нашинковать тонкими ломтиками желает, а ты о ее косметике размышляешь. Дерись! Раздави ее морально и физически, а уж потом интересуйся, каким шампунем леди изволит мыть голову».

Спасибо мечам. Благодаря им я уходила от ударов, которых даже не успевала рассмотреть. Иногда я даже умудрялась скрещивать мечи с когтями. Не знаю, какой мастер делал ей маникюр, но звук при этом раздавался, как от удара стали о сталь, и в разные стороны летели искры. Первым не выдержал нашего интенсивного спарринга балдахин. Красная органза была изорвана, изодрана на тонкие полосы, сорвана с креплений и теперь свисала с нас живописным тряпьем. Причем оппонентка в лохмотьях смотрелась вполне органично, обрывки ткани ничуть не стесняли ее движений и только дополняли наряд. Я же спотыкалась постоянно и чудом не распорола собственную ногу. Впрочем, может, это и к лучшему. Хаотичность моих движений придавала бою некоторую непредсказуемость.

Огненноволосая махнула в мою сторону когтями, изящно подпрыгнула и вспорола каблуками алый атлас постельного белья. Вопреки ожиданиям, шпильки не вязли в покрывале, не путались в ткани. Наверное, где-то есть курсы, на которых учат леди драться, используя собственные ногти и шпильки как оружие, и не путаться каблуками в шелковых простынях. Если выживу, надо бы посетить пару занятий. А сейчас у меня были проблемы поважнее невыученных домашних заданий. И эта проблема была выше меня на голову, носила красную лакированную кожу и явно собиралась меня убить.

Я отступила к краю кровати. Медленная хищная улыбка скользнула по алому блеску губ, кончик языка быстро пробежал по губам, словно она уже предвкушала, насколько сочные выйдут из меня бифштексы. Я выставила клинки вперед, сердце билось как бешеное в ожидании нового удара, и он не заставил себя ждать. Плавный взмах когтей. Она метила в лицо. Я ощутила

движение воздуха, прежде чем отшатнулась и парировала удар. Хвост гибкой змеей обхватил ноги и резко дернул.

— Так нечестно! — крикнула я, летя вниз, на ковер.

Удар спиной выбил воздух из легких. Досадно. Перевернуться или сгруппироваться не рискнула, опасаясь, что огненноволосая бестия вцепится в незащищенную спину, и тогда точно конец.

— А мы ни о чем не договаривались, — промурлыкала она, глядя на мое распростертое тело со снисходительностью кошки, поймавшей мышь и теперь точно знавшей, чей это ужин так забавно сучит лапками, лежа на спине. — И уж тем более не уговаривались делить мужчину.

Я уже открыла рот, чтобы донести до нее мысль, что ее мужчина мне на фиг не нужен, хоть озолоти он меня всю, но, видимо, время разговоров прошло — она прыгнула. К счастью, мечи среагировали правильно, и от удара эльфийской стали несколько когтей лопнули с траурным звоном. Демоница повела себя так, словно я не просто подпортила жуткий маникюр, но и смачно плюнула в ее трепетную темную душу.

— Ногти мои портить?! — раненым зверем взревела она, сгребла мой рукав и рванула так, что я полностью почувствовала все прелести перегрузок на центрифуге.

Когда я была маленькой, мечтала стать женщиной-космонавтом: плавать в серебряном скафандре в невесомости, улыбаться и махать землянам ручкой в камеру. А вот сейчас поняла: не мое. Если покорители космоса испытывают такое во время предварительной подготовки, то до самого полета шансов дожить у меня нет. Вот и еще одна мечта разбилась вдребезги. Какая досада.

С оглушительным треском разъехался по шву рукав куртки, и я с визгом отправилась в полет, словно камень, выпущенный из пращи. Но приземлилась относительно мягко, прямо на златокудрого мужчину, предварительно сбив его с ног. Судя по недовольному выражению лица, сдавленным ругательствам и наглым попыткам спихнуть хрупкую, нуждающуюся в мужской защите девушку, наши внезапные объятия не привели хвостатого в восторг. Это он зря. Не каждый день в кольцо его рук падают обаятельные рыжеволосые незнакомки. А то, что я случайно угодила локтем ему под дых, всего лишь досадное недоразумение. Не нарочно же. Пусть скажет спасибо, что не мечом проткнула.

— Ты только посмотри на эту сладкую парочку, они еще и обнимаются, бесстыжие! — возмущенно прокомментировала нашу неловкую возню на ковре огненноволосая. — И что ты в ней нашел? Она же человек. К тому же выглядит так, словно ее адские

псы нашли на помойке и долго волокли по песку.

— Между прочим, внешность — вопрос спорный, — насупилась я, за что получила гневный взгляд голубых глаз, но все равно добавила: — На себя посмотрите, у вас вообще хвосты и когти.

Но мою критику почему-то пропустили мимо ушей. Не то чтобы меня расстроило наплевательское отношение к моему мнению, скорее воспользовалась паузой, чтобы перевести дух, подняться на ноги и попробовать поискать путь к стратегическому отступлению. Но как умудриться незаметно покинуть комнату, если единственная дверь находится за спиной золотоволосого демона, который текучим движением воздел себя на конечности, морщился с досады и был явно не расположен ни посторониться, ни уж тем более деликатно распахнуть ее передо мной. Досадно, что даже в аду не осталось истинных джентльменов.

— Моя мама всегда говорила, что ты извращенец, — возмущенно заявила демоница и запустила ему в лицо оторванным от куртки рукавом, ставя финальную точку в утверждении.

Надо отдать должное даме, умеет она припечатать словом.

— Возможно, — неожиданно легко согласился тот. — Но извращенец с хорошим вкусом, раз выбрал тебя.

— Льстец, — явно польщенная, фыркнула огненноволосая. — Только это не помешало тебе притащить в нашу постель эту… эту… — Демоница явно никак не могла найти точное определение из-за обуревавших ее эмоций. — Эту гадость.

— Глупости, никого я не тащил, — отмахнулся тот. — Она сама пришла.

Я хотела было возмутиться, что вообще-то тут стою, а обсуждать присутствующих как минимум невежливо. Даже подбоченилась, топнула ногой и набрала в легкие побольше воздуха, но на меня попросту не обратили внимания. Тут бы и уйти, если бы знать куда.

— Ага! — неизвестно чему обрадовалась огненноволосая. — Вот ты и попался, изменник! Если пришла сама, значит, ее кто-то позвал. А я точно этого не делала, значит, приглашение поступило от тебя. Как ты мог?! После стольких лет супружества наставить мне рога с этим… недоразумением!

И чтобы у золотоволосого не закралась даже тень сомнения, кто именно из присутствующих является недоразумением, ткнула в мою сторону указательным пальцем со сломанным ногтем. Заметив испорченный маникюр, демоница загрустила. Понимаю. Отрастить длинные и крепкие ногти очень сложно. Тем досаднее

их потерять.

«А нечего ими в людей тыкать, — вклинился в мои думы Кумивар. — Так недолго и глаз выколоть. И вообще, у нее рога природные имеются. Сдается мне, муж в этом вовсе не виноват».

«В каком смысле рога?» — удивилась я, неловко оступилась и снова повисла на демоне, который чисто инстинктивно ухватил меня за талию.

Понятное дело, демоницу аж перекосило.

«В прямом, — самодовольно хихикнул Кумивар. — В ее шевелюре явственно торчат рожки. Не у всех демонов они бывают, но у этой пары определенно в наличии. Может, дело в переизбытке кальция в организме или же ревность имеет-таки под собой веские основания — не суть важно. Костяные выросты точно налицо».

Я присмотрелась внимательнее и действительно разглядела в буйной шевелюре демоницы небольшие кокетливые рожки. Если бы не замечание меча, в жизни не заметила бы. Почему-то казалось, что рога у демонов непременно должны походить на козьи и не уступать им в размерах.

— Нефра… — устало вздохнул золотоволосый, все еще не утративший надежду вразумить благоверную, но талию мою все еще не отпускал.

Просто удивительное терпение.

Почему-то на моем жизненном пути такие образчики неисчерпаемого самообладания предпочитали не встречаться. В подобных ситуациях мужчины сначала орали на меня (видимо, памятуя, что лучшая защита — нападение), затем пытались оправдаться, приводя сотню анекдотичных причин возникновения пикантной ситуации. Затем как-то незаметно выходило, что я сама во всем виновата, и демонстративно хлопали дверью, оставляя за собой мерзкий шлейф недоскандала. Отчего-то все слова, достойные броска в наглую физиономию мерзавца, приходили на ум исключительно после его демонстративного ухода. Досадно.

— Нефра, дорогая, — вкрадчиво произнес демон. — Я к этому «недоразумению» не имею ни малейшего отношения. Тебе не приходило в голову, что девушка просто ошиблась покоями?

Мы обе с невыразимым изумлением уставились на Рефеция. Надо же так вывернуться! Уважаю.

— Гениально! — разделила мое восхищение огненноволосая. — Она ошиблась?

Демон выпустил меня из объятий, видимо щит для защиты от нападок подруги ему стал без надобности. Буря явно сходила на нет, ограничившись всего лишь мелкими разрушениями. Но

слишком обольщаться благодушием демоницы я бы не стала. От рыжих можно ожидать чего угодно. Я точно знаю, сама такая.

— Спроси у нее. Ты ведь можешь отличить, когда человек правду говорит, а когда лжет, — провокационно предложил Рефеций.

Розовый язык медленно скользнул по алым губам, словно Нефра чуяла подвох, но никак не могла сообразить, в чем он заключается.

— Ошиблась? — вопросительно изогнула бровь она.

— Ошиблась, — покаянно кивнула я, и точно говорила правду.

Я действительно ошиблась, когда пошла на поводу у Лиссы, позволив втянуть себя в очередную авантюру. Вместо прогулки в ад точно нужно было набить морду хитроумному шаману. Глядишь, стал бы сговорчивее. Вместо этого мы не только предложили троллю способ избавиться от нашего назойливого присутствия, но и сами любезно помогли осуществить задуманное. Надо же быть такими идиотками!

— Ты говоришь правду. — Демоница придвинулась ближе, втягивая воздух трепетными ноздрями, словно каждое слово имело свой неповторимый, уникальный запах. — Осталось только узнать, с чьими покоями ты могла спутать наши?

Рефеций неопределенно повел плечами, осторожно оправил выбившуюся рубашку и лишь тогда соизволил ответить:

— Разумеется, с покоями Аполлиона.

Нефра удивленно моргнула, видимо, такой вариант ответа как-то не приходил в ее замутненную ревностью голову. Не знаю, кто такой Аполлион, но, кажется, своим существованием он здорово облегчил мне жизнь. За что ему персональное спасибо.

— Точно. У него и спальня почти ничем не отличается от нашей, — покаянно вздохнула демоница, нервно накручивая огненный локон на палец.

В жизни не видела, чтобы так быстро сдавали позиции. Всего за несколько секунд необузданная тигрица сменила шкуру хищницы на кудрявое руно кроткой овечки. Похоже, характер у Нефры еще тот, но, видимо, Рефеций стал опытным укротителем за время совместного проживания с огненноволосой. Наверняка это не первая перепалка и не последняя.

— А что я говорил, — со смиренно-укоризненным вздохом заметил демон. — Не нужно обставлять спальню как у Аполлиона, даже если этот дизайн сводит тебя с ума.

Нефра смущенно потупилась. Странно было видеть раскаяние на прекрасном бронзовокожем лице демоницы, но еще интереснее, на мой взгляд, тот факт, что Нефра с точностью

воспроизвела интерьер некого Аполлиона в своей супружеской спальне и Рефеций об этом прекрасно знал. Либо чего-то не понимаю, либо эта парочка еще более ненормальная, чем я о них думала. Впрочем, не исключены оба варианта разом.

— Аполлион! — заорала демоница, и я чуть не запрыгнула на руки золотоволосому от неожиданности.

Надо бы посоветовать завести мобильные телефоны, что ли. И голосовые связки целее будут и барабанные перепонки не пострадают.

Демон эффектно соткался из тьмы, словно ждал зова где-то поблизости. Не исключено, что так оно и было. С первого взгляда на затянутого в черную кожу и черный атлас огненноволосого, бронзовокожего субъекта стало ясно, почему Рефеций не очень расстраивался по поводу близкого знакомства своей благоверной со спальней огненноволосого типа. Аполлион (если это был он) явно состоял в кровном родстве с Нефрой. Более того, скорее всего, являлся ее близнецом, о чем свидетельствовали высокие скулы, породистый нос, чувственные губы, янтарные, с вертикальными зрачками глаза, бронзовая кожа, ну и цвет волос, разумеется. Фамильное сходство налицо или на лице. Разве что у материализовавшегося демона имелся в наличии твердый, вполне мужской подбородок, не дававший его лицу стать по-женски смазливым, но совершенно не портивший его.

Словом, у демона было вполне привлекательная, но очень недовольная физиономия. Раздражение сквозило в ярких всполохах пламени в его глазах, хищно кривившемся рте, нервном трепете ноздрей, в сильных пальцах, увенчанных опасно острыми черными ногтями, игравших алым шелком кушака, тяжелые кисти которого спускались до самых колен, затянутых кожей ботфортов.

Не хотела бы я оказаться на его пути, когда демон обозлится на полную катушку. Вокруг него словно сгущалась опасность. Я ее чувствовала всей кожей до пупырчатых мурашек.

«А ты умнеешь, — тихо молвил Кумивар, как обычно далекий от деликатности. — Этот тип реально опасен. Я бы даже рекомендовал тебе держаться от него подальше, если это возможно».

«Откуда такие выводы? — несколько опешила я. — Ты этого типа впервые видишь. Ну или чувствуешь», — добавила я, сообразив, что стальные клинки в принципе видеть не могут. У них же глаз нет.

«Просто мы слышали, что не носить в бездне полные доспехи могут себе позволить поистине самые сильные. Говорят, ад — это кипящий котел, где сильные карабкаются по трупам слабых и

зачастую эти самые трупы поедают, — осторожно, словно боялся, что его услышат, молвил Джастудай. — Впрочем, это могут быть обычные суеверия».

Не передать, как он меня утешил. Теперь я точно знаю, меня могут не только убить, но и сожрать. Сильно надеюсь, хотя бы не живьем. С них станется.

— Дорогая сестра, разве на нас напали, что ты так кричишь? — вкрадчиво поинтересовался Аполлион, чем подтвердил мои догадки по поводу близкого родства с демоницей.

— В некотором роде, — чересчур радостно откликнулась Нефра, заставив огненную бровь брата вопросительно изогнуться.

Его хвост нервно хлестнул по ногам.

Рефеций категорично отодрал мои сроднившиеся с его рубашкой пальцы. Золотоволосый недовольно поморщился, увидев несколько изрядных дыр на материале.

«Все. Рубашка на выброс, — злорадно подумала я, выпуская из рук белые лоскуты. — На такую хорошую вещь заплаты не поставишь. Эффект уже будет не тот».

— Кто? — заинтересовался огненноволосый. — Только не говори, что выдернула меня из-за нападения человеческой девчонки.

— Эта девчонка, между прочим, сломала мне целых три ногтя, — тут же наябедничала демоница и демонстративно надулась, предъявляя брату пострадавшую лапку.

Аполлион с самым серьезным видом осмотрел предложенную к осмотру конечность и даже запечатлел на ней нежный поцелуй.

— Не передать, как я скорблю о твоей безвременной утрате, но, если ты не сообщишь мне, зачем, собственно, звала, я начну расстраиваться. Погром, конечно, не устрою (он у вас и так в наличии), просто отправлюсь в долгосрочный отпуск, который твой муженек обещает мне уже третье столетие, но никак не может сдержать слово и выполнить обещанное.

— Я не виноват, что у нас то монстры прорвутся, то ангелы какую-нибудь пакость замутят, — беспомощно развел руками Рефеций и умудрился всучить мою тушку, окончательно обалдевшую от жары и бесчисленных препирательств демонов, в крепкие руки шурина. — Вот. Это твое.

Янтарные глаза Аполлиона уставились на меня с таким удивлением, словно их обладатель только что заметил мое существование и теперь не знал, что со мной следует делать — вернуть подарок отправителю или сварить на обед.

— Сейчас не время для даров, — фыркнул он. — Я же не мог забыть о собственном дне рождения?

Нефра мило усмехнулась.

— Какой ты забавный, братец. Сначала пригласил девушку, а теперь делаешь вид, что с нею не знаком? Боишься признаться в слабости к человеческим женщинам? Брось. Многие демоны грешат связями с людьми. Говорят, даже ангелы, прельстившись красотою человеческих дочерей, спускались к ним с небес, и от этих союзов будто бы даже дети рождались. Хотя… о детях, думаю, врут.

Взгляд янтарных глаз демоницы подернулся мечтательной дымкой. Видимо, и в аду среди прекрасной половины в чести романтические истории о невозможной любви.

— Да ладно тебе, дорогая, — примирительно начал Рефеций.

Мои руки он все еще крепко сжимал в своих ладонях, не оставляя даже тени сомнения в том, что запросто переломает пальцы, если посмею дернуться. А я что? Не хватало еще влезать в семейные разборки демонов. Мало мне других проблем? В аду оказалась большая часть моих знакомых, и их предстояло еще обнаружить. Как это сделать? Вот в чем вопрос. С иголкой в стогу сена было бы гораздо проще. Сухая трава, по крайней мере, не станет бросаться на тебя и пытаться убить, а демоны — станут.

— Аполлион действительно мог не приглашать девицу к себе. Твой брат пользуется популярностью у женского пола. Девушка вполне могла явиться сюрпризом. В этом случае визит оказался для Аполлиона полной неожиданностью. Знаешь, человеческие самки такие… навязчивые.

Ну вот. Обозвали самкой. Не то чтобы раньше меня не обзывали (стоит только проехаться в переполненной маршрутке с полными сумками в час пик, и окажешься самкой любого животного на выбор), но чтобы вот так, походя, обсуждая между собой в моем же присутствии… Подобного хамства в жизни не спускала. Только я собралась высказать присутствующим свое негодование и даже подготовила достойную гневную отповедь, но не успела. Семейный скандал стал выходить на новый виток. В глазах Нефры загорелся опасный огонек ревности.

— Понятия не имею о поведенческих особенностях человеческих женщин! Вижу, кое-кто из нас практический эксперт в данной области, — с многозначительным прищуром процедила она.

Уличенный Рефеций предусмотрительно прикрылся мною, как щитом, вклинив хрупкое ошарашенное девичье тело между собой и опасно оскалившейся прекрасной половиной. Затем ответил, стараясь, чтобы слова его пролили умиротворяющий бальзам на израненную ревностью душу:

— Ерунда! Мои познания людей исходят исключительно из

многочисленных слухов. Ими бездна кишмя кишит, ты же знаешь. Так что я скорее теоретик, чем практик. Ты слишком подозрительна, любовь моя.

— Ну конечно, — гневно подбоченилась Нефра, ожгла золотоволосого таким взглядом, что, не будь он верховным демоном, корчился бы в агонии у ее стройных ног, затянутых в красную лаковую кожу. — Теперь я же во всем виновата!

Аполлион так громко и отчетливо фыркнул, что спорящая чета удивленно подпрыгнула от неожиданности, проявив редкое, но полное единодушие, а Рефеций при этом чуть не вывихнул мне запястье. Я невольно вскрикнула, и все дружно уставились на меня, как на первопричину всех бед в аду. Помнится, моя классная руководительница с тяжелым вздохом мученицы, чей тяжелый труд брошен на алтарь детского образования, словно полная пригоршня бисера под ноги неблагодарным свиньям, страдальчески возвела очи к небесам, наказавшим ее моим присутствием в классе не иначе как за тяжкие прегрешения в прошлой жизни, и доверительно сообщила:

— От тебя, Погорелова, даже в аду тошно станет.

Не помню, чем именно заслужила подобное высказывание — доску мылом натерла или кнопку кому-то подложила, но кто же знал, что слова окажутся пророческими. Думаю, наша классная не лишена дара ясновидения. Ей бы на картах гадать научиться — цены бы не было. Впрочем, в школе и не такому научишься. Со школьниками без некоторого дара предвидения нельзя, мало ли что учудить могут обладатели кипучей энергии, если ее вовремя не направить в нужное безопасное русло.

— Ладно, сестренка, — нарушил излишне затянувшееся молчание огненноволосый, — думаю, настал момент оставить эту пару наслаждаться семейной идиллией и составить собственное счастье.

Демон ловко высвободил мои затекшие лапки из загребущих ладоней Рефеция и настоятельно повлек к выходу. Я тут же стала расстраиваться. Во-первых, не люблю, когда за меня решают все кому ни лень, пусть даже они являются верховными демонами. Во-вторых, в этой перепалке мне не удалось толком слово вставить, а я не привыкла молчать так долго. И только я собралась встать в позу, дабы авторитетно заявить, что с таким козлом, как он, даже по дороге в рай под ручку идти не подумаю, но меня снова перебили наглым, весьма бесцеремонным образом.

— Хочешь сказать, дорогой братец, к тебе наконец вернулась память и ты вспомнил-таки любовь всей своей жизни? — вкрадчиво, словно кошка, сжавшая вожделенную мышь в острых когтях, но решившая временно отложить трапезу ради

увлекательной игры, промурлыкала Нефра.

В янтарных глазах демоницы вспыхнуло опасное хищное пламя. Зная остроту и крепость ее уцелевших когтей, не хотела бы я стоять поперек ее дороги, когда в очах полыхает подобный огонь. Но ее брат был опытным пожарником, в его глазах сверкнуло ответное пламя, он растянул чувственные губы в улыбке, смахивающей на хищный оскал голодного волка, но, вопреки ожиданиям, голос демона прозвучал неожиданно спокойно:

— Любезная сестра, твой тонкий ум достоин восхищения не меньшего, чем несравненная красота. Да, я действительно не признал девушку с первого взгляда. Люди — не демоны, они заметно меняются со временем, так как не обладают даром бессмертия. Года накладывают свой отпечаток.

— Хочешь сказать, девица сильно переменилась с вашей последней встречи? — недоверчиво изогнула изящную бровь демоница.

— Точно. Подросла, возмужала, — не удержалась от шпильки я и получила гневный взгляд янтарных глаз Аполлиона.

Его руки крепко стиснули мои, словно железными тисками. Удивительно, что кости не затрещали от подобного натиска. Я ахнула от боли.

— Что-то вроде того, — легко согласился демон. Его хвост гибкой змеей опутал ноги, не двинешься лишний раз и тем более не сбежишь.

— Может, ты и женишься на ней? — насмешливо фыркнула Нефра, едва удерживаясь от смеха.

Лично я ничего веселого в сложившейся ситуации не находила. Вообще, создавалось впечатление, что я угодила в абсурдный сон, полный невероятных и странных ситуаций. Наверное, нечто подобное ощущала Алиса в Стране чудес. Это какой-то неправильный ад с совершенно неправильными демонами. Ведь всем известно, что чертям положено поджаривать грешников на медленном огне, используя сковороду, или же варить вышеозначенных несчастных в котле с кипящим маслом до готовности, тщательно помешивая вилами. Демонам не полагается собачиться на глазах смертных, их обязанность — соблазнять людей сладкими посулами обретения земных благ в обмен на бессмертную душу, а потом цинично обманывать ожидания. Меня же сразу хотели убить, не вдаваясь в процесс торга. То ли моя душа слишком малоценный предмет и, кроме меня самой, никого не интересует, то ли ребята совсем нюх потеряли и работают без огонька. Возможно, с планами в аду не очень строго. Впрочем, во второе верилось больше. Или хотелось

верить. Но не в этом суть. А суть в том, что вместе с пониманием окружающих меня странностей где-то внутри возникла настоятельная потребность стремительно покинуть странную компанию, пока они так мило заняты друг другом.

Придя к этому, казалось бы, простому выводу, я нашла собственную идею гениальной и стала тихонечко протискиваться к выходу. Но не учла одной мелочи: мои руки никто не отпускал и отпускать не собирался. Досадно видеть крушение надежд из-за подобного пустяка.

— Может, женюсь, — спокойно бросил огненноволосый, сверкнув неожиданно белозубой улыбкой на смуглом лице.

Вот и пойми такого — шутит, говорит серьезно или просто издевается. Хотя… последнее вероятнее всего.

— Ценю твое чувство юмора, — сделал комплимент шурину Рефеций, но при этом смотрел на Нефру с таким выражением, словно сам собирался встать на одно колено, романтично попросить у нее руку и сердце, деликатно облобызав когтистую лапку, — но тут ты явно перегнул.

— А я вовсе не шучу. — Улыбка Аполлиона стала еще шире, словно у Чеширского Кота.

Лицо демоницы потрясенно вытянулось. Неизвестно, что ее ошарашило больше — предполагаемая измена Рефеция или грядущий мезальянс брата. И тут мне окончательно надоело служить чем-то вроде переходящего кубка, который вечно передают друг другу и при этом он обязан держать свое мнение при себе. Кубку, может, и все равно, в чьих руках оказаться, а вот мне моя судьба не безразлична.

— А ты меня спросил? Жених несчастный! — фыркнула я, резко выдергивая свои руки.

Наконец-то многострадальные конечности в моей безраздельной собственности. Ура! Похоже, демоны не разделяли моего энтузиазма.

— Вот как? — Улыбка Аполлиона увяла, как фиалка без надлежащего полива. — Неужели мне откажет смертная женщина?

— Мой брат — лучшая партия бездны! — гордо подбоченилась огненноволосая демоница. — Ему не может отказать какая-то человечка!

Я уже открыла рот, чтобы заметить, что реклама на меня давно не действует, и ехидно поинтересоваться о скрытых причинах прозябания в холостяках при такой зверской популярности, но встретила пламенный взгляд Нефры и передумала. Не всякая сестра смотрит на брата объективно. Не сообщать же ей об этом. Пусть на руках противницы осталось

всего семь ногтей, но внутренний голос отчаянно сигналил, что оставшихся с лихвой хватит для снижения продолжительности моей жизни. «Эх! И не пожила-то еще!» — с тоской подумала я.

«Нечего было поддаваться на уговоры Лиссы и спускаться в ад под руководством ненормального тролля. Дружба с троллями еще никого до добра не доводила», — наставительно изрек Кумивар.

Нет бы поддержать в трудную минуту если не делом, то хотя бы утешительным словом! А он только критиковать умеет.

«Да-а-а. Глупая была идея», — проявил редкое единодушие Джастудай.

«Я несказанно рада вашему идиллическому согласию, — внутренне фыркнула я. — Но не могли бы вы любезно заткнуться, а то в голову, кроме ругательств, ничего не лезет. И кстати, я здесь оказалась именно из-за дружбы с эльфами. Это в Норандириэль проснулась внезапная непреодолимая тяга к путешествиям в неизвестном направлении. Мы, можно сказать, все ноги сбили в ее поисках, а в ответ не только никакой благодарности, а лишь сплошное нытье и критика».

«Действительно, брат, нам лучше помолчать, — неожиданно миролюбиво предложил Кумивар. И только я возрадовалась прорезавшейся у клинка совести, как он ехидно добавил: — В конце концов, если наша воительница погибнет, неизвестно, что произойдет с нами, ведь мы заперты в ее теле. Жаль будет лишать этот мир столь чудесных клинков, ведь нас так мало осталось на свете».

Я хотела было на него обидеться, но передумала. Дуться потом буду, когда найду друзей и из ада на поверхность выберусь, а сейчас есть дела поважнее. Например, обозленная демоница и ее острые когти. Сдается мне, дамочка умеет быть гвоздем в сапоге почище, чем пара эльфийских клинков.

— Согласна, — покорно кивнула я демонице, чем порядком ошарашила огненноволосую, явно не ожидавшую быстрой капитуляции. — Ваш брат, любезная, похоже, действительно слишком хорошая партия. Увы! Я его не достойна. Готова признать свою ошибку. Надеюсь, мой уход хоть как-то загладит вину. Прощайте, наша встреча была ошибкой!

Сказала и попыталась покинуть поле боя, обогнув Аполлиона. Не удалось. Демон был начеку и вцепился в предплечье, словно клещами. Наверное, так чувствует себя зверь, угодивший в охотничий капкан, когда есть только два пути выбраться: либо отгрызть покалеченную лапу, но спастись самому, либо дождаться охотника и попытать счастье уже с ним. С рукой расстаться я была морально не готова, оставалось только попытаться уломать

«охотника», но, глядя в его задумчиво-заинтересованные глаза, в непознанных глубинах которых плясали огоньки пламени, отчетливо поняла: этот не отпустит.

Я перевела взгляд на Рефеция. На его породистом лице большими буквами читалась скука. Понятное дело, златокудрый демон смог элегантно перевести стрелки на другого, и дальнейшая судьба случайной помехи его безмятежного семейного счастья совершенно его не интересовала.

И лишь у Нефры в этом деле оказался собственный интерес, только не понятно какой. Но, как говорится, если ты не понимаешь мотива — это вовсе не значит, что его нет.

— Дорогая… — Голос демоницы напоминал мягкое, бархатистое мурлыканье. Только у каждой уютной киски спрятаны острые коготки в пушистых лапках. Я никогда не забывала об их наличии, поэтому напряглась, памятуя об опасных ногтях хозяйки спальни, которые по прочности не уступали эльфийской стали. — Откуда столько комплексов при такой внешности? Ты ведь рыжая, почти как я, а значит, мы в чем-то немного похожи. — Ну это она явно польстила. Цвет моих волос даже близко не походит на оттенок ожившего мерцающего огня ее буйной шевелюры. Она мне льстит? Интересно: зачем? — Тебе нужно запомнить раз и навсегда, — вкрадчиво вещал ее нежный голос. Текучим движением, преисполненным животной грации, демоница придвинулась ближе, словно хотела поцеловать или, что более вероятно, желала, чтобы каждое ее слово было не только услышано, но и понято. — Мы, женщины, более совершенные создания, чем мужчины. Недаром женщину Создатель создал второй. На мужчинах он всего лишь тренировался. Это мы снисходим до них (мужчин), милостиво позволяем любить себя, заботиться о себе, продолжать свой род через нас, баловать. Поэтому любой наш брак неравен. Ведь мы выходим замуж за созданий ниже своего уровня. Так уж повелось. Понятно?

Я бросила заинтересованный взгляд на Рефеция за ее спиной. Интересно, как он отнесется к оригинальному высказыванию прекрасной половины? Но демон и бровью не повел. То ли за годы, проведенные вместе, привык к мировоззрению своей дамы, то ли его вполне устраивал тот факт, что до него милостиво снисходят. В любом случае от беседы он самоустранился. Молчал и Аполлион.

— Убедила, — торжественно кивнула я. — Аполлион! Поздравляю! Ты меня не достоин. Прощай! Наша встреча была ошибкой, — возвестила я и в очередной раз дернулась в сторону.

Не удалось. Досадно.

Аполлион одарил меня блистательной улыбкой в тридцать два зуба.

— Радость моя, успокойся. — Длинные пальцы нежно и многозначительно завладели моими ладонями и принялись поглаживать, ловко не давая выскользнуть из навязчивого плена. — Это всего лишь обычный предсвадебный невроз невесты. Все через это проходят.

— Правда? — раздраженно переспросила я. Возможно, не следовало открыто грубить тому, в чьей власти переломать кости, но мне уже было все равно. Слишком уж устала от окружающего абсурда. — А ты часом не психолог?

— Нет. — В его голосе послышался намек на еле сдерживаемый смех. — Но если хочешь поговорить со мной на какую-то особенную тему, всегда готов выслушать. — Он снял с руки кольцо с большим янтарем в золотой оправе и надел на мой палец. — Будем считать это официальной помолвкой.

— Ура! — неожиданно воскликнула Нефра, чем порядком напугала, заставив меня вздрогнуть. — Слышал, Рефеций? В нашей семье будет свадьба!

И она закружилась по комнате в танце.

— Я не глухой, — без особого энтузиазма сообщил Рефеций. Создавалось впечатление, будто он об этом сильно сожалеет. — Я ценю твой романтический настрой видеть вокруг лишь счастливые семейные пары, однако не слишком ли ты торопишься? Помолвка — дело серьезное, но она вполне может длиться веками и быть расторгнута из-за пустяка.

— Фу, какой ты противный, — скривилась демоница. — Любовь демона к человеческой девушке — что может быть романтичней?

— Всегда считал, что любовные романы плохо на тебя влияют, — тяжело вздохнул золотоволосый.

Нефра вспыхнула. В воздухе ощутимо запахло ссорой. Только очередного витка семейных разборок демонов не хватало. Боже, за что мне это?! Наверное, в прошлой жизни я совершила нечто ужасное. Мне жарко, моя зимняя одежда явно не для адского климата, я местами побита, чувствую себя грязной и противной, совершенно не помню, когда ела в последний раз, и в голове начинает шуметь. Только страстных воплей семейной пары мне не хватало для полного, так сказать, счастья.

Избавление пришло, откуда не ждала.

— Нам пора, — тоном, не терпящим возражений, заявил огненноволосый «жених». — Ты наверняка очень устала. Столько новостей за один день! Оставим же Нефру с Рефецием наслаждаться семейным счастьем, которое нам только предстоит

испытать. Милая, скажи хозяевам «пока».

— Пока, — словно маленький ребенок вслед за терпеливым родителем повторила я, и даже послушно помахала бы ручкой, если бы смогла ее отобрать.

— Умница, — похвалил Аполлион, прежде чем увлечь меня прочь.

Вот уж никогда не думала, что когда-нибудь буду благодарна демону. Жизнь — штука непредсказуемая.

ГЛАВА 11

Не знаю, как я раньше себе представляла ад, но, наверное, как-то иначе. Ад всегда называли геенной огненной, значит, там просто обязан бушевать огонь, как контролируемый, так и нет. Как ошпаренные должны метаться черти, подтаскивая топливо к многочисленным котлам. На самом деле все выглядело иначе, как-то прозаично, что ли. Ни криков, ни воплей грешников, полных нескончаемых мучений. Впрочем, может, у них здесь звукоизоляция на уровне. Оно и понятно, кому захочется слушать чьи-то стенания круглые сутки? Будь это хоть райская музыка для ушей, любая услада в конце концов приедается хуже любой самой мерзкой какофонии.

Мы оказались в мрачном туннеле. Где было нестерпимо горячо, смердело серой, а воздух был раскален настолько, что першило в горле и легким ощутимо не хватало кислорода. Я закашлялась. Демон сверкнул в мою сторону янтарем глаз, но от комментариев воздержался. За что ему персональное спасибо. Когда чувствуешь себя омерзительно, только язвительных реплик спутника не хватает. Как ни крути, а у демонов адские условия жизни. Им надо молоко давать за вредность. А начать предпочтительней прямо с меня, и немедленно. Заодно и накормить хорошенько.

В туннеле царил пугающий полумрак. В закругленный свод были встроены какие-то источники света. Их природу я не смогла определить, но света явно недостаточно для хорошего освещения. Услужливое воображение тут же населило мрак сонмами невообразимых чудовищ, что бесшумно скользят в темноте, роняя голодную слюну из зубастых пастей на пол, и готовятся отведать нежного девичьего мяса.

Я здраво, насколько это вообще возможно в сложившейся ситуации, рассудила, что пусть и не совсем адекватный, но знакомый демон гораздо лучше, чем куча незнакомых. Потому совершенно не возражала, когда Аполлион покровительственно положил руку на мою талию. Да и толстая меховая куртка, в которой я упорно парилась, словно в персональной сауне, исключала любой намек на интимность его жеста. «Ладно, — обреченно подумала я. — Зато после этой прогулки точно сброшу несколько лишних кило».

«Утешайся этим, прежде чем скончаешься от обезвоживания», — ехидно посоветовал Кумивар.

«Лучше утешусь твоей безвременной кончиной в моем прекрасном теле», — в тон откликнулась я.

Клинок замолчал, пораженный моим вероломством. Я злорадно хмыкнула про себя, мол, знай наших, железка эльфийская.

Видимо, мы двигались по главному туннелю; выходящие в него провалы боковых коридоров выглядели меньше и еще темнее, вызывая помимо безотчетного страха, острый приступ клаустрофобии. «А ведь в других туннелях может скрываться гораздо больше монстров, чем в основном», — метнулась в голове паническая мысль, и кожа послушно покрылась мурашками, словно они где-то ждали подходящего момента, а потом весело рванули наружу.

Через несколько секунд я с тоской поняла, что накаркала. М-да. Подтверждение теории о том, что мысль материальна, явило себя, когда доказательств вовсе не требовалось. Я услышала, что впереди заворочалось нечто внушительное. Стены туннеля мягко завибрировали, словно что-то тяжелое грузно тащилось по коридору. Видимо, Аполлион слышал то же, что и я, потому как бесцеремонно втолкнул меня в устье бокового туннеля и сам шагнул следом.

— Что это? — севшим от волнения голосом вопросила я своего мрачного молчаливого спутника.

— Думаешь, мы одни тут живем? — вопросом на вопрос ответил он, словно все вокруг просто обязаны знать всех многочисленных обитателей ада если не поименно, то хотя бы в лицо. — Здесь не только черти и демоны обитают, но и разнообразные дикие твари, чей разум чужд как людям, так и нам, они признают только основные инстинкты.

— Например?

— Есть и размножаться, — весело пояснил Аполлион.

Лично я его радости не разделяла. То, что один из верховных демонов предпочитал отойти в сторону, не заступая дороги жуткой твари, тяжко волочившей свое грузное тело по туннелю, не могло не насторожить. Сдается мне, многие твари не отличались привередливостью в пище и были вовсе не прочь подзакусить свежей демонятиной. К тому же тьма бокового прохода была не настолько непроницаема, как могло показаться на первый взгляд. Лишь только глаза привыкли к окружающему полумраку, как взгляд с ужасом уперся в груду пожелтевших от времени скелетов. Некоторые кости были сломаны, они лежали здесь давно и распространяли вокруг тошнотворное зловоние, вызывающее в желудке спазмы.

Все-таки хорошо, что я сегодня не успела позавтракать.

— Жуткое здесь местечко, — потрясенно прошептала я, как только желудок прекратил бунтовать, а тварь тяжело проползла

мимо, благополучно миновав наше убежище.

Пусть вход в боковой туннель был слишком мал для явно массивного существа, тем не менее сердце испуганно замерло и пропустило несколько ударов, когда чье-то желеобразное тело заслонило дыру, служившую входом.

— Хочешь сказать, ты этого не знала? — усмехнулся демон. — В какой стране растут столь дивные цветы, считающие бездну райским местом для прогулок человеческих дев?

Я открыла было рот, чтобы сообщить наглецу, что моя прописка уж точно не его забота, но он поднес палец к моим губам, и слова так и не были сказаны.

— Не сейчас, — доверительно сообщил демон, прерывая поток готового извергнуться из моих уст красноречия. — Сначала мы доберемся до моих покоев, там нам уж точно никто не помешает.

Я так и не поняла, была ли это угроза или констатация факта. Черт бы побрал этих адских обитателей! Сдается мне, они еще более странные ребята, чем эльфы.

Аполлион принялся увлеченно водить меня по разным закоулкам ада. Некоторое время я искренне считала, что демон просто решил смешать экскурсионную прогулку, поход для экстремалов среднего уровня подготовки и обряд посвящения в почетные спелеологи в эдакий шипучий, в меру горячий коктейль, чтобы ошеломить и взбудоражить гостью. Но на мой вопрос, будет ли финишная черта у нашего утомительного марафона, огненноволосый искренне уверил, что это и есть самая короткая дорога к его жилищу и прямо сейчас мы дико срезаем путь. Лично я не поверила бы демону, даже если бы он на голубом глазу сообщил, что белое — это белое. Он же демон, а вся мировая литература предупреждает о вреде общения с представителями этой расы для хрупкого человеческого организма. Ну если, конечно, не считать сказку о работнике Балде, где, помнится, рогатому изрядно досталось от хитроумного работяги. Да еще, пожалуй, «Вечера на хуторе близ Диканьки», где кузнец Вакула обошелся с бесом не менее круто. Но это же черти, а о том, что кто-то исхитрился надуть демона, лично я не слышала.

Впрочем, хитрить с Аполлионом — себе дороже. На огненноволосом словно большими буквами написали: «Не влезай — убьет!» — и пририсовали голый череп со скрещенными костями для пущей убедительности. Не знаю, сколько и чего нужно выпить, чтобы отважиться пренебречь предостережением, но пока смельчаков видно не было.

Чем дальше мы шли, тем становилось оживленнее. Никто не

стоял в пробках, как на дороге в час пик, но мимо нас постоянно кто-то проходил, заставляя меня нервно вздрагивать. Я не особенно склонна впадать в истерику, но тот, кто сможет спокойно отреагировать на деловито шагающего краснокожего, покрытого шипами демона, пусть первым бросит в меня камень. И поверьте на слово, это был далеко не самый страшный экземпляр. Все встречные демоны обходили Аполлиона по широкой дуге, насколько позволяла ширина туннеля. То ли сильно уважали, то ли боялись, то ли он болел чем-то неизлечимым и заразным, а может, все три причины разом. В кои-то веки со спутником мне повезло. Судя по тому, как жадно принюхивались некоторые особо мерзкие типы, страшно подумать, чем могла закончиться встреча с любым из них, так сказать, тет-а-тет. Когда-то я мечтала о популярности, но такая и даром не нужна.

Вскоре у меня сложилось впечатление, что огненноволосый страдает болезнью Альцгеймера (в его наверняка почтенном возрасте это заболевание вполне возможно) и сам не может вспомнить, где живет, просто боится в этом признаться. Впрочем, может, он просто не хотел, чтобы я смогла покинуть его дом и вернуться в покои Рефеция самостоятельно. Если так, то он сильно переоценил мои скромные возможности. При такой протяженности маршрута даже навигатор запутается и взмолится о техподдержке. Первые три минуты я и впрямь честно пыталась запомнить дорогу. Но мы так часто неожиданно сворачивали и меняли направление, что голова стала кружиться уже на пятой минуте. Дальнейший путь мог привести в отчаяние Ариадну, ведь для благополучного возвращения победителя Минотавра из Лабиринта понадобился всего лишь один клубок. Для нашей дороги пришлось бы распустить не один свитер.

Не знаю, сколько прошло времени. Час? Два? Десять? Может, сутки, когда я, отчаявшись, готова была усесться на странно гладкий пол очередного коридора и заявить, что больше никуда не пойду. Он волен убить меня прямо здесь или волочь за собой за волосы — это ровным счетом ничего не изменит. Но не успела этого сделать, демон внезапно остановился, и я с удивлением узрела дверь, вырезанную прямо в стене. Интересно, кому пришла в голову гениальная идея так украшать стены адских туннелей? Дверь была деревянная, из темного сорта дерева, обшитая золотыми полосами крест-накрест, с массивной резной ручкой и дверным молотком, чтобы гость громким стуком мог известить хозяев о своем приходе.

Стучать демон не стал, как, впрочем, и бряцать ключами. Дверь открылась сама, словно узнала своего владельца и радовалась его приходу, приглашая войти. Похоже, высокие

технологии докатились и до ада. Да-а-а, комфорт даже выходцам из геенны огненной не чужд.

Прихожая, если это название применимо к огромному помещению, отделанному черным мрамором с золотыми прожилками и размером с бальный зал на двести-триста гостей, несмотря на свою зияющую пустоту, производила гнетущее, даже зловещее впечатление. Многочисленные светильники, расставленные вдоль стен, бросали на хладный мрамор стен таинственные блики танцующих языков пламени, отчего казалось, будто на глянцевой поверхности камня поселилось неведомое чудовище и тянет в разные стороны свои многочисленные щупальца. Жуткое зрелище, заставившее невольно искать поддержки у спутника.

В зловещей темноте интригующий цокот когтей ударил по туго натянутым нервам, словно медиатор по струнам электрогитары. Из темноты, подобно ночному кошмару, вынырнула тройка лоснящихся трехголовых псов. Зверюги размером с годовалого теленка пару секунд сверлили меня недружелюбными угольями глаз, пока я с ужасом ожидала от своего спутника громового возгласа: «Собачки, кушать подано!» Голодная слюна из пастей не капала, что внушало некоторую долю оптимизма относительно моего будущего. А вот острые белые клыки заставляли нервно вздрагивать. Сердце выдало такую аритмию, что впору ложиться в больницу под капельницу.

— Тебе нравится моя рубашка? — иронично поинтересовался Аполлион, пока я пыталась уговорить мускульный орган не колотиться о ребра, как обезумевшая, больная клаустрофобией канарейка.

— Не мой фасон, но можешь дать мне поносить, — хрипло откликнулась я, не в силах оторвать потрясенного взгляда от тройки зверюг, шедших ко мне с неотвратимостью злого рока.

Слышала я о мифическом трехголовом псе Цербере, который охранял вход в преисподнюю, но никогда не думала, что подобный зверь может быть не один.

— Прекрати рвать мой манжет, — настоятельно посоветовал демон, с трудом отцепляя сильно, до судорог стиснувшие ткань девичьи пальцы от опасно трещавшей под их напором ткани. Надо же, а я не заметила, как уцепилась за его рубашку. — Не волнуйся, тебя здесь никто не тронет… пока я не прикажу.

— Если это утешение, то слабое, — нервно проблеяла я.

— Дорогая, за утешением — это к ангелам. Ты сначала из бездны выберись, а уж затем до небес достучаться пытайся, — оскалился в улыбке демон.

«Нашла у кого поддержки искать, — насмешливо фыркнул

Кумивар, и это был тот редкий случай, когда я искренне обрадовалась даже его ехидству. — Не дрейфь, подруга, — прорвемся».

«Да, — поддержал брата Джастудай. — Не бойся, Ника, мы с тобой».

Хватит ли двух клинков, пусть и эльфийских, против трех трехголовых псов? Надеюсь никогда не узнать ответа на этот вопрос.

Тем временем собаки подобрались ближе, шумно обнюхали со всех сторон, ткнулись лобастыми головами в руки, позволяя погладить. Надо же, а с виду такие грозные звери.

— Ой! — нервно выдохнула я, не зная, то ли креститься от облегчения, то ли вспоминать благодарственную молитву. — А они и не страшные вовсе, пусть и выглядят жутко. — Собаки дружно вильнули хвостами, выражая солидарность с моим мнением. — Вообще, животные меня любят, — добавила я, почесывая ластящихся псов под подбородками, что, кстати, было той еще задачкой, так как сложно приласкать разом девять голов всего парой рук.

Мой вздох облегчения могли слышать ангелы на небесах.

Собаки толкались, отпихивали друг друга, выпрашивая очередную порцию ласки, желательно без очереди.

— Разумеется, нравишься, — усмехнулся Аполлион. — Главное, не подходи к ним без кольца, и все будет хорошо.

Вот так. Еще один миф о неотразимости моего обаяния был жестоко развеян демоном из преисподней. Вот уж действительно — добро пожаловать в ад!

— Рефеций сказал, что твои покои похожи на его. Считай меня привередой, но лично я не нахожу даже малейшего сходства, — нахмурилась я.

— Меткое наблюдение, — одобрил тот. — Но ты ведь не считаешь, что в моем доме существует одна-единственная комната?

М-да. Глупо вышло. Даже в однокомнатной квартире кроме прихожей есть еще комната, кухня, санузел и ванная.

Аполлион звучно щелкнул пальцами, и в казалось бы цельных мраморных стенах гостеприимно распахнулась дверь, словно приглашая войти. Интересно, она слушается только щелчка хозяина или любой может так? Но демон не дал моему любопытству перетечь из мыслей в слова и бесцеремонно повлек за собой в ярко освещенный светильниками коридор. Однако на свете здесь не принято экономить. Чувствуя себя беспородной шавкой, привязанной за поводок к грузовику, я все же попробовала трепыхаться, но в результате бессмысленных

подергиваний, похожих на нервный припадок, только запыхалась, окончательно выбилась из сил, а Аполлион даже ни разу не сбился с шагу. С досады я попыталась было пнуть демона в голень, но промахнулась и едва не растянулась на скользких плитах пола. Ну кто так строит? Ходить же неудобно.

«Это не оправдание для твоей неловкости, — наставительно изрек Кумивар. — Тренировала бы равновесие, и падение из-за пустяков не грозило бы».

«Тебе хорошо, — заныла я. — Вас с братом вечно таскают на руках. Сначала отрасти ноги, а потом уже учи меня жизни».

«Да? Но у демона ноги есть, да и росту в нем больше, значит, баланс должен быть хуже. А посмотри, как движется. Каждый шаг выверен, экономен и устойчив. Любо-дорого посмотреть», — не унимался клинок.

«Так это демон», — уважительно вздохнула я.

Неизвестно, чем закончился бы очередной внутренний спор с надоедливым клинком, но мы пришли на место. Что сделал демон и делал ли он что-то, я не поняла, но в стене появилась еще одна дверь, за которой оказалась просторная светлая комната, отделанная малахитом с красивым затейливым узором. Пол тоже на первый взгляд имел каменную поверхность, но, едва ступив на него, нога по щиколотку утопала в ворсе ковра. Мастер, выткавший такое великолепие, не просто хорошо знал свое дело, а был поистине гениален, раз умудрился воссоздать столь великолепную иллюзию камня.

Здесь были огромные напольные вазы с цветами, оказавшимися на поверку искусно вырезанными из поделочных и полудрагоценных камней. Огромный малахитовый камин украшен затейливо вьющимися виноградными лозами, на тяжелых спелых гроздьях и насыщенно зеленых листьях играли отблески пламени, каждая рубиновая ягода просвечивала насквозь, и в ней отчетливо проглядывались семена. Увидев великолепие плодов, словно манивших попробовать, так ли чудесен их вкус, как прекрасен вид, я невольно сглотнула набежавшую слюну. Голодный желудок судорожно сжался и недовольно заурчал, громко сетуя на хозяйское пренебрежение своими насущными потребностями. Я глубоко вздохнула, так как сильно подозревала, что аппетитные ягоды наверняка всего лишь очередное произведение искусства, призванное услаждать взор, но, увы, совершенно несъедобное. Я с легкостью отдала бы их все за одну миску наваристого борща со сметаной.

«Однако горазда ты распоряжаться чужими вещами, — охладил мой пыл Кумивар. — Вещи не твои, а ты уже менять их надумала».

Но я нагло проигнорировала комментарий клинка, как демон — мой красноречиво голодный взгляд, алчущий винограда.

— Присаживайся, — сделал широкий жест Аполлион. — В ногах правды нет.

Я хотела ехидно заметить, что на полу сидеть не очень-то удобно, даже если на нем имеется мягкий ковер, и вообще предлагать такое гостям негостеприимно, но не успела. Откуда-то из-под пола вынырнул диванчик и уютная на вид банкетка с резными ножками.

Надо же, какой сервис! Вот бы мне в квартиру такую умную мебель, чтобы нужный предмет послушно возникал по мановению руки и так же исчезал, лишь только отпадет в нем надобность. Это же сколько места можно сэкономить!

Впрочем, что диван, что банкетка выглядели так, будто их целиком изваял знаменитый Данила-мастер из сказа Бажова прямо из целого куска малахита. Словом, удобство мебели вызывало сильные сомнения. Наверное, это и было началом предстоящих адских мучений, решила я, и, собрав все свое мужество в кулак, демонстративно уселась на банкетку. Так я намеревалась поразить зловредного демона, стойко перенося коварно подсунутые мучения, и замерла в напряженном ожидании таковых.

Сиденье встретило напруженное в предвкушении жестоких мук седалище пугающей мягкостью. Я увидела в обманчивом удобстве адское коварство замысла демона, явно сначала пожелавшего усыпить мою бдительность, и решительно задремала, решив убить разом двух зайцев. Во-первых, поразить выходца бездны силой своего духа, во-вторых, дать телу долгожданный отдых, что тоже немаловажно в моем положении.

Не знаю, поразила ли я Аполлиона своим поведением, только не успела я начать просматривать красочный сон, как меня бесцеремонно растолкали, вырвав из объятий Морфея самым наглым образом.

— А? Что? — шмыгнув носом, поинтересовалась я, напрасно пытаясь сфокусировать взгляд.

Картинка отчего-то постоянно расплывалась.

— Спроси еще — кто здесь? — ехидно предложил демон.

— Кто здесь? — послушным эхом повторила я, малодушно надеясь, что меня оставят-таки в покое. Но не сбылось. Видимо, не все мечты сбываются, как бы ни уверял нас в обратном Газпром.

— Это я, твой очаровательный жених, — скромно напомнил демон, встряхивая за плечи для пущей доходчивости своих слов. — Рассказывай!

Интересно, кто-нибудь говорил ему, что огорошивать полусонных людей неожиданными требованиями — не самый лучший способ добиться от них вразумительного ответа. Сонные люди часто сбиваются с мысли, путаются в показаниях и вообще всячески норовят избежать опроса, выпав из реальности. Помнится, как-то грозная географичка, многозначительно постукивая указкой по учительскому столу, тоном, не терпящим и тени возражения, возвестила:

— Каждый уважающий себя человек должен знать и уметь показать на карте, где находится Гваделупа, хоть разбуди его посреди ночи!

Лично я, убей меня бог, до сих пор не могу понять, какому извращенцу может понадобиться мысль будить ночью ребенка вопросом о Гваделупе. Но авторитетное заявление географички так потрясло мою нежную детскую психику, что долгое время перед экзаменом мне снился один и тот же сон. Стою я перед картой, облаченная в ночную рубашку, ищу злополучную Гваделупу и — о чудо! — нахожу, но по ехидному смеху одноклассников понимаю, что что-то не так. Поднимаю глаза… и с ужасом вижу за учительским столом злобно сжавшую губы математичку. Она пронзает меня осуждающим взглядом сквозь толстые линзы очков в роговой оправе и зловеще интересуется:

— Погорелова! Можешь ли ты доказать теорему Ферма?

Аргумент, что этого пока никто не может, ее не устраивает. Ужас! До сих пор от воспоминаний по коже бегут мурашки.

— Рассказывай, — настойчиво напомнил о себе Аполлион.

Я обреченно шмыгнула носом, моргнула осоловело глазами и начала вдохновенное вещание:

— Сначала было слово… и слово было…

— Бог, — радостно согласился демон. — Не хочу расстраивать тебя, дорогая, но эту историю я уже знаю.

Я еще раз моргнула, тщетно пытаясь сосредоточиться. Напрасный труд! Ошеломленный обилием последних событий разум начисто отказывался делать любые предположения.

— Ты хоть бы намекнул о теме опроса. Я же не Шахерезада, чтобы сказки на любую тему рассказывать, — укоризненно заметила я.

Моя жалкая попытка огрызнуться не возымела должного эффекта. Другой бы смутился хотя бы для вида, а этот ничего. Только где-то в глубинах янтарных глаз зажглось нечто напоминающее интерес.

— Шахерезада? — переспросил он.

У-у-у, нечисть необразованная! Совершенно не знает классики. Пришлось в краткой форме живописать историю

восточного владыки Шахрияра, пригласившего своего брата на охоту и благодаря болезненному родственнику узнавшего, что его многочисленные жены и не менее многочисленные наложницы наглым образом изменяют ему с рабами (и, кажется, еще с евнухами, хотя насчет евнухов я сильно сомневаюсь). Честно говоря, сильное расстройство обманутого мужа мне понятно. Будь его ветвистые рога реальны, не поместились бы во дворце. И бедных женщин тоже можно понять. Всего лишь один муж на такое количество дам — слишком жестко. Многие красавицы успевали состариться, так и не дождавшись долгожданных ласк повелителя. Но что-то я отклонилась от темы…

Расстроенный муж не стал решать проблему цивилизованно. Хотя у мусульман тогда точно существовала традиция хлопнуть три раза в ладоши, крикнуть «разведена», и женщина, получившая экспресс-вариант развода, должна покинуть дом супруга прямо в том, что на ней надето в данный момент, не утруждая себя долгими излишними сборами. Отсюда и стремление дам носить на себе максимальное количество золота разом. Если уж уходить, то хотя бы не с пустыми руками. Кстати, говорят, в нынешний век технологий разводятся уже по смс. Весьма новаторски. Но мой рассказ не о влиянии современных технологий на восточные народы.

В общем, далекий от гуманизма восточный правитель решил проблему с аморальным поведением коллектива своего гарема кардинально, раз и навсегда. Рубанул сплеча, так сказать. То есть обезглавил жен, слуг, рабов, наложниц — всех, повинных в разврате, творимом в его доме. После чего загрустил, и они с братом печально побрели куда глаза глядят.

Неизвестно, куда бы они ушли, возможно, остановились бы где-нибудь в живописном оазисе пустыни, где провели остаток дней, молясь об искуплении греха массового убийства, и служили проводниками караванов (может, оно и к лучшему), только из какого-то водоема вылез огромный, страшный ифрит с сундуком на голове, опутанным цепями.

Высокородные братья испугались и шустро забрались на дерево. Причем сделали это так лихо и быстро, что ифрит даже не заметил их присутствия. Впрочем, демон мог быть подслеповат. Ифрит уселся под деревом, поставил ношу на землю, отомкнул замки, снял множество цепей и извлек наружу потрясающую красавицу. Побеседовал с ней на разные темы, затем прилег отдохнуть, да и уснул. Притомился, значит. Понятное дело, таскать сундук с женщиной внутри не каждый сдюжит.

А прекрасная дама решительно не желала скучать, пока ее спутник (он же тюремщик по совместительству) изволит

выспаться. Она, как оказалась, приметила братьев, благоразумно прячущихся на дереве, доказав, что она не только красива, но и наблюдательна. В общем, не ходя вокруг да около, узница предложила мужчинам немедленно вступить с ней в интимную связь. Причем сделать это надо осторожно, чтобы не разбудить спящего, ибо его реакция могла привести к летальному исходу для всех троих. Все-таки кровожадное у них было общество, к тому же сильно озабоченное. Но это к слову.

Братья на неожиданное предложение девушки отведать прекрасного тела ответили решительным отказом. То ли красавица оказалась не в их вкусе, то ли экстремальная любовь в полевых условиях не являлась их коньком. Однако красотка была не лыком шита. Слово «нет» как ответ не принимала, поэтому сделала братьям следующее предложение, от которого сложно отказаться. Девушка пригрозила разбудить крепко спящего ифрита, если мужчины не осуществят ее желание, и показать ему убежище людей. Шахрияру и его брату пришлось подчиниться грубому шантажу и слезть с дерева.

Когда наконец все было кончено, невольница поведала случайным любовникам душещипательную историю своей жизни. Оказывается, ифрит наглым образом выкрал ее, невесту, с собственной свадьбы, заточил в сундук, водрузил на голову и принялся таскать с собой как табакерку, только «табак» в ней был живой.

Честно говоря, я разделяю негодование женщины, вместо брачного ложа угодившей в сундук. Обмен, надо отметить, совершенно неравноценный. К тому же далеко не факт, что в сундуке была мягкая обивка. В таком случае пленницу еще и немилосердно трясло, било о жесткие стенки. М-да. Врагу не пожелаешь. Неудивительно, что узница принялась мстить. Невольница дала обет отдаваться всем мужчинам, которых встретит, тем самым наставляя ифриту огромные ветвистые рога, помимо уже имевшихся в наличии в виду природных особенностей вида. В знак реальности их встречи красавица потребовала у братьев по кольцу. Судя по внушительной связке с кольцами, к которой она торжественно присоединила новые трофеи, женщина оказалась злопамятной, мстила с полной самоотдачей, с огоньком.

Братья единодушно решили, что у ифрита гораздо большие проблемы, чем у них. В конце концов, жены и наложницы Шахрияра изменяли ему с весьма ограниченным количеством людей, не превращая собственную постель в проходной двор. Список же любовников невольницы ифрита исправно пополнялся новыми именами и кольцами. Вернулись братья во дворец. Тут бы

и сказочке конец, а кто слушал молодец, но не все так просто.

Шахрияру, как восточному владыке, просто необходима была жена — для статуса, удовольствия ну и здоровья, наконец. А осадок неприятный от предыдущих попыток, как говорится, остался. Вот и решил шах проблему оригинальным способом, с восточным размахом. Каждый день женился на очередной красавице, проводил с ней ночь, а утром преспокойно отдавал в руки палача для усекновения головы несчастной, дабы не искушать даму возможностью измены, пока муж занимается государственными делами, а не держит супругу за руку. Неизвестно, чем дело кончилось бы, если бы не пришла очередь двум дочерям визиря стать шахинями на одну ночь, а затем поочередно сложить головы на плахе. Старшую из них звали Шахерезада.

Визирь опечалился. Как нежный любящий родитель, он вовсе не горел желанием собственными руками отдавать родную кровь на неминуемую погибель. Разумеется, каждый мечтает выдать дочь замуж за успешного, богатого, родовитого человека на высоком государственном посту, а уж за главу государства тем более. Только желается при этом долгих лет жизни молодым и детишек многочисленных, а не скорой гибели новоиспеченной супруги от рук опытного палача.

Шахерезада была девушка умной и начитанной. Редкое сочетание, но возможное. Успокоила она, как могла, горевавшего родителя, а заодно утешила младшую сестру (как-никак следующая в списке потенциальных жен была она). И чтобы не терять времени даром, отправилась в библиотеку, почитать книжки на досуге. То ли она вычитала решение своей проблемы, то ли ее просто осенило (как известно, близкая опасность улучшает умственную активность), не суть. Стала Шахерезада каждую ночь (после выполнения супружеского долга, разумеется) своему кровожадному супругу сказки рассказывать. Причем умудрялась так четко выверить регламент, что неизменно заканчивала на самом интересном месте. Заинтригованный шах, опасаясь в случае смерти красавицы остаться в неведении по поводу дальнейшего сюжета чудесной истории, продлевал брачный контракт еще на день. В результате на следующую ночь получал продолжение сказки, и, так как до утра оставалось еще много времени, Шахерезада благополучно начинала новую. Так и протянула она целую тысячу и одну ночь, пока все интересные сказки не закончились. Но шах за это время успел привязаться к жене, потому не стал отдавать ее на казнь палачу. В общем, тут и сказочке конец.

Аполлион слушал исполненный трагизма рассказ,

расслабленно откинувшись на спинку дивана и с неподдельным интересом в глубине янтарных глаз. Кто мог подумать, что из демона выйдет такой прекрасный слушатель!

— Насколько я понял, это сказка такая? — на всякий случай уточнил он.

— Да, — торжественно кивнула я, словно умудрилась написать все тома сборника собственноручно, и теперь, трепеща, ожидала вручения награды за свой тяжкий труд. — Восточный фольклор.

— Весьма колоритная, сильная вещь, — усмехнулся демон, и не поймешь, осудил или одобрил. — А как дети? После сказочки спят спокойно? Не вздрагивают? Не просыпаются с криком, призывая маму?

Я задумалась. Действительно, повествование про огорченного развратом в собственном доме шаха, что впоследствии стал женоубийцей, рассказанное в полумраке детской, вполне тянет на «Техасскую резню бензопилой» и кого хочешь доведет до заикания. Впрочем, разве это единственный пример ужасов, рассказанных детям на ночь? Чего стоит колыбельная про серого волчка, который непременно явится, стоит лишь сладко задремавшему чаду неосмотрительно повернуться на бок, тут же запустит в несчастного ребенка острые зубы и уволочет в лес под ракитовый куст! Вот она, причина частого детского энуреза. Каково это — лежать одному в чернильной темноте ночи в ожидании клыкастого хищника, о котором ласково спели добрые родители? При таком раскладе никакая психика не выдержит, тем более неокрепшая детская. Понятное дело, демону я этого не сказала.

— Это взрослый вариант, — неубедительно пояснила я, не уточняя, что в детском Шахрияр тоже далек от белого и пушистого симпапусика и вряд ли особо заслуживал дальнейшего долгого и счастливого существования.

Радовало, что Шахерезада уцелела благодаря своему уму, сообразительности и любви к чтению. Хотя обычно умных женщин не любят. Но это к слову.

— Хорошо, коли так, — легко согласился Аполлион. — Запугивание людей — прерогатива нечистой силы, а не родителей. Нехорошо, если кто-то делает твою работу за тебя, нагло отбирая кусок хлеба. Впрочем, оставим скользкую тему воспитания подрастающего поколения педагогам и воспитателям. Вовсе не этот рассказ я желал услышать, хотя он меня изрядно развлек.

— Тогда, может, хотя бы в общих чертах обрисуешь, что именно от меня нужно? У меня точно нет тысячи и одной ночи

для бесед ни о чем, — огрызнулась я.

— Что так? — насмешливо поинтересовался демон. — Мы же практически одна семья. — Он многозначительно указал на безымянный палец, где с сегодняшнего дня у меня красовалось кольцо с янтарем в золотой оправе. Между прочим, смотрелось весьма органично, хотя и несколько неожиданно встретить массивный, явно мужской аксессуар на нежной девичьей руке. — Помолвка — серьезный шаг, даже дети, рожденные в этот период, считаются законными. Посему, моя дорогая, времени у нас с излишком. — Он узрел потрясенное выражение моего лица и рассмеялся. Бархатистый смех, такой густой, словно мед в липовой кадушке, теплой волной прокатился по пустой комнате, нежным ворсом коснулся стен, прошелся по коже, ошеломил до мурашек. — Впрочем, думаю, не стоит подвергать тебя подобному испытанию, да и меня тоже. Расскажи лучше, как ты умудрилась попасть сюда.

— В ад? — на всякий случай уточнила я.

Этих демонов не поймешь. Вроде все просто и вполне понятно излагает, а начинаешь задумываться — все время неправильные выводы получаются.

— И в ад тоже. Но больше всего меня интересует, каким ветром тебя занесло в этот мир. И не надо делать удивленные глаза. Что ты не местная, видно невооруженным глазом. Драться с Нефрой, знаешь ли, редко кто решится, если он в своем уме, разумеется.

Ну вот, теперь меня в сумасшедшие записали. Впрочем, после таких приключений сложно остаться в здравом уме и твердой памяти. К тому же ни один псих не признается, что он псих. Исходя из этого, следует ли считать нормальным человека, который открыто сознается в собственном сумасшествии? Вопрос еще тот.

— А еще мне до кончика хвоста интересно, почему, глядя на тебя, вижу рыжую сероглазую человеческую девчонку, а стоит закрыть глаза, и в памяти встает среброволосая эльфийка с янтарными очами, в чьей глубине застыли изумрудные крапины.

Вот это новость так новость. Я даже закрыла глаза, чтобы проверить сказанное огненноволосым, но перед внутренним взором предстало все то же лицо, на которое я тысячу раз накладывала косметику. Фигура у меня подтянутая, там, где надо, выпукло, где надо — вогнуто, и ноги хоть не от ушей, зато стройные. Спасибо за это фитнес-клубу, а не наследственности. Но до эльфийской стройности все равно далеко. Впрочем, на свою внешность никогда не жаловалась и даже нахожу ее вполне симпатичной, пусть и без особо выдающихся особенностей.

— Зря стараешься, — безжалостно остановил мой эксперимент демон. — Ты видишь себя такой, какой привыкла видеть. Если человеку оторвать ногу или руку, закрыв глаза, он неизменно видит себя целым и невредимым, даже ощущает утраченную конечность, словно она все еще на месте.

— Ну спасибо большое за сравнение, — нервно вздрогнула я.

— Всегда пожалуйста, — оскалился в улыбке он. — Итак, я бы хотел услышать историю от начала и до конца.

— Ты бы сначала, как гостеприимный хозяин, напоил, накормил да в баньке попарил, прежде чем с расспросами приставать, — запоздало возмутилась я. Что-то подсказывало мне, что демоны не тот вид, с которым стоит затевать словесные баталии и вообще препираться, но я чертовски не люблю, когда меня используют. Тем более если конечная цель совершенно не ясна.

— Дорогая, следует ли мне напоминать, что ты не в том положении, чтобы торговаться? — спокойно поинтересовался Аполлион. Что-то в положении его внешне расслабленного тела выдавало готовность действовать в любой момент. — Смею заверить, я умею угрожать и фантазия у меня довольно богатая. Уверяю, мне вполне хватит духа претворить фантазии в жизнь. Поэтому испытывать мое терпение не удается безнаказанно. Просто сделай, как я говорю. Получишь свою еду, питье, баню, и я лично укрою тебя одеялом перед сном.

М-да. Надо отдать ему должное, умеет ведь убедить. Вроде ничего особенного не сделал, а жути нагнал. Талантище.

Что ж. Упираться дальше не имело никакого смысла. Зачем же давать повод демону осуществить угрозы на практике. В конце концов, он же нечистая сила с постоянной пропиской в аду, пытка грешников — его специализация, отточенная веками. Грешница я или нет, заслужила ли горячее местечко на адской сковороде в окружении бесов или нахожусь здесь абсолютно случайно, для местных жителей непринципиально. Думаю, лишний пыточный инвентарь для желающих оценить адский сервис всегда найдется. Поэтому дальше ломаться не стала и рассказала все от момента, когда решила сократить путь до загородного домика, а в итоге праздновала Новый год под живой разлапистой елью, до момента, когда хитроумный шаман замечательным образом законопатил нас с Лиссой и Тиграшем в бездну. Оставалась слабая надежда, что обозленный нашим долгим отсутствием грифон вдохновит предприимчивого тролля на наше благополучное возвращение на поверхность. Надежда так себе. Ну уж какая есть.

Огненноволосый выслушал еще одно повествование внимательно, не перебивая, ни словом, ни жестом не выражая

своего отношения к вдохновенному монологу. Несколько раз я прерывалась, чтобы перевести дух, все-таки лектор я начинающий, и вообще, не часто выпадает случай выступать на публике. Но даже тогда демон не стремился заполнить затянувшуюся паузу своими комментариями или объявлять все сказанное полнейшим бредом. Хотя, признаться, многие события именно так и выглядели со стороны. Он даже глаза прикрыл. Поди разбери, спит или пребывает в крайней степени сосредоточенности. Проверить, так ли это, не решилась. Ущипнуть спящего демона, чтобы привлечь его внимание, не казалось такой уж хорошей идеей.

И вот последнее слово сказано. Точка поставлена. Воцарилась тишина. Аполлион распахнул янтарные очи с вертикальными кошачьими зрачками.

— Если бы можно было выбирать что-то одно, что бы ты выбрала? Вернуться в родной мир или найти своих спутников? — поинтересовался змей-искуситель.

Вкрадчивый, бархатный голос мягкой тканью скользнул по коже, мурашками пробежался по спине, трепетом крыльев бабочки обозначился где-то в животе. Если именно так искушал Еву змей в райских кущах, понятно, почему она поддалась на уговоры рептилии. Когда просят таким голосом, съешь не только яблоко, но и червяка, квартирующего в нем.

— А ты можешь вернуть меня домой? — удивленно ахнула я.

— Почему нет? — ответил он. — Если какой-то дикий горный тролль может отправить целую команду живьем в бездну, почему демон моего ранга не способен открыть маленькие врата между мирами на одну персону?

Он прав. Почему нет? И тут я подумала: «А в чем подвох?» Шаман тоже ничего не делал просто так по доброте душевной, так почему же демон решил превратиться в доброго самаритянина и раздавать услуги направо и налево? Быть добрым демону по статусу не положено. Значит, ему что-то от меня нужно. Ну не свадебный же это подарок в самом деле.

«Открой глаза, дорогуша, — прорезался ехидный голос подозрительно долго молчавшего Кумивара. Было бы у меня больше времени, я бы задумалась, что именно затеяла пара эльфийских клинков, но не сейчас. — Что может хотеть нечисть от одинокой молодой женщины, волею судеб угодившей в геенну огненную?»

«Неужели интим?» — внутренне напряглась я.

Не то чтобы этот вариант мною совсем не рассматривался, в некотором роде даже будоражил, как игра пламени в камине — потрогать хочется, а знаешь, что обожжешься. С другой стороны, я

не из тех девушек, что, едва познакомившись с мужчиной, сразу делают из него героя своих эротических грез.

«Женщины, — презрительно фыркнул Кумивар. — Все бы вам грезить о романтических соитиях на черных шелковых простынях, усыпанных лепестками белых роз».

«Почему белых?» — немного опешила я от неожиданного буйства фантазии меча. К тому же услужливое воображение тут же весьма охотно принялось вырисовывать страстное сплетение обнаженных тел на прохладе гладкой ткани постельного белья.

«Ну алых, — хмыкнул стальной провокатор. — Цвет здесь не главное».

«А что главное?» — окончательно растерялась я, чувствуя, что еще чуть-чуть, и начну свирепеть.

Кстати, я упоминала, что, когда не высыпаюсь, хожу хмурая, как разбуженный днем сыч, и выхожу из себя по пустякам? Впрочем, не важно. Будем считать, упомянула только что.

«Твоя душа! — вклинился Джастудай. — Враги рода человеческого за свои услуги требуют именно ее».

Я вздохнула. Хотя, казалось бы, чему удивляться? Сама ожидала подвох, а узнав о нем, расстраиваюсь.

— Душу мою хочешь взамен? — подозрительно прищурилась я. — Нака-ся, выкуси!

И, сложив фигу, победоносно продемонстрировала Аполлиону. Демонстрация демона не впечатлила. Наверное, следовало осенить себя (или его) крестным знамением, три раза сплюнуть через плечо и прочитать «Отче наш», но слов молитвы я не знала. Как-то не могла предположить, что пригодятся.

— Детский сад, — спокойно констатировал Аполлион. — С чего ты взяла, что я собираюсь получить взамен за услугу душу?

— То есть моя душа тебе не нужна? — тут же обиделась я.

Интересно, чем это она его не устраивает? Наверняка не хуже, чем у других, а некоторых даже получше будет.

— Ты читала книгу и знаешь ответ.

— Книгу? Какую книгу?

— Ту, в которой написано: «Сначала было слово…» — терпеливо напомнил он.

Я удивленно моргнула. Это он на Библию намекает? Ну не признаваться же в том, что Библию в жизни не читала, просто пару раз смотрела какой-то мультфильм с библейским сюжетом.

— Я плохая чтица, — потупилась я. — И не всегда делаю правильные выводы из прочитанного.

Аполлион внимательно посмотрел на меня, словно подозревал в чем-то, но никак не мог определить, в чем.

— Хорошо. Ты развлекла меня рассказом, а значит, как

гостеприимный хозяин, могу сделать ответный жест, — усмехнулся он. — Да будет тебе известно, что душа изначально принадлежит Создателю, или Творцу, а значит, ее нельзя ни продать, ни купить или обменять.

— Как так? — невольно усомнилась я.

Ведь вся литература пестрела многочисленными случаями именно таких сделок с дьяволом. С чего бы знаменитому врагу рода человеческого помогать людям? Не по доброте же душевной он это делал.

— А вот так. Представь, что ты арендовала роскошный дом с мраморными колоннами, белыми стенами, прекрасной лепниной. Можешь ли ты его продать, обменять или заложить? Разумеется, нет. Ведь если покупатель проверит документы, он поймет, что имущество вовсе не принадлежит тебе. Но ты вполне можешь его испачкать, набросать внутрь мусора или разный хлам. Или же можешь содержать в чистоте, вовремя красить, делать ремонт, чем сделать даже лучше, чем он был. Так и душа. Ее можно отяготить грехами, сделать грязной, тяжелой, как камень, и тем самым отправить ее в ад. Либо содержать в чистоте, сделать ее лучше, чем она была, и тогда душа в посмертии соединится с Создателем в райском саду.

— Тогда в чем смысл? — нахмурилась я. — Зачем весь балаган со сделками и подписями кровью? Ведь вы не получаете от договора ровным счетом ничего. Только не надо говорить, что конечная цель осчастливить человечество. Не поверю.

— И правильно сделаешь, — одобрительно кивнул демон. Вот уж не чаяла получить одобрение выходца из ада. — Конечной целью все-таки является душа.

— Издеваешься? Ты же только что сказал, что ее нельзя ни купить, ни обменять. Тогда в чем подвох?

Глаза Аполлиона сверкнули, словно где-то в янтарных глубинах полыхнуло открытое пламя.

— Представь себе, что Создатель послал своему творению испытание, призванное очистить душу, сделать ее чище. Испытание трудное, но тут, как говорится, Господь не посылает больше, чем человек может вынести. И что же делает человек? Вместо того чтобы, стиснув зубы, пройти ниспосланное с молитвой на устах, а затем возблагодарить Создателя за милость, позволившую стать лучше и смиреннее, он впадает в отчаяние. А оно, между прочим, является одним из смертных грехов. Дальше отчаявшийся обращается за помощью к демонам и подписывает контракт. В итоге испытание не пройдено, в смертном грехе не раскаялся, с демонами общается да еще получает незаслуженную награду — исполнение желаний. И как результат — добро

пожаловать в ад! Я доступно объяснил?

— Ага, — потрясенно кивнула я.

Вот это коварство! Сама бы в жизни не додумалась.

— Ну а как насчет меня? Я ведь тебя не вызывала и контракта заключать не собираюсь. В чем смысл?

— В искушении, — растянул губы в улыбке он.

Я удивленно моргнула. В моем понимании искушение и соблазнение практически одно и то же.

«Не будь дурой, — фыркнул Кумивар. — Почему у тебя мысли все время об одном и том же? Он искушает не тело, а дух».

— А-а-а. Работа такая? — понимающе протянула я.

— Скорее призвание, — возразил Аполлион. — Итак, я жду ответа, — напомнил он.

— А можно и найти друзей и отправить меня домой?

— Я не джинн и не исполняю желаний. Ты должна сделать выбор, причем раньше, чем я потеряю терпение и отзову свое предложение.

— А найти друзей и вывести нас из ада? — Я посмотрела на Аполлиона умоляющим взглядом потерявшегося котенка.

— Нет. Только одно. Я демон, а не джинн из бутылки и не ифрит.

«Жмот! — с тоской подумала я. — Даже демон, и тот сквалыга попался. А на первый взгляд и не скажешь. Вон какой дворец себе отгрохал, а для бедной, несчастной девушки желание зажал. Мог бы помочь, раз ему душа моя все равно без надобности».

Разумеется, вслух своих дум озвучивать не стала. Зачем дразнить выходца из ада, тем более, если находишься у него в гостях. Это как с гусями; выглядят безобидно, а попробуй задеть — мало не покажется.

Нужна Аполлиону душа или нет, а взгляд янтарных глаз прошивал насквозь, не каждый рентген так качественно просветит. Вот гад! Загадку загадал, а сам смотрит, как мучаюсь. Ведь с какой стороны ни глянь, любой из двух вариантов, щедро предложенных Аполлионом, выйдет боком.

Казалось бы, чего проще — выбрать возвращение домой, и прощай, Авалония! Здравствуй, родной привычный мир с заводами, машинами, холодильниками, стиральными машинами и горячим душем, воду для которого не нужно предварительно нагревать. Выбор огромен. Не надо искать рассредоточившихся по миру родственников прекрасной Норандириэль (что само по себе огромный плюс), ее самое (что плюс еще больший), библиотеку, где хранятся книги со сведениями о параллельных мирах, а затем и сам мир, из которого меня сюда занесло. Что, признаться, тоже

немало. С моим потрясающим везением на весь алгоритм вполне может уйти лет сто или даже больше, если все-таки угораздит прожить дольше.

Впрочем, минус был. Друзей вполне можно оставить где-нибудь в бунгало на берегу теплого моря любоваться непередаваемыми рассветами, закатами, уплетать морепродукты и жарить рыбу на гриле, запивая дары моря свежим кокосовым молоком, но не в геенне огненной. Меня ведь совесть сожрет поедом. Плохо быть такой совестливой, но уж какая есть.

С другой стороны, если я в аду устроилась пусть с относительным, но комфортом, спутникам тоже могло повезти. Хотя… странно, что в бездну особо не торопятся, раз здесь всех так здорово встречают.

ГЛАВА 12

— Ладно, — обреченно выдавила я, уже сожалея об упущенной возможности. — Предпочитаю найти друзей.

— Я знал, что ты скажешь это, — насмешливо протянул Аполлион.

— Читаешь мысли? — возмутилась я. — Как не стыдно!

— Нет, все гораздо проще. В женской природе заложен некий ген жертвенности, — пояснил огненноволосый.

Никогда о таком не слышала, но возражать не стала. Вдруг передумает.

— Найти нужно всех, включая тигра, — капризно напомнила я.

Аполлион не стал сообщать, что я вовсе не в том положении, чтобы диктовать условия. Вряд ли демон решил проявить деликатность, скорее не желал тратить время и слова. Только в глубине кошачьих янтарных глаз блеснули насмешливые искры.

— Не волнуйся, всех найдем. И кису полосатую тоже, — торжественно заверил он. — Я сам, как ты могла заметить, весьма трепетно отношусь к своим домашним любимцам.

Это он о трехголовых собаках? Хороши домашние питомцы — о трех головах, и с клыков слюна голодная на пол капает. Узрев подобных монстров, поневоле в заядлые кошатницы запишешься.

«Ой, кошатница заядлая, — не удержался от очередной шпильки Кумивар. — Собак она испугалась! Ты своего Тиграша давно видела? У него самого клыки во рту не помещаются. Вот уж зверюга так зверюга, а ты к собачкам привязалась».

А он прав. У тигра действительно полный комплект острых зубов и не менее опасных когтей. Да, Тиграш крупный, опасный хищник. Но при этом хищник родной, а потому воспринимался чем-то вроде большой плюшевой игрушки, уютной и мягкой. С такой хорошо спать ночью; и согреет, и ночные кошмары отгонит.

«Зато голова у него одна», — выложила последний козырь я.

Если зловредный меч имел какие-то возражения на сей счет, предпочел придержать их при себе, не огорчая меня еще больше. А что? Женскую психику, ее тоже… беречь надо. Железные леди только по телику бывают. А на самом деле все мы нежные и ранимые внутри. Некоторые где-то очень глубоко — настолько, что необходима бурильная установка для нефтяных месторождений, чтобы до них добраться. Пардон, кажется, я увлеклась.

Итак, при мыслях о собственном тигре на ум обычно приходило нечто шерстяное, белое с голубым отливом в более

темную полоску, что иногда можно принять за причудливую игру света, янтарь глаз, плавный изгиб хвоста и влажный розовый нос. Но почему-то сейчас при мысли о хищнике перед внутренним взором вставала окровавленная морда, влажный оскал, мощный тигриный рык и штук десять демонов: четвероногие волколюди, чешуйчатые змеелюди, какие-то твари, напоминавшие пыльные шары, мечтающие о пылесосе… А парочка вообще выглядела настолько мерзко, что при взгляде на нее к горлу подступал тошнотворный ком. Существует же подобная мерзость!

Собрание демонов имело чересчур серьезный вид, чтобы сойти за экскурсию с целью поглазеть на живого боевого тигра. Кот пока еще держал оборону, прижавшись спиной к гладкой стене выхода одного из туннелей, что, с одной стороны, не давало взять зверя в кольцо или зайти ему в тыл, а с другой — удрать не было никаких шансов.

Стремление кинуться на выручку Тиграшу и экстренно набить обидчикам зверя их нечеловеческие хари прошило меня насквозь, как удар молнии. Я подскочила на месте, но не удержалась на ногах, бухнулась обратно. Банкетка устояла чудом, не распавшись на составляющие. Мои поздравления мебельщику, которому удалось создать мягкую и одновременно прочную мебель.

Огненноволосый оказался рядом, а я даже не заметила как. Он внимательно заглянул в глаза и поинтересовался настолько спокойным тоном, что мне даже захотелось ударить, чтобы вызвать хоть какие-то эмоции на этом холеном породистом лице:

— Что случилось?

Я не сразу смогла сфокусировать на Аполлионе свой взгляд, ослепленный тревожным видением.

— Какие-то поганцы бьют моего тигра! — возмущенно сообщила я.

Демон тут же живо заинтересовался и принялся выспрашивать подробности увиденного с видом бывалого следователя прокуратуры, разве что лампой в глаза не светил. Причем умудрился выудить такие детали, какие в обычных обстоятельствах вряд ли припомнишь без применения гипноза.

— Все понятно. Это в районе казарм, — резюмировал он, с довольным видом откидываясь на спинку дивана.

— Казармы? Здесь?

— Ну да. Где, по-твоему, располагается адское воинство?

Честно говоря, меня мало привлекала проблема размещения местных солдат. Да что греха таить, не волновала вовсе. О чем я весьма доходчиво и сообщила собеседнику:

— К дьяволу ваши казармы! У меня там тигра убивают!

— Тогда пошли, — спокойно предложил Аполлион, чем вызвал приступ недоверия с моей стороны.

А не заведет ли сей Сусанин в край, куда Макар телят не гонял? Договоренность договоренностью, а зловредности натуры пока никто не отменял. Остановит ли это меня? Вряд ли. До Тиграша нужно добраться срочно и любой ценой, а других претендентов на почетную роль проводника нет.

— А быстрее нельзя? — Я сорвалась с банкетки, готовая хоть сейчас выступить против всех демонов бездны, если понадобится, и плевать, как при этом они будут выглядеть.

— Конечно, можно. — Огненноволосый встал, нарочито неторопливо оправил сбившиеся манжеты, расправил складки алого атласного кушака, словно всерьез собирался успеть по дороге на бал. Отчего невольно захотелось съездить ему по лицу, чтобы не выпендривался. — Тогда побежали.

Ну он издевается.

— Какое-нибудь вьючное животное или телепортация? — пораженно пискнула я.

Признаться, марафонские забеги не мой конек. Бегаю я неплохо, но выкладываюсь преимущественно на короткие дистанции.

— К сожалению, невозможно, — повел плечами демон с таким недоумением, будто об этом обстоятельстве все просто обязаны знать еще с младенчества. — На территорию казарм нельзя телепортироваться. Это вынужденная мера против внезапного нападения противника. А на передвижение верховых животных нужно специальное разрешение.

— Ладно, бежим, — нетерпеливо фыркнула я, чувствуя, что вот-вот взорвусь от нетерпения.

И мы побежали. Правда, сначала побежала я одна, и, как оказалось, не в ту сторону. Аполлион ехидно сообщил об этом, крикнув в спину, но предварительно любезно позволил мне пробежать метров сто. Я выругалась, вызвав на породистом лице демона самодовольную улыбку. В мои планы не входило тешить демона нецензурными выпадами в его адрес, потому я даже стойко прикусила язык из вредности. Вряд ли Аполлион оценил всю жертвенность моего поступка, как и то, что не получил пинок по голени, хотя ударить ох как хотелось.

Теперь мы дружно побежали в другую сторону, и я сразу возненавидела марафон. Я и раньше не была сильна в забегах на дальнюю дистанцию. Сейчас же окончательно поняла: точно не мое. Демон, чей легкий бег наводил на мысль о наличии родни среди страусов или гепардов, сдерживал свой бег. Как и положено врагу рода человеческого, раздражал своей неутомимостью, вводя

в грех зависти и сквернословия одновременно. С другой стороны, уязвленная гордость (гордыня, кажется, тоже один из смертных грехов) не давала мне ни сбавить темп, ни молить о пощаде. Коридоры казались бесконечными и более запутанными, чем Лабиринт с Минотавром. Если Аполлиону в его огненноволосую голову взбредет бросить одну взбалмошную девицу прямо здесь и сейчас, ему стоит всего лишь поднажать, оставив меня рыдать на полу от усталости, физического истощения и отчаяния. Но он этого не сделал, хотя, положа руку на сердце, я была бы благодарна за любую передышку, не важно, каким образом она будет предоставлена.

Видимо, Господь слышит наши молитвы даже в аду, хотя странно, ведь я ему не молилась. Не потому, что не хотела, просто не знала как. Тем не менее Аполлион неожиданно предоставил желанный отдых, бесцеремонно толкнув в один из боковых проходов прямо на чьи-то выбеленные временем скелеты. Я не поняла, обо что так сильно ударилась, пока не запустила в огненноволосого чьим-то черепом, вызвав на смуглом лице недоумение. Череп с глухим стуком ударился о задрапированную черным атласом грудь, отскочил и гулко упал на пол центрального прохода, откуда укоризненно уставился на нарушителей вечного покоя пустыми провалами глазниц.

— С ума сошел?! — шокированно вопросила я то ли у демона, то ли у черепа.

Вместо ответа Аполлион пылко прижал меня к каменной стене туннеля, прикрыв от входа своим крепким телом.

— Ну да, давай еще поцелуемся, — ядовито предложила я, хотя у самой сердце билось где-то возле гортани.

Очень надеюсь, что это последствие слишком сильных физических нагрузок.

— Ну если тебя это развлечет, — лукаво усмехнулся он, придвигаясь еще ближе, так, что едва не расплющил меня о стену, и я ощутила себя камбалой, на которую навалилась неимоверная толща океана.

Меня обволокло острым мускусным духом его тела — сплошная мощь и мышцы. Электричество пронеслось от горла к ногам, задевая на своем пути многое другое. Я хватанула ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег прибоем.

Видимо, на многие яды у нахального типа имелось свое противоядие. Каков на вкус поцелуй демона и собирался ли Аполлион целовать, я так и не узнала. Внезапно мимо круглой дыры в основной коридор медленно проползло пламя. Его гудящие струи облизнули стены туннеля, обдав нестерпимой волной жара кожу, прошлись по спине демона. А затем схлынули,

как морской отлив, и удалились, оставив как напоминание о себе, потрескивающий обугленный череп на полу коридора.

— Что это было? — одними губами прошептала я, охрипнув разом на пару октав, все еще не веря, что гигантская огненная волна благополучно миновала, не принеся ощутимого вреда.

— Как что? Огненный демон, разумеется, — спокойно ответил Аполлион, словно знать всех обитателей бездны святая обязанность каждого. Даже случайного путника, заброшенного сюда сумасшедшим шаманом.

Я потрясенно сморгнула. В глазах все еще ярким видением стояла страшная картина жадно лижущих стены туннеля языков пламени. Череп на полу главного коридора громко щелкнул и рассыпался золой.

— Ничего себе у вас тут обитатели, — нервно сглотнула я, представляя, что горстка пепла на полу могла остаться от моего хрупкого и горячо любимого организма. Картинка вышла далекой не жизнерадостной. — И как только здесь живете?

— Активно и очень интересно, — многозначительно подмигнул демон. Понимай как знаешь — то ли шутка, то ли ему и впрямь здесь очень нравится. Впрочем, у его сестренки тоже весьма специфическое чувство юмора. Наверное, это у них семейное. — Конечно, мы можем простоять здесь хоть неделю и лично я не особо стану возражать, но сдается мне, не поторопимся — проблемы у твоего кота вырастут до катастрофических размеров.

Я тряхнула рыжей спутанной гривой волос. Сейчас не время для незапланированных остановок. И тем не менее я не была бы особой женского пола, если бы не сделала в уме пометку привести голову в порядок в ближайшем будущем или хотя бы когда выберусь из геенны огненной. И все же, несмотря на решимость добраться до тигра любой ценой, проходя мимо горки пепла, невольно вздрогнула всем телом. Стены коридора еще хранили жар огненного демона, кое-где даже остались закопченные отпечатки, подозрительно смахивающие на очертания чьих-то навсегда застывших тел. Очень не хотелось даже думать, что когда-то это ползало, летало или что оно там делало до встречи с огненным демоном. Должно быть, жаркий парень этот самый демон.

— Мне показалось или языки пламени тебя настигли? — поинтересовалась я, осторожно огибая то, что осталось от черепа, боясь наступить на него ненароком. Бежать дальше не имело смысла. Мало ли какие неожиданные встречи могут произойти в лабиринте. Не хотелось случайно напороться на нечто подобное и украсить закопченным силуэтом стены.

— Тебе не показалось, — самодовольно усмехнулся Аполлион.

— Но ты жив.

— А ты будто сожалеешь? — изогнул бровь он, подхватывая под руку и увлекая за собой.

М-да. Ни дать ни взять парочка на прогулке. Правда, очень странная. Огненноволосому, в его щегольском наряде, хоть сейчас на бал. Меня же, перепачканную и в лохмотьях, даже обслуживать бал не возьмут. Слава богу, если как Золушке дадут посмотреть в дворцовые окна.

— Разумеется, нет. Кто еще станет искать моих друзей, не требуя ничего взамен, — в тон ответила я, поскользнулась и от души потопталась на его ногах.

Думаю, стадо слонов не сделало бы это лучше.

— М-да. Кажется, я знаю почему, — поморщился Аполлион, разглядывая грязь от моих подошв на своих сапогах.

— Пардон, — с неловкой улыбкой выдавила я. — Но, если огненный демон так ужасен, как вышло, что ты выжил после его прикосновения? Здесь определенно есть какой-то секрет.

— И ты не успокоишься, пока его не разгадаешь? — насмешливо поинтересовался демон. — Женщины! Что наши, что человеческие — природа одна. Всюду свой нос сунуть надобно.

Ну вот, нос ему мой не угодил. Между прочим, он меня вполне устраивает. Иногда я даже нахожу его вполне очаровательным.

— Хорошо, — продолжал между тем демон. — Ты, наверное, очень удивишься, но в моей живучести вовсе нет никакого секрета. Я один из верховных демонов, и меня сложно убить.

— Допустим, — недоверчиво покосилась на него я. — Но разве подобные свойства распространяются на одежду? Атлас, смею заверить, неплохо горит.

Вернее, горит он превосходно. В детстве лично проверяла, обжигая пламенем спичек необработанные края атласных лент. Тут главное — своевременная реакция. Чуть зазеваешься, и привет! Либо половину ленты спалишь, либо край получится неровный.

Улыбка Аполлиона стала еще шире, всем своим видом он напоминал Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес». Если начнет неожиданно исчезать и появляться, точно озверею.

— Сразу видно, что о демонах ты не имеешь ни малейшего понятия, — резюмировал он.

— Ну и что? — ничуть не смутилась я. — Демонология не входила в обязательный курс школьной программы. В конце концов, я же не Гарри Поттер и обучалась не в Хогвартсе.

— Гарри Поттер? — удивился демон, но тут увидел выражение моего лица и осекся. — Впрочем, не важно. Вовсе не стоит рассказывать мне очередную длинную историю про извращенцев, полную трагизма.

— Ладно, — пожала плечами я, обдумывая, стоит ли расстраиваться из-за того, что моим талантом рассказчицы пренебрегают, и могут ли в детской книжке присутствовать извращенцы.

Хотя, если хорошенько подумать, без оригинальных, слегка тронутых личностей некоторые повествования теряют изрядную долю своей привлекательности.

— Со мной соглашаются? Это что-то новенькое, — радостно сообщил демон. — Поэтому в качестве поощрения признаюсь: это не просто одежда, а практически полный доспех. Его так просто не расплавишь.

От неожиданности заявления я даже остановилась и воззрилась на спутника в полном недоумении. Ощущение такое, будто меня нагло обманывают, а я при этом еще должна улыбаться и кивать. Аполлион не сразу понял, что за ним никто не следует, и сделал пару шагов, прежде чем осознал очевидное: меня нужно либо тащить за собой силой, либо остановиться для объяснения.

— Мы уже никуда не идем? — почти ласково поинтересовался демон.

— Видишь ли, я давно взяла себе за правило никуда не ходить с теми, кто нагло меня обманывает. Я даже дорогущий навигатор выбросила без сожалений, когда по его подсказкам чуть в озеро не заехала, хотя точно прокладывала маршрут к собственной работе, — категорично заявила я, подбоченившись для большей авторитетности. Но впечатления особого на демона не произвела ни монументальной позой самовара, ни тоном.

Конечно, сложно поразить воображение того, чей дом — ад в буквальном смысле этого слова. Но кажется, мне это удалось. Похоже, преодолевать трудности — мой конек, как, впрочем, и создавать их.

Сильная рука сграбастала остатки воротника моей куртки и бесцеремонно вздернула вверх, как нашкодившего щенка, сделавшего лужу в коридоре на любимом коврике. Мех жалобно затрещал под черными ногтями, но выдержал. «Все-таки хорошая была курточка», — с тоской подумала я, бестолково болтая ногами в воздухе в безнадежной надежде пнуть демона в какое-нибудь уязвимое место.

Но Аполлион вовсе не собирался предоставлять возможность для своего членовредительства, потому благоразумно держал мое

трепыхающееся тельце на безопасном расстоянии от своего.

«Боги! О чем ты думаешь?! — трагически возопил Кумивар, тщетно взывая к моему разуму или инстинкту самосохранения, но не дозвался. Видимо ранее оба были в отсутствии, оставив после себя какое-то странное чувство пустоты. — Тебя сейчас будут бить, а ты все о шмотках? Женщины! Полные шкафы набьют, вешать уже некуда, дверцы трещат, а все мало. С кем приходится работать!» — риторически возопил он.

«Не нравится — проваливай, — с глухим раздражением медведя, в берлогу которого кто-то кинул камень, посоветовала я. — Навязались на мою голову, и теперь я вынуждена терпеть вашу болтовню до звона в ушах. Просто возмутительно, когда даже в собственных мыслях нет уединения!»

«Действительно, брат, ты несколько бесцеремонен с нашей воительницей, а между тем еще неизвестно, чем может закончиться для нас ее гибель», — вставил свое веское слово в дискуссию Джастудай.

«Ну вот, кажется, меня уже похоронили», — тяжко вздохнула я.

— Разве ты поймала меня на лжи? — настойчиво поинтересовался Аполлион, и даже пару раз, для особой доходчивости вопроса, встрянул меня, как чистоплотная хозяйка встряхивает пыльный коврик.

— Ну ты же сам сказал, что на тебе доспехи, — напомнила я, ничуть не раскаиваясь в своем заявлении.

В конце концов, даже верховному демону не позволено держать меня за дуру. Пусть я и веду себя по-дурацки, но надо же иметь снисхождение к женским слабостям.

— И от своих слов не отказываюсь, — нагло подтвердил он.

— Прости, но доспехи — это в принципе здоровенная куча бряцающего железа, которую даже не всякая лошадь свезет не надорвавшись, — со знанием дела заметила я. Сэр Толеснал, например, как порядочный рыцарь, выглядел именно так. У него даже шлем с забралом имеется. — А под твою рубашку ни приличный бронежилет, ни кольчугу не надеть. О рыцарском панцире и говорить нечего.

В ответ Аполлион рассмеялся. Смеялся он с чувством, раскатисто, можно сказать, заразительно, но лично я не очень люблю, когда смеются над чем-то, чего я не понимаю. Можно и надо мной поржать, пожалуйста, но будьте добры сначала озвучить причину. Тогда, возможно, я даже повеселюсь с вами за компанию.

Разобидевшись, я демонстративно шмыгнула носом, вывернулась из жалких остатков собственной куртки (все равно

это тряпье греть не в состоянии, а в аду щеголять в нем не стоит — можно ведь тепловой удар схлопотать запросто) и гордо пошлепала, как мне показалось, в нужном направлении. Сама Тиграша найду. Нашла я Бродягу, когда заплутала в песках Забытой пустоши, и в аду как-нибудь не заблужусь.

Огненноволосый некоторое время молча наблюдал за моим гордым шествием, затем все-таки нагнал. Вероятно, решил, что лишаться такого развлечения, как человеческая девица, путешествующая в поисках своих друзей в бездне ада, из-за перепалки глупо.

— Ладно, не обижайся, — примирительно мурлыкнул он, бодро шагая в ногу.

Направление похода он корректировать не стал, значит, иду правильно. Моя самооценка поднялась на один пункт. Недолго и возгордиться.

— На самом деле я трачу бездну энергии, чтобы мои доспехи выглядели именно так, — доверительно сообщил Аполлион.

Я даже споткнулась от удивления. По-моему, если не хочешь, чтобы на тебя напали, нужно сразу поставить окружающих в известность — связываться с тобой себе дороже. Иначе устанешь мечом отмахиваться от разнообразных любителей легкой поживы, для которых шелк твоей рубашки — уже барыш, даже немного запачканный твоей кровью. Помню, когда меня угораздило угодить в этот мир, а затем спасти эльфийскую принцессу, к нам тоже приставал невнятный субъект, мечтающий обобрать до нитки. Справедливости ради, без мелочи в его тощем, как бы больном анорексией, кошельке, который я экспроприировала, нам бы не удалось позавтракать. Но это к слову.

Чувствуя себя девчонкой, выбирающей материал на выпускное платье, я недоверчиво пощупала гладкий атлас черной рубашки. Не могла не проверить, такова уж натура — верить только тому, что можно пощупать. Попадание в этот мир немного поколебало некоторые представления о жизни в целом, но иные вещи так просто не меняются.

Ткань действительно и на ощупь походила на плотный шелк с атласным переплетением нитей, выглядела на редкость натурально как на невооруженный взгляд, так и на ощупь.

— Штаны проверять будешь? — заинтересовался моими манипуляциями демон.

Я проглотила слова, которые рвались из груди: «Да! Снимать будешь?» Потому что боялась, что этот снимет, а для стриптиза не время и не место.

— Нет. Поверю на слово. Но зачем тратить, как ты выразился, «бездну энергии», чтобы доспехи выглядели как обычные вещи?

Если все равно приходится таскать на себе гору зверски тяжелого железа, не все ли равно, как оно смотрится со стороны?

Длинные бронзовые пальцы Аполлиона стиснули мой подбородок. Острые черные когти коснулись кожи, однако не ранили ее. Зная о возможностях подобных когтей не понаслышке (у Нефры коготки были ничуть не тупее), я внутренне приготовилась к боли и боялась лишний раз вздохнуть, чтобы не обзавестись глубокими царапинами на скулах.

— Ты всего лишь наивное человеческое дитя, — растянул чувственные губы в улыбке демон, и в уголках рта появились опасные острия клыков. — Что ты вообще знаешь об этом месте и жизни в нем? Запомни, здесь все не так, как выглядит на первый взгляд. Шелк и бархат не всегда шелк и бархат. А сталь не всегда сталь. Это мир магии, иллюзий, фантазии, иносказаний, намеков и скрытого смысла. А еще боли и страданий. Любой, кто носит броню открыто, если он не солдат или гвардеец при исполнении, слаб. У него слишком мало магических сил, чтобы тратить их на иллюзию или трансформацию. Те, кто пользуется качественной иллюзией или, что гораздо выше по сложности, трансформацией, — сильные демоны и занимают высокую ступень в иерархии.

— А не проще ли вообще не надевать доспехи? — все еще не сдавалась я.

— Ты когда-нибудь видела высокопоставленных лиц без охраны? — спросил Аполлион.

Вопрос заставил задуматься. В своем мире мне как-то не приходилось видеть подобных субъектов вне телевизионного ящика, но что их должны сопровождать телохранители, я знала. Здесь же первой, кого я встретила, была принцесса Норандириэль, но ее сопровождала целая банда разбойников. Хотя, наверное, этот случай нельзя считать рядовым и он не может служить показателем. Поэтому я просто пожала плечами. Пусть понимает как знает.

— Не важно, кто ты — человек, эльф или демон. Если ты достиг каких-либо значительных высот в обществе, всегда найдутся желающие поживиться за твой счет, потребовать выкуп за твою жизнь или убить — разумеется, тоже за хорошее вознаграждение от заинтересованных лиц. Поэтому либо ты ходишь в окружении вооруженной до зубов стражи, либо доказываешь всем, что связываться с тобой и мучительная смерть — понятия-синонимы.

Я внимательно всмотрелась в янтарные глаза с вертикальными зрачками, в которых словно танцевали отблески невидимого пламени. Надо отдать ему должное, может он

нагнать жути, если того хочет, да и выглядеть внушительно, когда пожелает.

— Мой тигр все еще в опасности, — напомнила я Аполлиону о цели нашей милой прогулки.

— Главное — вовремя вспомнить о друзьях, — философски заметил он.

— Кстати, а почему мы, кроме огненного демона, никого не встретили?

— Чтобы попасть в эту часть подземелья, нужен определенный допуск, и не у всех он есть. Впрочем, иногда здесь встречаются не только огненные демоны, так что кроме патруля здесь мало кто бывает. А патруль сейчас занят твоим котом.

Звучало не очень обнадеживающе. Видимо, на моем лице отразилась смесь отчаяния с тоской по домашнему любимцу, потому что Аполлион снизошел до утешения бедной человеческой женщины.

— Не волнуйся, хотели бы убить, прикончили бы сразу.

— Да? — недоверчиво шмыгнула я носом, пытаясь не раскиснуть раньше времени. — А чем тогда они там дружно занимаются?

— Пытаются взять живьем, разумеется.

Слово «живьем» внушало некоторый оптимизм. Но тем не менее следовало спешить. И мы поспешили.

Мы выскочили из-за очередного поворота и еле успели затормозить, чтобы не врезаться в конечную цель нашей длительной пробежки. Весь десяток демонов имелся в полном составе. Тиграш все так же затравленно отбивался, даже не претендуя на контратаку. Бедняга явно решил дорого продать все девять кошачьих жизней, только вот покупатели пока не находились. К компании присоединился какой-то мелкий бес, чья короткая серая шерстка стояла торчком от возбуждения, словно щетина бутылочного ершика. Пятачок его постоянно подергивался, хвост трясся в азартном танце, а раздвоенные копытца пританцовывали, выбивая дробь на гладком полу подземелья. И как только не поскользнулся, чудик! Я бы при такой активности раз пять навернулась, а этот мало того что суетится, так еще и подзуживает демонов, вереща как потерпевший.

— Ату его, ату! Хватайте его, пока он тепленький!

Все, включая тигра, не обратили на нас с Аполлионом ни малейшего внимания. Странно. Если демон даже на бегу умудрялся передвигаться бесшумно, да еще с непередаваемым изяществом, словно любым движением делал огромное одолжение всему миру в целом, то я топала, как стадо мамонтов,

а на последних метрах хрипела, как загнанная пожарная лошадь.

— Так! Что здесь происходит?! — злобно поинтересовалась я у присутствующих, но была нагло проигнорирована.

Я возмущенно подбоченилась и повернулась к Аполлиону в поисках поддержки, но наткнулась на стену непонимания. Огненноволосый демон явно не собирался оказывать мне какую-либо помощь, просто беспомощно развел руками — выкручивайся, мол, сама. И отступил назад, предоставив мне, хрупкой, беззащитной человеческой девушке, решать собственные проблемы самостоятельно. Ну почему, когда со мной случается какая-то неприятность, мужчины предпочитают самоустраняться, пока ситуация не разрешится благополучно? Традиция, наверное, у них такая.

Поняв, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, я расстроилась. Больше всего меня раздражал мелкий бес, который непосредственно сам в травле не участвовал, зато подленько подзуживал демонов к кровопролитию. Что ж, раз публика жаждет крови, она ее получит.

Я крепко ухватила беса-подстрекателя за длинный хвост, увенчанный кисточкой в форме сердечка, раскрутила, как древний воин пращу, и откошмарила полученным оружием нападавших на Тиграша демонов. При этом я полностью игнорировала дикие завывания обладателя серой короткой шерсти, издаваемые довольно противным голосом. К концу экзекуции демоны отступили и смотрели на мою разбушевавшуюся персону как на буйно помешанную, которую в самый раз сдать в дурку на излечение. Кумивар ржал так, что в голове звенело, как в хорошей звоннице, а все гиены в Африке передохли от зависти. Джастудай укоризненно сетовал на то, что мечи оказались вычеркнуты из списка участников побоища. Это да. Умудриться забыть про наличие оружия могла только я. Зато драка вышла незабываемой и оригинальной в первую очередь для беса. Мелкий бес высоко оценил мою предприимчивость и теперь нежно терся о ноги, норовя запечатлеть страстный поцелуй на сапогах.

— О-о-о! Моя госпожа… — сладострастно стонал он, закатывая глаза в экстазе. — Меня еще никто так не унижал!

Несмотря на мои решительные попытки отбросить явного мазохиста в сторону, тот отказывался расставаться с моими штанами, видимо мысленно сроднившись с ними. Похоже, избавиться от него можно только вместе с одеждой, а я еще не была готова к стриптизу в присутствии десяти демонов. Пришлось волочь за собой бьющегося в экстазе рогатого, направляясь к тяжело дышащему тигру.

— Тиграш, — неуверенно позвала я любимца.

В кошачьих глазах мелькнула искра узнавания. Кот перестал угрожающе скалить зубы и издал рокочущий звук.

— О мой дорогой! — растаяла я, прижимаясь к вновь обретенному питомцу.

«Ну вот, опять ее тянет сюсюкать! Меня сейчас вывернет от этого сладкого сиропа», — фыркнул Кумивар.

«Не нравится — отвернись!» — ехидно посоветовала я и непременно надулась бы в ответ на грубость клинка, но передумала. Незачем омрачать радость встречи глупыми препирательствами и ненужными обидами.

«И рад бы отвернуться, да некуда, — фыркнул Кумивар. — Мы с тобой в одном теле — ты и я».

«И я. Про меня не забывайте», — напомнил о своем присутствии Джастудай, вызвав во мне безотчетное желание сплюнуть с досады.

Просто не тело, а теремок какой-то. Положительно, эта пара кого угодно доведет если не до седых волос, то до нервного срыва точно.

— Похоже, эти двое старые знакомые, — удивленно прошипел один из чешуйчатых змеелюдей.

— Похоже на то, — спокойно согласился Аполлион, многозначительно поигрывая огненным хлыстом.

Непринужденность позы огненноволосого вкупе с завораживающим танцем боевого хлыста свидетельствовали о том, что демон знает не один способ его применения.

— Славное кольцо, — рыкнул один из волколюдей, ужасной дикцией доказав, что волчья пасть плохо приспособлена для членораздельной человеческой речи.

В глубине души я начала было возмущаться. Я, между прочим, тут бои без правил устроила, а они ювелирку обсуждают?

«Балда! — раздраженно фыркнул Кумивар. — Пусть ты начала делать некоторые успехи как воительница, на мой взгляд весьма сомнительные, но все-таки по части сообразительности у тебя имеются проблемы».

«Вместо того чтобы критиковать, мог бы просто сказать, в чем дело?» — злобно поинтересовалась я у противного, занудного клинка, обижаться на который просто не было смысла, иначе придется все время ходить с надутыми губами. М-да. Хочешь получить пухлые губы без ботокса, заведи себе говорящие клинки.

«Моя леди. — Вкрадчивое вступление Джастудая пролило живительный бальзам на мое уязвленное самолюбие. — Мой брат хотел сказать, что эти свирепые демоны, скорее всего, заметили дивное родовое кольцо нашего провожатого. Судя по всему,

Аполлион, как брат адской девы Нефры, занимает далеко не последнее место в местной иерархии».

«Хочешь сказать, мне просто поддались? — нахмурилась я. — Поэтому позволили слегка побить себя, используя для этой цели беса?»

«Считаю, именно так оно и было. Но некоторые твои приемы весьма недурны», — деликатно заметил Джастудай.

Пока я раздумывала, хорошо это или плохо, что демоны не стали драться всерьез, Аполлион снизошел до ответа:

— Да, я тоже так считаю. Все-таки раньше некоторым ювелирам удавалось найти идеальное сочетание камня и оправы. Вот так рождались истинные произведения искусства. Не правда ли, дорогая?

Честно говоря, я не сразу поняла, что вопрос адресован именно мне, а не какой-нибудь другой «дорогой», незаметно появившейся на сцене. Но все взгляды присутствующих скрестились именно на моей скромной персоне, откуда следовал вывод: ответ ожидали из моих уст. Никогда не разбиралась ни в камнях, ни в оправах, поэтому просто кивнула, чтобы не выглядеть еще глупее.

— Замечательно, когда невеста во всем придерживается мнения будущего супруга. Не в этом ли заключается сама суть гармонии в браке? — насмешливо прошипел еще один змеелюд.

М-да. Кажется, как будущая супруга огненноволосого я отнюдь не повергла их в восторг, да и падать ниц они не спешили. Странно, ведь если я стану супругой брата Нефры, я должна подняться на высокую ступень местного общества. Или я что-то не понимаю? Под шумок я вновь попыталась отодрать прилипчивого беса, но тот все еще находился в экстазе, и удалить его можно было только хирургическим путем, безжалостно ампутируя собственную конечность. Этот суровый шаг сделать я не могла. Конечно, можно попробовать отрезать самого беса, но вдруг промахнусь? С моим везеньем лучше не рисковать.

— Фу-у-у, — насмешливо фыркнул человеко волк. — Приторно, как розовая вата, и надоест раньше, чем растает на языке. Такой союз наскучит уже через сотню лет.

— По-твоему, если молодые живут как кошка с собакой, их союз обречен на счастье? — заинтересовался змеелюд.

— Ты что-то имеешь против сиятельной Нефры и Рефеция? У них месяца не проходит без ссоры и года без объявления войны. А между тем они счастливы уже не одну сотню лет. Да правят они нами еще одну тысячу!

— О чем мы спорим? — радостно осклабился еще один человековолк. — Люди не живут долго. Их век короток. Всего

пара сотен лет, и чуть больше, если они маги. Кстати, сиятельная Нефра в курсе этого возмутительного мезальянса? Пойми меня правильно, Аполлион, лично я против тебя ничего не имею, но, когда речь идет о чистоте рода, просто не могу позволить свершиться этой вопиющей мерзости. Связать себя узами брака с человеком?! Я вынужден немедленно довести это известие до сведения твоей сиятельной сестры.

Все демоны (кроме пыльных шаров, которые участия в общей беседе не принимали и вообще были на редкость неразговорчивы) дружно изобразили гримасы, исполненные осуждения, заклеймив наш предполагаемый брак презрением, как чудовищный мезальянс. Не то чтобы я всерьез планировала облачиться в белое, всучить шлейф ангелоподобным детишкам и степенно прошествовать к алтарю под завистливыми взглядами соперниц, но когда какие-то страхолюдины считают меня недостойной своего рогатого собрата, начинаю звереть. Просто так и тянет подбочениться, смерить оппонентов уничижительным взглядом и вопросить: «Это я-то не такая?!» Но не успела я мило сообщить окружающим, что прежде чем судить о чужих достоинствах, неплохо бы самим посмотреться в зеркало, как рука Аполлиона властно легла на мою талию. Честно говоря, жест меня покоробил. Была в нем какая-то бескомпромиссность, что ли, будто демон подчеркивал свои права и мое мнение на этот счет его нисколько не волнует. Но протестовать я не стала. Момент был не тот.

Одним резким движением демон отодрал все еще декламирующего жуткий бред мелкого беса от моей многострадальной конечности, встряхнул им, как домохозяйка пыльным половичком, а затем спокойно запустил смиренно притихшего от творимого беспредела серенького рогатого прямо в один из пыльных шаров. Экзотическое перекати-поле тут же с особым смаком всосало беднягу внутрь. Разве что благодарно не рыгнуло.

— А-а-а-а! Оно его съело! — пораженно пискнула я, невольно прижимаясь к огненноволосому.

С другой стороны ко мне прильнул теплый бок Тиграша. Тигр на всякий случай обнажил клыки, готовый драться до последней капли крови, если потребуется.

— Не волнуйся, дорогая, никто твоего поклонника не ел. Это всего лишь клетка. Ему там вполне уютно… по крайней мере, пока она стоит на месте.

— Клетка? — восхитилась я. — Надо же, как удобно! Сама за вами катается, сама пленных на место доставляет.

— Нам тоже нравится, — согласился Аполлион.

— Ну так что? — напомнил о себе человековолк. Настойчивая он личность, нечего сказать. — Мне сообщить Нефре известие о твоей невесте (слово «невеста» в его нечеловеческих устах прозвучало как ругательство) самому или, может, составишь мне компанию?

— Охотно, Онцифир, — усмехнулся Аполлион, хотя скорее это было просто движение губ, нежели реальное веселье, коснувшееся огненного янтаря глаз. — Надо же посмотреть, как сестра устроит тебе выволочку, чтобы не совал свой длинный нос в чужие семейные дела. Кстати, раньше существовала дивная традиция казнить гонца, принесшего дурные вести. Надо бы порекомендовать сестренке вернуть замечательный обычай. В конце концов, новое — хорошо забытое старое. Не находишь?

Человековолк поперхнулся, округлив глаза. Аполлион не стал долго любоваться зрелищем изумленного противника, резко развернул меня на сто восемьдесят градусов и повлек за собой в обратном направлении. Очень решительная личность этот демон, может словом так припечатать, что лучше бы ударил, не так обидно было бы.

Тиграш звучно чихнул в сторону недавних мучителей, весьма однозначно выразив свое презрительное отношение к этим субъектам. Окончательную точку кот поставил, сделав несколько мощных движений задними лапами, словно закапывал нечто неприятное и дурно пахнущее песком. Затем деловито нагнал нас.

Что ж, по мне так замечательное начало поисков друзей. Тигр уже найден, потрепанный, но живой и даже с седельными сумками, где имеется запасная и, главное, чистая одежда. Жизнь определенно начинала налаживаться, хотя налаживать жизнь в аду я не планировала.

Обратный путь был столь же извилист и запутан, с той лишь разницей, что никто из адских обитателей дорогой нам не встретился. Мне бы насторожиться при виде подобной малонаселенности бездны, но я слишком устала. Моя голова была занята тем, чтобы не дать обессиленному телу рухнуть на пол и впасть в долговременную спячку, как медведь зимой. Надо отдать должное Тиграшу, он предлагал свои услуги ездового животного, но я вынуждена была мужественно отклонить его щедрость. Неизвестно, в каком состоянии зверь после облавы демонов. Пусть его путь не отмечал кровавый след тяжело раненного, его не штормило от слабости, но это вовсе не показатель прекрасного самочувствия. Густая шерсть кота местами окрашена кровью и какой-то темной, склизкой на вид дрянью, спеклась коркой. Пока не отмою кота дочиста, точно не узнаю, его ли это кровь или чья-

то еще.

ГЛАВА 13

Берег темноводного озера, на который мы неожиданно вышли, стал сюрпризом. Я с любопытством посмотрела на маслянисто-черную воду, отдаленно напоминавшую сырую нефть, с той лишь разницей, что при долгом разглядывании антрацитовой поверхности тьма словно отступала и неожиданно обнажался многоцветный перелив янтаря от смолисто-прозрачного до огненно-темного, почти оранжевого. Но стоило только сморгнуть, как уже вроде бы и не янтарь это вовсе, а что-то темно-красное, гранатового оттенка.

— Раздевайся, — спокойно обронил Аполлион, словно женская обнаженка на берегу подземного озера со странной жидкостью вместо воды не только обычное дело, но и вообще традиция.

Я удивленно моргнула и на всякий случай спросила:

— Зачем?

Может, мне уже пора кричать: «Руссо туристо! Облико морале!»

— Ты же не собираешься лезть в озеро в одежде? — вопросом на вопрос ответил демон и даже удивленно изогнул огненную бровь, словно из нас двоих ерунду сморозить могла только я.

Положа руку на сердце, купаться в сомнительной жидкости я вовсе не собиралась. Да что греха таить, на нее просто смотреть и то было страшно противно. Оставалось сообщить свою точку зрения демону, не особо его расстраивая отказом. Как-никак мне еще команду искать, и без Аполлиона эта задача практически неразрешима. Если нас с Тиграшем раскидало на такое расстояние, хотя шаман отправил нас одновременно, страшно подумать, куда занесло остальных.

— Я купальник не захватила, — доверительно сообщила я, кокетливо опуская глаза и напуская на себя максимальную стыдливость, на которую была способна.

Вопреки ожиданиям, Аполлион не стал сетовать на мою забывчивость или лестью уговаривать обнажиться, мол, такую дивную фигуру лишние треугольники ткани только портят. Лишь равнодушно пожал широкими плечами, словно думал о чем-то своем, и уточнил:

— То есть снимать ничего не будешь. Я правильно понял?

Я радостно с облегчением кивнула. Приятно для разнообразия быть понятой.

— Вот и славно, — резюмировал демон, сгреб меня в охапку и запустил в воздух.

Раньше я видела по телевизору, как спортсмены толкают ядро, но чтобы таким образом толкали меня… такое со мной происходит впервые.

С оглушительным визгом я шлепнулась в воду, подняв такую тучу брызг, какую не всякая касатка умудрится. Встреча с вязкой жидкостью оказалась неожиданно жесткой. Удар об ее поверхность совершенно не смягчили остатки одежды, за которые я так героически цеплялась, оберегая собственную стыдливость. Из легких вышибло остатки воздуха. Погрузившись в озеро, я вместо того, чтобы задержать дыхание, удерживая необходимые остатки кислорода, судорожно вдохнула, втянув вместо долгожданного воздуха вязкую, солоноватую, с острым привкусом железа жидкость. Тут же закашлялась и принялась тонуть, бестолково шлепая руками по поверхности. Тиграш метнулся было к демону, чтобы при помощи клыков объяснить мерзавцу, как дорого обходится неделикатное обхождение с хозяйкой, но вовремя понял, что зловредному Аполлиону грубить скоро станет некому, и кинулся на помощь. О мой герой!

Мне всегда казалось, что кошки не умеют плавать, но то ли жизнь заставит, и не тому научишься, то ли тигры счастливое исключение из правил, только кот мощно греб лапами, продвигаясь в мою сторону со скоростью байдарки.

Я судорожно вцепилась в спасительный загривок, истово молясь, чтобы не утащить собственного спасателя на дно, и только тогда смогла выкашлять остатки тягучей жидкости из легких и желудка. Фу-у-у… До чего противная штука! Да еще целое озеро. Только демонам в их рогатые головы могла прийти идея накопить огромный водоем подобной дряни да еще кидать туда гостей, чтобы неповадно было на огонек заглядывать.

— Ты меня чуть не утопил, придурок! — хрипло возмутилась я, чувствуя, как при каждом слове по горлу словно наждачной бумагой проводят.

— Придурок так придурок, — неожиданно легко согласился демон. И прежде чем я успела порадоваться его покладистости, он резко макнул поочередно тигра и меня в жидкость.

Затем повторил еще, еще и еще… К тому моменту, когда Аполлион закончил экзекуцию, мы с Тиграшем окончательно выбились из сил, нахлебавшись озерной пакости по самые уши, и держались на поверхности только чудом. Лично я твердо решила выжить хотя бы ради того, чтобы гордо плюнуть в наглое лицо мучителя, если, конечно, сумею подняться на ноги и не грохнуться без сил.

Какая жалость, что у меня в моем мире не хватило любопытства почитать на досуге что-нибудь об аде вообще и о

населяющих его демонах в частности. В мире столько умных книг, наверняка кто-нибудь написал что-то вроде наглядного пособия «Тысяча и один способ насолить доставшему вас демону с использованием минимума подручных средств». И было бы мило со стороны автора снабдить свой труд подробными иллюстрациями. Ладно, черт с ним. Согласна на схематичные.

Судорожным усилием я выдернула свое практически лишенное чувствительности тело из озера и выбралась на каменный берег, как обессиленный долгой миграцией тюлень на полярные льды. В переполненном противной влагой животе совершенно неприлично булькнуло, к горлу подкатил неприятный комок. Я судорожно сглотнула, не давая произойти неприятности. Если меня сейчас стошнит, нужно постараться, чтобы от этого больше всех пострадал виновник моих бед.

Под насмешливым взглядом Аполлиона я честно попыталась подняться на ноги. Но тряслись даже руки, а ног я вообще не чувствовала, словно они находились где-то в другом месте, совершенно отдельно от измученного организма. Не имея других стратегий, я поползла по-пластунски к ногам демона и попыталась хотя бы укусить, раз уж плюнуть в лицо не судьба. Впрочем, если верить поэме, Вещий Олег скончался от укуса гадюки, проживавшей в черепе его боевого коня и коварно цапнувшей князя в ногу. Что ж, отлично. Яда злости во мне сейчас достаточно, чтобы от одной капли вымерли все демоны ада.

Но и тут поджидало жестокое разочарование. То ли у гадюки зубы крепче, то ли мои резцы подкачали, утратив былую крепость в отсутствие «Блендамеда», но сапоги прокусить не удалось. Даже поцарапать слегка и то не вышло. К вящей досаде, Аполлион еще и от души повеселился, наблюдая за моими жалкими потугами.

— Вот это благодарность! — нагло возрадовался он. — Репетируешь роль нежной, любящей жены, целующей сапоги своему обожаемому супругу?

В ответ я злобно скрипнула зубами, чуть не раскрошив парочку из них.

— У вас в аду странные традиции топить будущих супруг. Это отбор такой по типу сортировки подозреваемых в ведьмовстве? Кто выплывет — та и невеста?

— Дорогая, если бы я всерьез надумал тебя утопить, поверь мне на слово, шансов выплыть у тебя не было бы, — жизнеутверждающе заметил демон.

Он резким движением поднял меня в воздух, перевернул горизонтально лицом вниз и осторожно хлопнул коленом в область живота. Я даже возмутиться не успела, как извергла из

себя всю попавшую в организм жидкость, как фонтан. Просто непередаваемое ощущение — до звона в ушах и темноты в глазах.

— Легче? — неожиданно ласково поинтересовался Аполлион, вручив чистый, белоснежный, пахнущий пряным дорогим парфюмом платок с замысловатым вензелем.

В данной ситуации мне ощутимо полегчало бы только в одном случае — если бы Тиграш порвал его на части, но вслух я этого не сказала. Все-таки как ни крути, а инстинкт самосохранения сильная штука.

«Наверное, ты просто взрослеешь. Становишься осмотрительней», — осторожно предположил Джастудай.

«Или, как обычно, банально трусишь», — ехидно вставил Кумивар.

Ну этот хорошее сказать в принципе не способен. Не его это стиль.

— Кстати, ты меня очень обяжешь, если попросишь своего тигра не бросаться на меня по поводу и без, — попросил Аполлион и, прежде чем я успела возмущенно вякнуть «а ты просто не давай ему повода», добавил: — Тогда мне не придется его убивать.

М-да. Демон мастер делать предложения, от которых сложно отказаться.

— Идти сможешь? — продолжал он, не дожидаясь ответа.

Впрочем, в данном случае молчание действительно служило знаком согласия.

— Попробую. Разве у меня есть выбор? — неуверенно выдавила я, когда демон осторожно водрузил мой многострадальный организм на ноги.

Конечности тут же затряслись и подкосились, меня снова замутило. Тигр злобно рыкнул в сторону Аполлиона, но бросаться не стал, в очередной раз доказав, что чувствует мой настрой иногда даже лучше, чем я сама.

— Выбор есть всегда, — авторитетно заметил огненноволосый. — Но безопасней, чтобы ты сделала правильный.

— Это угроза? — нахмурилась я, но, так как вынуждена была использовать демона как опору, чтобы позорно не упасть на гладком берегу, выражение моего лица Аполлион не увидел.

— Нет, — хмыкнул он. — Всего лишь старое доброе предупреждение. Как, например, не стоит задавать моей сестренке неудобные вопросы и тем более провоцировать ее. Их взаимоотношения с Рефецием длительные, взрывоопасные, как дремлющий вулкан. Иногда происходит неизбежное извержение, пара ссорится, разъезжается в разные концы ада, и в бездне

начинается настоящая адская жизнь. Нефра в очередной раз доказывает окружающим, на что именно способна адская дева, если ее хорошенько разозлить. У нее просто талант делать жизнь демонов настолько невыносимой, что им ничего не остается, как просить убежища в раю.

— В раю? — пораженно пискнула я, и перед внутренним взором возникла презабавная картина, как сонмы демонов, бесов, пыльных шаров и прочих монстров бьются в райские врата с воплями: «Убежища! Убежища!», а перепуганные ангелы вяло отмахиваются от них крыльями.

— Точно. То есть сначала они дружно идут на поклон к Рефецию, валяются у него в ногах, умоляют попросить у Нефры прощения, даже если он ни в чем не виноват, умаслить ее, прекратив творимые безобразия, а взамен они будут даже не слугами, а рабами. Но Рефеций неизменно становится в позу и гордо заявляет, что нашел себя не на помойке, и, если Нефра такая дура, что не понимает, как ей с ним повезло, пусть живет себе в гордом одиночестве. Но он ее готов принять, если она попросит у него прощения и покается публично. Поэтому, когда переговоры проваливаются, демоны переходят к тактическому отступлению и пытаются пересидеть сложные времена в раю. Ангелы, разумеется, приходят в ужас и дальше врат никого не пускают. Но даже в этом случае толпа обитателей ада, постоянно толкущаяся у врат, дискредитирует обитателей рая. В итоге в бездну отправляют сначала ноту протеста с требованиями снять бессмысленную осаду и забрать своих обитателей обратно, но Рефеций с Нефрой дружно их игнорируют. Тогда в ад посылаются миротворцы, дабы примирить враждующие стороны. Нефра начинает злиться и заявляет, чтобы святоши не совали свои постные носы в ее дела. Рефеций ее поддерживает. Вместе они с боем выдворяют миротворцев из преисподней. Надо ли говорить, что ничто так не освежает отношения и не сплачивает брачные узы, как совместная боевая операция. Так или иначе, все возвращается на круги своя. Демоны получают передышку и направляются в родное место обитания. В раю облегченно вздыхают и возносят молитвы за нерушимость супружеских союзов. Надо ли говорить, что никто в целой бездне не желает лишний раз подкинуть дров в огонь под кипящим котлом этих страстей.

Что ж, это понятно. Страстный народ эти демоны. Аж оторопь берет. С другой стороны, становится понятно, почему Аполлион не стал возражать против нашей так называемой помолвки. При таком раскладе и на жабе женишься, лишь бы мир сохранить. Но это вовсе не объясняло, отчего Аполлион решил вдруг поиграть в

Стеньку Разина, бросив меня в пучину вод. Ведь при всей своей небывалой обаятельности на персидскую княжну я не тяну. Породой не вышла.

— Понятно, — кивнула я, с удовлетворением отмечая, что ноги все-таки перестали трястись от пережитого, правда слушались еще с трудом, но падение уже не грозило. Уже плюс. — Но зачем же было меня топить? Помоги найти моих друзей, отпусти на поверхность, и мы никогда больше не увидимся — гарантирую.

— Поразительно, — усмехнулся он. — Так много магов и смертных мечтают искупаться в этом озере, а ты бесишься, что я соизволил тебя макнуть?

— По-моему, угодить в вонючую жижу честь очень сомнительная, — раздраженной кошкой фыркнула я, отталкивая демона.

Наконец-то могу стоять самостоятельно.

Почему у меня все время такое ощущение, будто меня обманывают, а в чем именно — никак не пойму?

— Для кого вонючая жижа, а для кого кровь дракона. Первого из появившихся в этом мире.

— Что еще за дракон? — удивилась я.

Пальцы Аполлиона крепко сомкнулись на моем подбородке и вздернули его вверх. Больно не было, но в жесте чувствовалась еле сдерживаемая сила, и протестовать не имело смысла. Демон вперил в меня внимательный взгляд янтарных глаз, словно изучал какой-то экзотический экспонат и никак не мог понять, что с ним совершить — выбросить в мусорную корзину или сделать изюминкой коллекции.

— Ты действительно не знаешь легенду о первом драконе? — искренне изумился он.

— Уверена, ты не знаешь кучу историй, которые знаю я. Если не хочешь рассказывать, так и скажи, — обиделась я и пошлепала босыми ногами прочь.

Все равно куда, лишь бы подальше от этого странного места. Тем более у меня не было полной уверенности, что зловредный демон не надумает повторить экзекуцию. Тиграш, конечно, двинулся следом. Странно было видеть, что так называемая «кровь первого дракона» с тихим шипением испаряется с его шерсти, окутывая зверя легкой дымкой пара. Я посмотрела на собственную кисть. С ней происходило то же самое. Забавные у них тут озера. Одни спецэффекты какие-то. Оставалось надеяться, что это не яд замедленного действия.

— Ладно, не обижайся. — Голос Аполлиона прозвучал неожиданно прямо над ухом, заставив меня не только вздрогнуть,

но и подпрыгнуть. Хорошо хоть потолок туннелей находился на внушительной высоте, а то без сотрясения мозга не обошлось бы.

«Это если у тебя есть что сотрясать», — ехидно вставил Кумивар в ответ на мои мысли.

— Ты не пробовал носить колокольчик? Или шумел бы как-нибудь, что ли. Нельзя же так людей пугать, — злобной кошкой зашипела я.

— Ты идешь не в ту сторону, — нагло проигнорировал мою отповедь демон.

Я внимательно посмотрела на породистое бронзовокожее лицо. Вот бы вцепиться в него ногтями! Да вот беда, весь маникюр обломан, а без острых ногтей эффект будет не тот. Поэтому пришлось безропотно позволить демону увлечь меня в один из туннелей. Ладно. Потом найду как отыграться. Как говорится, месть — это блюдо, которое должно быть холодным.

«Смотри, как бы оно у тебя не заледенело совсем», — тут же прорезался Кумивар.

Нет. Я точно его выброшу. Когда выберусь отсюда и найду мага, который сможет освободить из меня эту гадкую стальную личность.

— Хочешь, расскажу про дракона? — неожиданно любезно поинтересовался Аполлион, отчего я споткнулась и чуть не упала носом.

Спасибо демону, поддержал.

— Полагаю, это значит — да, — весело заметил он и, прежде чем я успела пространно объяснить, какой он, в сущности козел, начал свой рассказ. — Когда-то Всевышний создал этот мир, все существа в нем, растения, камни, воду, свет и тьму. Одними из первых появились драконы, единороги и эльфы. Но был и самый первый — Черный дракон. Он был силен, и Создатель поставил его наблюдать за равновесием в мире. Но дракон возгордился. Решил, что он единственный, кто вообще имеет право на существование, как по праву первородства, так и по безгрешности своей натуры. Он видел, что все расы, включая драконов, подвержены страстям, грешат и даже не всегда замечают это. Поэтому первый дракон смог перессорить всех друг с другом. Так как, несмотря на свою силу, он не мог сражаться один против всех, он усилил страсти в окружающих, подливая масла в огонь любых противоречий. Когда окружающие поняли, что происходит, было поздно. Половина населяющих мир существ была попросту уничтожена в постоянных войнах. Но оставшиеся смогли объединиться против Черного дракона. Даже сами драконы восстали против собственного владыки. Но убить перворожденного не смогли, ибо он истинно бессмертный. Он

был ослаблен многочисленными ранами, его связали заклятиями, и истекающий кровью дракон упал в самую глубокую пропасть. Маги всех рас совместными усилиями сплели заклятие, законсервировав перворожденного в его состоянии, и воздвигли гору на месте пропасти, чтобы дракон никогда не смог ни исцелиться, ни покинуть место своего узилища. Его горячее дыхание прожгло в горе эти туннели, испарения сделали жизнь на поверхности или невозможной совсем, или такой враждебной всему живому, что соваться в эти места редко кто рискует по собственной воле. А кровь из ран сочится до сих пор. Из нее натекло то самое озеро, в котором я искупал тебя и тигра. К нему имеют доступ немногие. Кровь дракона делает любое существо, искупавшееся в ней, более выносливым, менее уязвимым и совершенно нечувствительным к огню. Теперь тебе не страшен ни дракон, ни огненный демон. И никакой благодарности с твоей стороны!

Если он рассчитывал, что после рассказа я в слезах умиления брошусь ему на шею со словами благодарности, то скорее ад замерзнет. Сначала надо было рассказывать, а потом играть в Герасима и Муму.

— Кстати, милые у тебя татуировки, — как бы мимоходом заметил Аполлион.

— Что? — удивленно подпрыгнула я.

На видном месте у меня была лишь одна тату с изображением серебряного тигра, который словно спускался с плеча, сжимая в зубах тело серебряной змеи. Вторая находилась, пардон, на ягодице. Это была пантера, чьим основным предназначением было закрыть шрам от неудачного катания на горке. Я осторожно ощупала штаны на предмет повреждения, чем сильно повеселила Аполлиона.

— Дорогая, ты меня интригуешь, — нагло ухмыльнулся он. — Но я о тех, что на руках.

Я хмыкнула, пытаясь сделать вид, будто замечание спутника вовсе не задело самолюбие, но все равно ударить демона хотелось до назойливого зуда в ладонях. Пришлось почесать их о штаны, ткань которых от купания огрубела и стояла колом, будто изначально их отливали для памятника, а потом из жалости дали мне поносить. Некоторое время я провела, выворачивая руки, рискуя их вывихнуть. Как и следовало ожидать, демон оказался прав. Татуировка с тигром не просто осталась, но и стала ярче, будто налилась изнутри жидким серебром. А вот на другом предплечье оказался грифон с хищно раскрытым клювом.

— Вот черт! Скоро я буду растатуирована, как зэчка! — в сердцах воскликнула я.

И чего они сползаются, как будто приманивает кто?

— А кто такая зэчка? — тут же заинтересовался Аполлион.

Я вперила в него пристальный взгляд. Издевается или действительно не знает?

— Это воительница из клана, славящегося своими боевыми искусствами, — нагло заявила я.

— Да? — искренне изумился тот. Сразу видно, как воина он меня не воспринимал. Немудрено. Какой из меня воин? — Тогда не вижу поводов для расстройства.

— А я очень скромная и не привыкла афишировать свои способности. К тому же лучше, когда от тебя подобного не ожидают.

— Разумно, — усмехнулся демон.

И не поймешь, поверил или просто поддержал беседу. И хочу ли я разбираться в тонкостях его реакции? Это вряд ли.

На этот раз Аполлион действительно привел меня в свои покои. Видимо, решил, что на сегодняшний день неожиданностей более чем достаточно. В любом случае в наше с Тиграшем распоряжение выделили огромную, величиной со спортивный бассейн, ванну, до краев наполненную ароматной горячей водой. Ноздри приятно щекотали запахи цитруса, плавно перетекающие в аромат восточных специй и экзотических цветов.

— Наслаждайся, — сделал широкий жест демон.

Если он всерьез рассчитывал, что после подобной щедрости я брошусь к нему на шею в слезах благодарности, то его постигло разочарование. Дело не в том, что горячая вода меня не порадовала и простейшее «спасибо» стояло комом в горле (впрочем, в некотором роде так оно и было), но я так устала, что сильно опасалась утонуть если не самостоятельно, то с помощью Аполлиона. Печальный опыт уже имелся, а подозревать демона в бескорыстности причин не было вовсе. Пар же наводил на мысль, что зловредный огненноволосый коварно задумал сварить нас с тигром в кипятке с приправой из цитрусовых, пряностей и цветов. Кто знает, может, в бездне так принято заманивать несчастных? Вымачивать в крови дракона, а потом высушивать, чтобы весь сок внутри остался при дальнейшей термической обработке. Ведь жарим же мы мясо в кляре. Принцип тот же.

Поэтому вместо того, чтобы с радостными воплями усеивать мраморные плиты грязной одеждой и прыгать ласточкой с бортика, поднимая тучу брызг, я спесиво стала в позу. Топнула босой пяткой об пол, нещадно отбив ни в чем не повинную конечность, взвыла от боли, подпрыгнула на месте, поскользнулась, чертыхнулась, упала на копчик, отбила его и наконец откуда-то снизу заявила:

— Не полезу я в эту страсть! Вот что хочешь со мной делай, а не полезу, и все тут.

Любое заявление, произнесенное после такого замечательного акробатического этюда, производит на слушателей неизгладимое впечатление. Демон исключением не был, но проживание в аду закалило хвостатого. Он не помер со смеху на месте, нещадно надорвав живот, хохоча над моей неуклюжестью. Просто растянул губы в лукавой улыбке, слегка прищурив пламенеющий янтарь глаз с вертикальными зрачками, как огромный кот, лениво поджидающий мышь и делающий вид, словно у ее норы он оказался совершенно случайно. Просто так карта легла. Ничего личного.

— Ты и понятия не имеешь, что именно я хочу с тобой сделать, — многозначительно сообщил он. — Мой тебе совет — не искушай меня.

Сказал и ушел, нагло оставив меня сидеть и думать, что именно он имел в виду.

— Так варить меня сегодня будут или нет? — вопросила я кота, так как спрашивать, кроме него, было совершенно некого.

В ответ Тиграш устало подошел ближе и нежно лизнул шершавым языком в щеку.

— Ладно. Если что, мы успеем выпрыгнуть, — констатировала я, глядя в сторону заманчиво чистой воды. — К тому же ее можно попробовать, прежде чем погружаться полностью.

Кряхтя, как столетняя бабка, которую разбил ревматизм, я поднялась на ноги и расседлала тигра. Один взгляд на многострадальное седло заставил душу возрыдать. Такую грязь уж точно ничем не отчистишь. А седельные сумки выглядели так, словно в них перевозили нечто осклизлое по пустыне во времена динозавров, отчего содержимое не просто слиплось, но еще и окаменело. Где-то глубоко внутри толкнулась раздраженная мысль, что подобное никаким долотом не отобьешь. Да и надо ли? Сколько ни высекай из сумки штаны, а носить их уже нереально. Даже если влезешь каким-то чудом, то как в них ходить? Ноги не согнешь, да и тяжело будет. Хорошо хоть мечи не в сумке оказались, а то получилось бы, как в легенде о короле Артуре, только не один меч в камне, а целых два. Для ассортимента. Впрочем, в моем случае, как их ни дергай, королевой никто не изберет. А зря. Корона мне точно к лицу придется.

«Размечталась, — скептически фыркнул Кумивар. — Прежде чем короны примерять, сначала к своей физиономии мыло приложи да из волос всякую гадость вычеши. Выглядишь хуже

кикиморы болотной, а туда же! Корону ей подавай».

«А ты кикимору-то видел?» — оскорбилась я.

«Доводилось», — неопределенно хмыкнул меч, но тему развивать не стал.

А мне дальше расспрашивать как-то неудобно было. Он тут мне грубит, а я стану его упрашивать. Нет уж, не дождется.

С трудом я разрезала с помощью Джастудая подпругу седла. Кумивар появляться для подобного мероприятия отказался. Буркнул что-то о том, что заточку переводить на всякую ерунду не станет. Поставила в угол штаны (так как они практически не гнулись и вполне могли служить одеждой любой статуе), прислонила к ним майку. Злорадно подумала, что если пресловутая кровь первого дракона таки застынет, то приклеит натюрморт к мрамору намертво и соскрести сие произведение авангарда можно будет только бульдозером. Мелочь, а приятно.

Из ванны поднимался подозрительный пар, наводящий на мысль о крутом кипятке. Но на деле подозрения не оправдались. Вода оказалась на редкость приятной температуры, не слишком горячая, не холодная — в самый раз, и доставала примерно до подбородка. Осторожно погрузила усталое тело в воду. Даже удалось сразу расслабиться и лечь на спину. Что удивительно, никаких неприятных ассоциаций с вынужденным купанием в странном озере. Пусть оно сто раз священное, магическое, культовое и что-то там еще, но, как по мне, ничто не сравнится с хорошей горячей ванной. Ощущение на грани нирваны, достигнуть которого стремятся йоги. Главное — не уснуть от чрезмерной расслабленности. А то ведь можно и захлебнуться.

Следом, подняв миллион сверкающих брызг, в воду плюхнулся тигр. Я возмущенно фыркнула, но кот, неспешно рассекая воду мощными гребками широких лап, спокойно проплыл мимо. Мы благополучно разминулись, как два корабля в тумане, даже не коснувшись друг друга. Я попыталась уцепиться за гибкий хвост и прокатиться в кильватере, но промахнулась. Досадно. На активное плавание сил не было, потому просто отдалась на ласковую милость воды.

В это время в бассейне показалось множество разноцветных рыбок. Возможно, где-то под водой открыли некий шлюз, чтобы запустить их. А возможно, они всегда здесь были, просто появление посторонних их напугало, и рыбки спрятались, робко скрывшись на глубине, прижимаясь к стенкам сверкающими тельцами. Впрочем, как могло спрятаться такое количество пусть и маленьких рыбок, не совсем понятно.

Их длинные, узкие, гибкие тела, словно многочисленные разноцветные светодиоды, переливались под водой. Они кружили

вокруг в танце, где место каждой рыбки словно строго определено невидимым хореографом, и где-то в глубине души сквозь усталость наружу пробилось восхищение маленькими созданиями. Это было поистине удивительное, феерическое зрелище, оставляющее в наблюдателях чувство благодарности и некой сопричастности чуду. Но это ощущение длилось недолго.

Будто по команде невидимого дирижера с виду безобидные блестящие создания дружно набросились на нас.

«Пираньи!» — толкнулась в мозгу удивленная мысль. Благодаря кинематографу я предполагала, что знаменитые речные хищники выглядят несколько иначе, далеко не так безобидно. Но стоит ли полагаться на фильмы, отснятые в параллельном мире? Да и мало ли как выглядят хищные рыбы в аду? Я судорожно рванулась к бортику, но тут же поскользнулась, неловко бултыхнулась в воду и едва не захлебнулась. Странно, но, когда паникуешь, напрочь забываешь об элементарных вещах, например о том, что под водой могут дышать только рыбы и прочие водные обитатели. А также о том, что воды в бассейне всего лишь по горло, а сама ты умеешь не только бестолково шлепать по поверхности ладонями, как тюлень ластами, но еще и плавать можешь.

Ситуацию, как всегда, спас Тиграш. Хищный кот проложил путь сквозь разноцветную стаю рыб, как ледокол во льдах Арктики. Я вцепилась в мокрую шерсть с энтузиазмом утопающего, дотянувшегося до единственного спасательного круга, и с ужасом заметила стремительно буреющую вокруг моего кота воду. Многочисленные рыбки сновали вокруг спасателя, ныряя куда-то в гущу шерсти. Благодаря их непрерывным трудам вода быстро теряла прозрачность. Пусть Тиграш не подавал никаких явных признаков беспокойства, наблюдать за медленным, но верным поеданием любимца я вовсе не желала, поэтому потянула его за собой из воды. С тем же успехом я могла бы волочь за собой легендарный «Титаник», привязав к нему канат, — усилий много, а толку никакого.

Как ни странно, кот вовсе не собирался помогать спасать его жизнь. «Какое благородство! — мысленно всхлипнула я. — Пожертвовать собой, чтобы дать мне уйти!» Но я вовсе не желала оставлять великодушного зверя умирать в гордом одиночестве. Как я потом смогу жить с этим? Поэтому просто легла на воду и постаралась расслабиться, предоставляя водным агрессорам закончить начатое. В конце концов, умереть с тем, кого искренне любишь, не самый худший вариант. Хотя лично я предпочла бы нечто более быстрое, чем быть съеденной заживо какой-то мелюзгой.

«Дорогая, у тебя просто талант из всякой ерунды делать трагедию», — мерзко хихикнул Кумивар, испортив всю торжественность момента своим наглым вмешательством.

Нет, в этом мире даже помереть спокойно не дают! Ну каков наглец?! Я тут, понимаешь ли, с жизнью прощаюсь, а он надо мной гадко хихикает. Разумеется, от этого толстокожего кузнечного изделия трудно ожидать прочувствованной эпитафии на надгробье, но, по крайней мере, на скорбное торжественное молчание я могла рассчитывать.

«Иными словами, моя трагическая кончина всего лишь ничего не значащая ерунда? — горестно шмыгнула носом, жалея себя, еще такую юную и не пожившую совсем. — Ну прости, что я своей затянувшейся агонией вношу диссонанс в твое безупречное существование. Просто потерпи немножко, пока я тихонечко окочурюсь здесь, всеми брошенная и забытая».

«Просто удивительно оптимистичный настрой, — фыркнул Кумивар. — Брат, хоть ты объясни нашей смелой воительнице, что ее состояние и агония — разные вещи, и к смерти оно вообще не имеет никакого отношения. А я пока подумаю, каким страшным деянием заслужил подобного носителя».

«Вероника, — осторожно начал Джастудай, всемерно стараясь, чтобы мое плаксивое состояние не переросло в озлобление. — Эти рыбки совершенно безобидные существа. Твой тигр это прекрасно знает, поэтому и не собирается покидать их общество, пока они не закончат работу».

«Закончат работу? — подозрительно нахмурилась я. — И в чем, собственно, она заключается? Набрасываться на ничего не подозревающих купальщиков, доводя их до сердечного приступа и нервного тика?»

«Нет. Они старательно очищают вас от грязи и даже обрабатывают раны специальными выделениями изо рта. После обработки такими рыбками кожа становится мягкой, гладкой и шелковистой. Такую процедуру только самые богатые леди могут себе позволить, и не в каждом салоне она есть в перечне услуг. Уж больно рыбки прихотливы в уходе».

Я удивленно вздрогнула и осторожно прислушалась к собственному организму. Либо рыбешки использовали сильное обезболивающее средство, чтобы жертва даже не почувствовала, как ее едят (очень гуманно с их стороны), либо мечи правы — нас с Тиграшем никто есть не собирался. М-да. Придется жить дальше в этом странном мире, где я постоянно кого-нибудь ищу.

«Ты только что счастливо избежала гибели и уже об этом сожалеешь? — с сарказмом вопросил Кумивар. — Женщины! Никогда вас не понимал. Что вам ни скажи, все не так».

Хм. Ну что тут скажешь? Неудовлетворенность — двигатель прогресса. Кстати, логика клинков мне тоже не всегда ясна, но я же с этим живу. Можно сказать, практически смирилась…

Примерно через час, когда трудолюбивые рыбки умудрились отчистить нас с Тиграшем дочиста и даже исхитрились распутать мою буйную рыжую шевелюру (что, к слову, не каждой массажной щетке удавалось с первого раза), я, усталая, но довольная, выбралась на бортик бассейна, словно Афродита из пены морской. Может, сделала это не так изящно и вообще не могу сравниться красотой с древней богиней, но, по крайней мере, на данный момент ощущала себя одной из самых прекрасных дам ада. Как говорится, не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки… Тьфу ты, что-то не то вырвалось! В смысле все женщины прекрасны, а кто считает иначе, пусть сходит к окулисту.

Неприятно поразил факт исчезновения как седла, так и родной одежды. Пусть вещи были безнадежно испорчены, но это вовсе не повод наглым образом их тырить.

— Сперли, — печально констатировала я. — Ворье процветает даже в бездне.

«А что ты хотела, дорогая? — ехидно откликнулся Кумивар, в чьем голосе найти хотя бы тень сочувствия шансов примерно столько, сколько обнаружить в жерле проснувшегося вулкана кусок льда. — Это же ад. Здесь отбывают наказание грешники… и жулики тоже».

Я взгрустнула. Потерю не смогло компенсировать даже очень пушистое махровое полотенце… одно… на меня и кота.

Разумеется, полотенце досталось мне. Я дама, а значит, мне положено уступать. И вообще, у тигра вон сколько шерсти! Когда она высохнет, станет греть не хуже шубы и за нее же сойдет, а я, между прочим, благодаря местным грешникам осталась без всей одежды разом и седла с седельными сумками. То есть совершенно без перспектив попить, поесть и хоть чем-то прикрыть свою наготу. Поэтому я нагло вытерлась экспроприированным полотенцем и завернулась во влажную ткань, благо длина с шириной позволяли сделать это, не сверкая излишней наготой. Ослеплять своими прелестями здесь совершено некого, но тем не менее одежда была бы очень кстати. Ну и кровать тоже.

ГЛАВА 14

И снова мне снился среброволосый эльф, чьи бренные останки покоились в прекрасном гроте в компании влюбленной нимфы, проживающей в роще. Она мне даже фляжку презентовала за оказанное содействие при транспортировке бездыханного тела. Замечательная, между прочим, вещица. В ней вода чудесным образом не кончалась, всегда оставалась вкусной и холодной, как в ручье, что хранила нимфа. А ее сперли. Какая жалость!

Эльф, по которому родные наверняка благополучно справили три, девять и сорок дней, не просто нагло явился в сон, но и стал его ключевой фигурой. Он яростно сверкнул своими янтарными очами с изумрудными вкраплениями в радужке и с еле сдерживаемым бешенством поинтересовался:

— Ну? Куда тебя опять занесло? Почему нельзя просто оставаться на месте и ждать?

Я вскинула на него обалдевший от такого напора взгляд и хотела ехидно поинтересоваться: «Где ты видел, чтобы женщина безропотно ждала мужчину несколько дней кряду, даже если он попросил ее об этом?» Но вместо этого шмыгнула носом и буркнула:

— Да в бездне я… или в аду.

Сказала и замерла испуганно.

Это надо же восставшему мертвецу так запросто сообщить свое местонахождение! С другой стороны, чего я теряю? Пусть себе спускается в ад. Может, здешние обитатели в более доступной форме растолкуют, что мертвым за живыми таскаться не следует и приставать к ним с глупыми вопросами тем более не надо. А уж в сон лезть — вообще хамство несусветное. Коль помер, веди себя как приличный покойник: сложи руки на груди и лежи там, где положили.

— Где? — явно не поверил своим остроконечным ушам эльф. — Как тебя угораздило?!

Я скромно потупилась, как учительница из анекдота девяностых годов, которую призвали на педсовет и желчно поинтересовались: «Как это вас, милочка, угораздило податься в интердевочки?» А она в ответ скромно улыбнулась: «Ну что сказать… Повезло».

— Я не виновата. Это все ненормальный шаман троллей. Он вбил себе в голову, что жертвоприношение демону остановит падеж овец, которые, к слову, давно уже все благополучно передохли.

Эльф смерил меня знаменитым мужским взглядом: «О женщины! Всегда вы все делаете не так!» Затем с чувством фыркнул, как носорог перед атакой, и с нажимом выдавил:

— Жди там. Никуда не уходи.

Я хотела возразить, что до этого справлялась сама. И неплохо, между прочим, справлялась, но вместо этого неопределенно повела плечами.

— Да куда я денусь?

— Действительно. Никуда, — бесцеремонно ворвался в сон чей-то подозрительно знакомый и ужасно насмешливый голос. Я вздрогнула и проснулась.

Надо мной во всей своей демонской красе стоял и нагло усмехался Аполлион собственной хвостатой персоной.

— Какая дивная картина, — мягко растягивая слова, практически промурлыкал он. — У меня будет воистину скромная, непритязательная жена. Спит на полу, вместо одежды довольствуется полотенцем, сапоги будущему мужу целует. Знал бы, давно пригласил кого-нибудь с поверхности скрасить мое адское одиночество. Чтобы вот так — дешево и мило.

Я хотела было ехидно поинтересоваться, как он отнесется к тому, что будущая супруга сейчас окончательно выйдет из себя и украсит его наглую физиономию боевыми шрамами от ногтей, но не успела. Он подхватил меня за талию, поставил на ноги и как бы между прочим сообщил:

— Кстати, я нашел твоих друзей.

Возмущение колючим комом застыло в горле. Надо отдать должное демону, умеет он привлечь внимание женщины. Я, не смея пискнуть, чтобы, не дай бог, не сбить благодушный настрой огненноволосого, застыла, обратившись в слух.

— Они у ночных сестер, — трагическим шепотом сообщил он.

Лично я вовсе не видела в словосочетании «ночные сестры» ничего трагического или ужасного. В моем понимании это симпатичные девушки в коротких белых халатиках, работающие в медицинском учреждении в ночную смену. Кажется, был еще одноименный фильм про медсестер в пансионате в какой-то глубинке. Сюжет толком не помню, но девушки снимались вполне очаровательные.

— Все? — на всякий случай уточнила я у загадочно сверкающего глазами демона.

— Практически, — как-то неопределенно откликнулся он.

То ли желал заинтриговать, то ли молчал из чистой вредности, дабы лишний раз не обольщалась, не прыгала от радости, что жизненная полоса начала-таки светлеть. Зря старался. Я, конечно, не махровый пессимист, но доля здорового

скепсиса в моих мыслях всегда присутствует. И небезосновательно. Еще не было случая, чтобы внезапное везение не выходило боком. Вот, например, тигра обрела, так его почивший хозяин принялся лезть в мои сны с упорством маньяка, будто медом ему там намазали. Думаю, такими темпами скоро стану сны с участием своего бывшего воспринимать как манну небесную.

— Вот, — с видом императора, снизошедшего до своего народа и облагодетельствовавшего оный горстью меди от щедрот своих неисчерпаемых, Аполлион шваркнул к моим босым ступням некий узел. — Одевайся.

Заподозрив демона в коварстве (с него станется запихнуть в узел ядовитую гадину и полюбоваться, как я умираю в страшных корчах), я пару раз для профилактики пнула узел ногой. В ответ никто не зашипел, не завозился возмущенно, что не могло не внушить некоторой доли оптимизма. Под ироничным взглядом демона я размотала сверток и с удивлением уставилась на интригующую конструкцию из кожаных ремней, скрепленных между собой начищенными до зеркального блеска цепями и массивными кольцами.

— Как мило! Обновка для Тиграша! — восхитилась я заботой демона.

— Это не для тигра, — расплылся в самодовольной улыбке подлец.

— А для кого? — искренне изумилась я. При всем богатстве своей фантазии других кандидатур для сбруи в комнате я не наблюдала.

— Разумеется, для тебя, — еще более радостно заулыбался демон.

— Для меня? — удивленно пискнула я и уставилась на ремни, как на внезапно ожившую гадину, грозящую погрузить ядовитые зубы в беззащитную руку.

При ближайшем рассмотрении удалось-таки уловить некоторое сходство сбруи с комбинезоном в сеточку. С ну о-очень крупными ячейками. В связи с этим весьма трогательно смотрелись некие подобия кожаных фиговых листочков в стратегически важных местах. К предложенному великолепию прилагались высокие сапоги-ботфорты на таких умопомрачительных шпильках, что выше, наверное, только ходули, и то не каждые.

— Ни за что не полезу я в эту страсть, — категорически отрезала я малейшие поползновения утрамбовать мое нежное девичье тело в этот кожаный изыск в стиле садомазо. — Лучше я в полотенце пойду.

Аполлион смерил меня, полуодетую, беззащитную, долгим проницательным взглядом янтарных глаз, словно в уме уже строил изощренные планы по совмещению моей фигуры с ремнями и прикидывал, насколько хорош окажется конечный результат. Я невольно попятилась. Тигр оскалил клыки и явно приготовился к драке. Демон медленно кивнул своим мыслям.

— Что ж… Почему-то я так и думал, — констатировал он. — Поэтому предусмотрительно захватил другое одеяние, более целомудренное. Для ассортимента.

Я облегченно выдохнула. Как оказалось, все это время я задерживала дыхание.

— Надеюсь, оно мне понравится, — осторожно заметила я, ожидая от демона какого-то подвоха.

Положительно, все кутюрье ада имеют некий пунктик по поводу кожи. Иначе как объяснить, что все вокруг предпочитают рядиться именно в нее. Следующий комбинезон оказался не то чтобы особенно целомудренным, но, по крайней мере, дырок в нем не было, поэтому артачиться особенно не стала, а то еще передумает. Аполлион даже деликатно покинул комнату, чтобы я могла без помех облачиться в одежду.

Комбинезон сел как влитой, словно по мне шили. Красная лаковая кожа на ощупь оказалась не такой грубой, как на вид. Рукава у него были длинные и полностью скрывали обе мои татуировки, что не могло меня не порадовать. Зато глубокий остроугольный вырез пролегал посередине груди и заканчивался ровно под пупком, и, как я ни затягивала шнуровку, ситуация не менялась. Оставалось только смириться и молить высшие силы, чтобы края выреза не распахнулись и содержимое декольте не вывалилось наружу на радость публике. Еще сильно мешал жесткий высокий воротник. Не знаю, что именно зашили внутрь, чтобы он так стоял, но его края касались моих ушей и слегка царапали их, если я не держала голову гордо, как императрица. Просто мечта Дракулы, а не воротник. Из-за него придется волосы как минимум в высокий хвост собрать, чтобы не мешали.

Вернувшийся Аполлион остался доволен моим видом.

— А сапоги? — любезно поинтересовался он.

— Что — сапоги? — осторожно поинтересовалась я, подозревая демона в каком-то подвохе.

Ну не может быть все так относительно хорошо. Где-то тут скрывается подлянка. Предчувствия меня не обманули.

— Ты забыла надеть сапоги, — напомнил он и всучил в мои подрагивающие от ужаса руки сапоги-ботфорты на умопомрачительных шпильках.

— Нет, — потрясенно прошептала я. — Ты определенно

жаждешь моей смерти?

— Не надо драматизировать, — отмахнулся Аполлион. — В мире нет такой женщины, которая не умела бы ходить на каблуках. Иногда мне кажется, что вы рождаетесь в туфлях на шпильке.

— Повезло тебе, — скептически хмыкнула я, — такую встретить. Практически одна на миллион. Надеюсь, ты счастлив?

Честно говоря, я умею ходить в обуви на каблуках, но для этого они должны быть, во-первых, более устойчивы, а во-вторых, ниже, чем школьная линейка. Ежу понятно, что в таких сапогах, да на скользкой как стекло поверхности местных туннелей я запросто переломаю себе сначала ноги при ходьбе, а затем и руки при падении.

— Почти счастлив, — нагло усмехнулся демон. — На самом деле это вовсе не так трудно, как кажется. Здесь главное — равновесие.

Равновесие? Хм. Где-то я уже это слышала.

«Разумеется, — тут же прорезался Кумивар. — Мы с братом все время твердим тебе о необходимости тренировать баланс, а ты упорно нас игнорируешь».

Если он рассчитывал вызвать во мне раскаяние, то он здорово просчитался.

Под скептическим взглядом Аполлиона я оперлась пятой точкой на бок тигра, послушно натянула предложенную обувь, что для меня было равносильно добровольному облачению в пыточный «испанский сапог», и попробовала подняться на ноги.

Если Аполлион всерьез рассчитывал на мое чудесное преображение из странного гибрида цапли с косолапой уткой в гордо выступающую паву, его ждало жестокое разочарование. Демон отвел меня в малахитовую комнату, долго и обстоятельно показывал, как положено ступать настоящей леди, что пройдет и «травы не сомнет, воды не замутит». Натурально так у него получалось. Волей-неволей заподозришь в нетрадиционной ориентации. Видимо, что-то такое мелькнуло в выражении моего лица, отчего Аполлион, дефилирующий, словно опытная манекенщица по языку подиума, ожег меня возмущенным взглядом янтарных глаз. Он широким жестом предложил перестать наконец судорожно цепляться за кота и принять-таки участие в процессе обучения.

Я честно попыталась не злить демона, а то, не ровен час, расстроится, плюнет на все, и помогать в поисках команды перестанет. В конце концов демоны — те же мужчины, только с рогами, копытами и хвостом, терпение у них далеко не ангельское и тем более не безграничное. Лопнет в один момент

— мало не покажется. Мысленно перекрестившись, глубоко вдохнула полной грудью, рискуя нарушить идеальный вырез декольте, сделала первый шаг и замерла, пытаясь нащупать тонкую грань равновесия, ощутить, так сказать, внутренний стержень. Короче, не ударить в грязь лицом. Ну в данном случае в ковер. Хотя, думаю, принципиальной разницы между грязью и произведением неизвестного ткача нет. В обоих случаях падение грозит как минимум моральным унижением.

«Довольно предаваться неуместным терзаниям по поводу того, что еще даже не произошло, лучше выпрямись, чуть вытяни позвоночник. Представь, будто тебя кто-то тянет вверх за затылок. Нижние края лопаток стяни вниз, ближе к позвоночнику, мышцы живота напряги. Представь, что облачилась в тугой корсет и плотно затянула шнуровку. И пошла… походкой легкой от бедра», — наставительно молвил Кумивар.

«Вперед, воительница, — подбодрил Джастудай. — Тебе нечего бояться. В этом мире найдется мало вещей, которых ты еще не делала. Тебя не остановили горячие пески Забытой пустоши. Горы не послужили достаточным препятствием на пути. Чем может навредить пара каких-то сапог, пусть даже лакированной кожи и на тонком каблуке? Отринь сомнения! В душе каждой женщины живет легкая танцовщица!»

Воодушевленная дружной поддержкой сразу двух клинков (такое единодушие у них довольно редкий случай), я решилась сделать несколько шагов. Зря. Как оказалось, самоуверенность — штука наказуемая. Стоило мне только приподнять одну ногу над ворсом ковра, как потерявший одну из точек опоры организм повело вправо. Я изобразила оригинальную пародию на танец маленьких лебедей в исполнении одного затянутого в красную кожу подозрительно шатающегося лебедя. Судорожно взмахнула руками и поскакала уже влево, где обрела наконец точку опоры, буквально рухнув на широкую, заботливо подставленную Тиграшем спину. О как приятно слабой девушке обрести поддержку в лице (или в данном случае морде) верного друга.

— М-да, — потрясенно выдохнула я, счастливая тем, что избежала позорного падения и травм. — Видимо, моя внутренняя танцовщица где-то очень глубоко спряталась и спит или босонога, как Айседора Дункан.

В ответ на философское высказывание Аполлион хмыкнул, скрестил руки на груди и вытянул в трубочку свои красивые, как у девушки, чувственные губы.

— Не знаю, кто такая эта самая Айседора и какое отношение она имеет к твоей ужасной координации, но полагаю, дело на данный момент совершенно безнадежное, — с тоской

констатировал он. — В принципе и медведя можно научить танцевать, но на это даже опытному дрессировщику нужно время, а его у нас не так уж и много.

В ответ на его заявление я было надулась. Какая наглость сравнить меня — симпатичную, пусть не всегда, но грациозную, с каким-то диким, лохматым поедателем меда! К тому же я вовсе не такая толстая, не залегаю в зимнюю спячку и искренне считаю сосание лапы, пусть даже собственной, не просто неприличным, но и совершенно негигиеничным, омерзительным процессом. Но грозящее сорваться с губ возмущение так и осталось невысказанным после ехидной шпильки Кумивара:

«Хочешь поговорить об этом? Другого времени для общения не нашла?»

«Я разговариваю с Аполлионом тогда, когда хочу. И впредь прошу не встревать в наши отношения. Между прочим, этот тип мой жених и даже кольцо презентовал. Дорогое, наверное», — парировала я.

«Дорогая, не хочу мешать твоим радужным мечтам о черном кожаном подвенечном наряде и списке гостей с Рефецием и адской девой Нефрой во главе, но спешу напомнить, что свадьба — это не то событие, ради которого мы здесь. Между тем твои друзья вряд ли содержатся в столь приятных условиях».

Я только открыла рот… и закрыла, пригвожденная его аргументами. Но не удержалась от вопроса:

— Тогда я сниму наконец это убожество?

— Это не «убожество», как ты изволила выразиться, а неотъемлемый элемент твоего образа, — категорично отрезал демон.

Надежда получить другую обувь пронзительно пискнула и скончалась где-то глубоко в душе.

— Но я не могу в этом ходить, — все еще пробовала я взывать к состраданию и даже попыталась выдавить слезу, но не смогла. Какая досада.

— Зато вполне сможешь доехать на тигре, — заявил Аполлион, подтвердив слухи, что жалость и сострадание — чувства, совершенно чуждые жителям ада. — Идем. Тебя надо причесать и накрасить.

— Накрасить? — удивленно выдохнула я. — У тебя есть женская косметика?

— Разумеется, дорогая. Общеизвестно, что косметику женщинам подарили демоны, дабы им проще было соблазнять мужчин и тем способствовать их грехопадению.

Аполлион галантно предложил свою руку для опоры, но, увидев бездну сомнения в моих глазах, буквально отодрал

судорожно вцепившиеся в тигриную шерсть пальцы и сильным движением поставил на ноги.

Тиграш попытался было протестовать против наглого произвола и даже обнажил клыки, но Аполлион только насмешливо фыркнул:

— Приструни своего кота, иначе он отправится в клетку, а ты пойдешь к ночным сестрам пешком, пусть даже придется весь путь ползти на четвереньках.

«Ты не можешь так поступить!» — чуть было не возопила я, но встретила серьезный взгляд янтарных глаз Аполлиона, и сердце болезненно сжалось от тоскливого предчувствия — сможет, и очень даже запросто.

Поэтому пришлось смирить рвущуюся изнутри бурю праведного негодования, и с видом императрицы в заточении, чей горький удел терпеть рядом навязчивого, грубого тюремщика, позволила увлечь себя в другую комнату, мстительно вцепившись пальцами в крепкую руку демона. Надеюсь, синяки останутся и не сойдут неделю как минимум. А если нет… Ну что ж, я очень старалась. Как говорится, мелочь, а приятно.

Комната, в которую привел Аполлион, была выдержана в янтарных тонах. В отличие от покоев Нефры, у которой цвет спальни был ближе к желтому, здесь встречались красновато-оранжевые прожилки, словно пламя костра вкупе с закатным багрянцем неба. Перед заходом солнце почти уже скрылось, и в душу вместе с восхищением закрадывается сомнение — а встанет ли оно завтра или сгинет где-то там, за горизонтом, навсегда.

В комнате жарко пылал камин, и пламя бросало причудливые отблески на гладко отполированные стены, придавая им какую-то особенную живую теплоту. Пусть воздух в бездне и без того горячий и сухой, все же огонь придавал комнате некий домашний уют. Тиграш сразу блаженно растянулся на ковре подле огня. К моему удивлению, Аполлион промолчал. С его губ не сорвалось ни единого слова протеста. Демон торжественно провел меня к мягкому пуфику, затянутому шелком, удачно расположенному напротив большого зеркала в замысловатой золотой раме. На мой взгляд, слишком уж вычурной, но это, в конце концов, дело вкуса. Я с благодарностью опустилась на предложенный пуф и поняла, что быть красивой — долгий неблагодарный труд, результат которого окружающие воспринимают как должное. Даже расслабленные мышцы гудели и дрожали, жалуясь на свою горькую судьбину. Не представляю, как некоторые умудряются провести в подобной обуви целый день. Это же пытка почище прогулки по гвоздям. В следующий раз при встрече восхищенно сниму перед красотками шляпу. Впрочем, не выйдет. Не ношу

шляп.

Аполлион гибким движением скользнул на кровать за моей спиной, удобно расположился на животе, опустив породистый подбородок на кисти рук, и с двусмысленной улыбкой предложил расслабиться и постараться получить от процесса наибольшее удовольствие.

Стена покрылась рябью, словно гладь пруда, в который чья-то рука метнула камень, и сквозь нее в комнату гибкими молчаливыми тенями скользнули три женские фигуры, облаченные лишь в подвижные набедренные повязки из многочисленных золотых цепочек, широкие браслеты и собственную красоту. Гладкие бронзовокожие тела прелестниц двигались синхронно и грациозно, словно они не единожды репетировали свое появление, стремясь привести зрителей если не в восторг, то хотя бы в мимолетное восхищение. Все трое выглядели совершенно одинаково. Прямые волосы цвета воронова крыла стрижены чуть выше нижнего края лопаток, густые челки доставали почти до самых красиво очерченных бровей вразлет. Густые, загнутые кверху ресницы заставили бы побледнеть от зависти любую куклу-моргунью. Миндалевидные, неожиданно голубые глаза смотрелись на их безупречных лицах так, словно были взяты у кого-то другого для пересадки. Прямые породистые носики, плотно сжатые губы, высокие скулы. Ни шеях красотки носили золотые ошейники такой толщины, что становилось страшно за их здоровье. Выдержат ли позвонки вес подобного украшения? Предплечья и тонкие запястья смуглянок украшали широкие золотые браслеты, на щиколотках сверкали точно такие же, только с серебряными бубенцами. Девицы были прекрасны лицом и фигурой, а своей босоногостью вообще вызвали во мне острый приступ зависти. «Небось в таких сапогах шиш бы они так прохаживались», — желчно подумала я. В руках каждая несла золотой поднос с многочисленными баночками, кисточками, футлярчиками, ларчиками и прочим.

— Это безголосые, — прокомментировал появление девиц Аполлион. — Они попытаются сделать так, чтобы ты хотя бы внешне напоминала высокорожденную леди. Внутреннее содержание нам, увы, уже не поменять. А жаль… — мечтательно закончил он.

— Если тебе так нравятся высокорожденные леди, которые любой свой шаг соизмеряют с этикетом, женился бы на такой, а не морочил мне голову, — отмахнулась от колкости я. — И что значит — безголосые?

— То и значит, — загадочно ухмыльнулся демон. — Эти славные тройняшки — грешницы. Думаю, ты об этом уже

догадалась. Раз уж они оказались в аду, а не нюхают цветы в райских кущах, то просто не могут быть невинными овечками.

Я невольно вздрогнула. Считайте меня параноиком, но девицы вполне могли угодить в ад как раз за убийства незнакомых женщин в период весеннего обострения. Таких, как я. Наблюдая за тем, как пораженно вытягивается мое лицо в зеркале, демон еще больше развеселился.

— Не волнуйся, моя дорогая. Я еще не готов так быстро расстаться со своей нареченной. Девочки всего лишь лгуньи и клятвопреступницы. В наказание им приходится лизать раскаленные сковороды. Сама понимаешь, после такого не особенно хочется и можется общаться. Кстати, смею заверить, прислуживать тебе для них большая честь и, можно сказать, огромное облегчение, пусть и временное. Их наказание на время прервано.

Пока я пыталась облечь свое возмущение в слова, девушки с поклоном расстались со своей ношей и принялись за дело. Всегда приятно, когда вокруг кто-то хлопочет, так что следующий час я провела в блаженной полудреме, позволив заботливым, осторожным пальцам девушек расчесывать волосы, укладывать их в прическу, накладывать на лицо косметику. Причем все манипуляции производились с такой скрупулезностью, словно они творили художественное полотно своей жизни и рассчитывали на признание благодарных потомков. Не знаю насчет последних, но лично на меня их труд произвел неизгладимое впечатление. Когда я открыла глаза, из зеркала на меня смотрела незнакомка, и я не сразу поняла, что таращусь на собственное отражение.

Мои серые глаза приобрели некую таинственную глубину, даже разрез их визуально изменился, стал более кошачьим, что ли. Добавим длинные густые ресницы, которых у меня отродясь не было, и красиво очерченные дуги бровей. Даже нос стал более совершенным, а скулы выше. Губы подчеркнули алой помадой, от которой они стали казаться полнее, чувственнее. Даже волосы, собранные на затылке в какой-то замысловатый узел, казались не просто рыжими, но выглядели благородно и роскошно одновременно, словно просились на полотно Тициана.

— Обалдеть! — пораженно выдохнула я.

— Всегда рад доставить удовольствие даме, — самодовольно усмехнулся Аполлион.

Визажистки собрали свои вещи, поклонились и удалились так же тихо, как и пришли.

«М-да! Иногда даже из обычной стекляшки можно сделать правдоподобную имитацию бриллианта», — добавил ложку дегтя

Кумивар.

И как его не разорвет от собственного ехидства? Просто удивительно.

Примерно через час я стояла перед мрачным замком ночных сестер. Готическое сооружение серого цвета, казалось, было вырублено прямо из стены туннеля. Правда, крышу для разнообразия сделали из чего-то зловеще черного. Под каждым шпилем примостилось несколько уродливых крылатых горгулий, а на фасаде мерзкие твари служили своеобразными светильниками, крепко сжимая когтистыми каменными лапами древки зажженных факелов. Странно. Слышала, подобные скульптуры помещались на фасадах и крышах зданий, чтобы они своим ужасным видом отпугивали зло.

— Интересно, откуда они в аду? — удивленно вздохнула я, стараясь как можно осторожнее сползти со спины тигра на скользкий пол туннеля.

Аполлион не стал ждать, чем закончатся мои изощренные телодвижения, а просто подхватил за талию и поставил на пол, ближе к замку. Я покачнулась, но не упала. Честь и слава мне за это.

— Они олицетворяют человеческие грехи, — спокойно объяснил он. — И заодно светильниками служат. Постучишь, когда я уйду.

Пока я морщила лоб в попытках понять, чем можно постучать в ворота замка, чтобы меня услышали (на ум приходил только осадный таран, но его, к вящей досаде, я не захватила), Аполлион удалился, оставив меня в гордом одиночестве. Ладно. Буду действовать решительно. В конце концов, убежать я всегда успею.

Осторожно опираясь на услужливо подставленную спину Тиграша, подошла ближе к черной кованой решетке, что закрывала собой ворота и грозила пронзить острыми шипами незваных гостей. Такая кованая штуковина, если уж рухнет на голову, шансов выжить не оставит. Зато лезть наверх по ней очень даже удобно. Ячейки, правда, крупные, ну да ничего. Я ведь и подтянуться могу.

— А вот тебя, милый друг, с собой взять не получится. Придется тебе здесь покараулить, пока я на стену залезу. Вон там окошко есть, глядишь, дотянусь… если не упаду.

Тиграш покосился на меня скептически, видимо он не разделял моего энтузиазма по поводу штурма замка ночных сестер. Честно говоря, я и сама была не очень уверена, но что делать? Другого выхода нет, нужно команду выручать.

— На святое дело иду… друзей из загребущих лап демонов выручать, — вздохнула я, поражаясь собственному

благородству. — Однако сапоги придется снять.

И с невыразимым удовольствием принялась стягивать опостылевшую обувь. Но не тут-то было. Оказалось то, что легко надевается, совсем не обязательно так же запросто снимается. Ботфортам явно понравились мои ноги, и они вцепились в них мертвой хваткой голенищ. Сначала я пыталась стянуть их своими силами. Тянула за каблук, носком упираясь в задник, но только взопрела, а результата ноль.

Тиграш смотрел на мои мытарства снисходительно, словно престарелый дядюшка на играющую в песочнице маленькую племянницу. В кошачьем янтаре его глаз отчетливо читалось: «Чем бы дитя ни тешилось…» В конце концов тигру надоело наблюдать за неравной борьбой, и он решил внести свой вклад в мое раздевание. Зубы хищника с лязгом сомкнулись на каблуке и рванули его на себя. Но не тут-то было. Сапог остался на месте, а я с визгом заскользила по гладкому полу туннеля. Хорошо хоть Тиграш не отпустил каблук, а то унесло бы меня силой инерции и шмякнуло об стену. Повезло, если отделалась бы только ушибами.

Ладно. Если надо лезть в сапогах — полезу. Надеюсь, что впоследствии не придется их снимать с моего хладного трупа, если я разобьюсь.

«Ты, как всегда, оптимистична, — хихикнул Кумивар, как обычно, не проявив к моей трудной жизненной ситуации никакого уважения. — Если ты рухнешь с хорошей высоты, твое тело либо раздерет о шипы, либо превратится в фарш при ударе о твердую поверхность пола. В этом случае сапоги с твоего тела снять станет большой проблемой».

Я как раз взялась за кованую решетку, проверяя, выдержит ли она мой вес или за века проржавела насквозь. Слова эльфийского клинка заставили невольно вздрогнуть от представшей перед внутренним взором картины моей безвременной кончины.

«Ну и кто из нас пессимист? — риторически вопросила я зловредный клинок. Разумеется, в ответ получила гордое молчание. — Вот-вот. Лучше не говори под руку, балабол».

Я сделала жалкую попытку подпрыгнуть, но неловко поскользнулась и выругалась. Хорошо хоть крепко держалась за решетку. Дай Бог здоровья кузнецу, сотворившему это средневековое чудо. Не дал свершиться женскому падению. А ведь могла ушибиться. Подтянуться, впрочем, тоже толком не удалось. Я повисла на перекладине, словно простыня на веревке — и до земли не достаю, и подняться невозможно. Как всегда, ситуацию спас Тиграш, подставив широкую спину, чтобы я смогла подтянуться повыше.

— Ну-у, начало положено, — попыталась поднять свой упавший ниже плинтуса боевой настрой. — Дальше будет легче.

Конечно, я себе сильно польстила. Может, дорога в тысячу километров и начинается с первого шага, но в моем случае первый шаг был сделан, а на втором вышла заминка. Толкать выше было некому, бросить веревку и подтянуть меня вверх — тоже. Так что я попробовала вспомнить свой школьный опыт по покорению каната. Крепко обхватила вертикальный прут ногами, а руками изо всех сил постаралась вытянуться наверх. Ура! Действительно получилось! Молодец я. Но почивать на лаврах было рано.

Я одолела уже шестую ячейку, когда в воротах распахнулось маленькое окошко примерно на уровне моих щиколоток и нервный женский голос желчно поинтересовался:

— Чего это мы тут лазаем, а? Сколько можно говорить, что ночными сестрами рождаются, а не становятся, и слуг мы тоже давно не набираем. Госпожа Лилия принимает только по предварительной записи, которая, между прочим, на этот год закончена. А если приперлись, то прежде чем лезть на стены, нужно хотя бы постучать.

— Помилуйте, любезная, чем же мне стучать прикажете? — искренне изумилась я, не совсем понимая, с кем меня перепутали. С претенденткой в служанки или ночные сестры, или просто искательницей приключений на свою пятую точку. — Осадным тараном, что ли? Так я его в дамской сумочке с собой не ношу. Не вмещается что-то. Вон какие ворота отгрохали! Одного дерева целая дубрава ушла, наверное. Тут без чего-нибудь осадного не обойтись.

— А мы типа шутница, да? — свирепо поинтересовались из окошка, и я тут же заволновалась, как бы в щиколотку не впились зубы обозленной моими жалкими юмористическими потугами привратницы.

— Типа да, — скромно потупилась я, польщенная признанием своих заслуг.

— Для посетителей у нас замечательное кольцо предусмотрено. Беретесь за него ручкой и стучите себе на здоровье. Как говорится, стучите, и отворят вам, — наставительно изрекла обладательница самого сварливого голоса, когда-либо мною слышанного. — А для особо ретивых шутников у нас котлы с горящей смолой предусмотрены. Можем угостить, нам не жалко.

Сказала и яростно захлопнула дверцу. Нет, ну надо же! Даже в аду все обхамить норовят. Ладно. Я не гордая. Спущусь, коли так просят. Чего зря хозяев замка огорчать? Вон даже горгульи на

фасаде косятся с осуждением. Но, как известно, иногда гораздо проще сказать, чем сделать. Забраться на такую высоту было сложно, а спуститься вниз стало практически невозможно. Стоило только убрать ногу с опоры, как пальцы судорожно сжимались на перекладине. Разжать их было выше моих сил, а уж попытаться спуститься, рассчитывая только на силу своих рук, и подавно. Организм инстинктивно не доверял пустоте, как переубедить его, я не знала, оттого застыла на решетке замка, словно влипшая в паутину муха в ожидании визита паука.

«Ты даже с собой договориться не в состоянии», — ехидно вставил свою реплику в мои душевные терзания Кумивар.

«Неудивительно. На данный момент вы с братом тоже часть моего организма, а с вами я не могла договориться ни до, ни после нашего трагического слияния», — ехидно парировала я.

«А она, между прочим, права, — проявил неожиданную солидарность со мной Джастудай. — Ты, братец, только и делаешь, что критикуешь. Нет бы что дельное предложить».

«Хорошо, — удивительно легко согласился Кумивар. — Предлагаю смело прыгнуть».

«С ума сошел?! — мысленно завизжала я, словно клинок мог насильно сбросить с замковой решетки. — Я не человек-паук, падение с высоты чревато переломами и летальным исходом».

«Глупости! — фыркнул Кумивар. — Не так уж тут и высоко… В крайнем случае вывихнешь лодыжку или отобьешь пятки».

«Нечего сказать, утешил», — мысленно вздохнула я.

«Но ты останешься жива», — возразил тот.

Если он рассчитывал заразить меня своим оптимизмом, то здорово просчитался. Напротив, я вцепилась в прутья с пылкостью истосковавшейся по объятиям возлюбленной.

«Трусиха», — презрительно констатировал Кумивар.

«Провокатор», — откликнулась я.

— Прыгай! — крикнул мужской голос, и я не сразу поняла, что это не внутренние подначивания эльфийского клинка, отчего-то вознамерившегося ставить на мне бесчеловечные эксперименты на выживание.

На всякий случай я все-таки бросила заинтересованный взгляд вниз, но только окончательно убедилась, что до пола лететь и лететь. Как я умудрилась вскарабкаться на такую высоту, непонятно. Зато теперь можно смело сочувствовать котам, которые, шустро взобравшись на дерево, не имели ни малейшего понятия, как спуститься вниз, и начинали орать благим матом. Коллеги.

«Тоже мне, кошечка», — гнусно хихикнул Кумивар, но был мною проигнорирован.

Зачем снижать собственную самооценку, когда она и так невысока? А диспут со стальным наглецом именно этим и закончится.

— Прыгай, я тебя поймаю! — крикнули еще раз, и до меня наконец дошло, что кричат снизу и голос принадлежит Аполлиону.

Надеяться на поддержку демона? Нет уж, дудки! С него станется просто полюбоваться на мое падение, а затем сообщить Нефре со скорбным видом понесшего невосполнимую утрату жениха о внезапном самоубийстве совершенно спятившей от свалившегося на нее счастья невесты. Может, даже слезу пустит для особой убедительности. Демоны… Как свидетельствует литература, людям от этой братии добра ждать не приходится.

«Наконец-то! Хоть одна здравая мысль в твоей голове, — одобрил мои колебания Кумивар, но сделал это так ехидно, что невольно захотелось поступить с точностью да наоборот чисто из чувства противоречия. — Не прыгай».

«Но ты сам минуту назад советовал катапультироваться», — припомнила я.

«А вот теперь передумал», — ничуть не смутился стальной негодник, запутав окончательно.

На всякий случай бросила еще один испуганный взгляд вниз. Удостоверившись, что за время спора пол зала ближе не стал, загрустила.

— Прыгай! — еще раз напомнил о своем присутствии невольный жених. — Доверься мне.

Но я медлила. И тут случилось, как в известном выражении «глаза боятся, а руки делают». Пальцы разжались, словно их разомкнула чья-то неведомая рука, и я с воплем рухнула вниз. Аполлион поймал, как и обещал, но за секунду свободного падения вся жизнь пронеслась перед глазами, и, попав в крепкие объятия демона, я пришла к выводу, что необходимо что-то менять. Осталось лишь решить, что именно, и дело в шляпе.

— Невеста, которая безусловно доверяет будущему мужу свою жизнь, — это замечательно, — вкрадчиво мурлыкнул Аполлион.

— Ты нарочно это сделал?! — Я возмущенно ткнула пальцем в его грудь, но чуть не сломала несчастный перст о мускулатуру демона и взвыла.

— Что именно? — серьезно уточнил он.

— Заставил разжаться мои пальцы.

— Да? И как, по-твоему, я это сделал? — заинтересовался демон, все еще удерживая меня на весу.

Беда в том, что в мире, где магия обычное дело, существует

множество различных вариантов ее применить… и ни одного известного мне способа уличить в этом кого-либо. Досадно. Поэтому я принялась сверлить собеседника пристальным взором. «Я о тебе все знаю и вижу тебя насквозь», — выразительно говорил этот взгляд. Впрочем, на демона мои жалкие попытки гипноза не произвели никакого эффекта. В ответ он вперил в меня взгляд своих янтарных очей. В глазах демона не было даже намека на раскаяние, извинения не спешили сорваться с губ. Неизвестно, сколько бы еще мы боролись взглядами, но тут окошко в воротах с шумом распахнулось. Створка пролетела в сторону, жалобно скрипнув, ударилась о врата, и только чудом не шлепнула открывшую ее черноволосую демоницу по носу. Дама явно не страдала отсутствием опыта в обращении со своенравной створкой, так как даже глазом не моргнула, узрев изделие местного плотника в опасной близости от лица, а ловко тормознула ее рукой.

— Ну? — тоном бывалой медсестры из регистратуры поинтересовалась она. — Так и будете тут шуметь или уберетесь подобру-поздорову? Ишь взяли моду — ошиваться поблизости! Вы что же это думаете, если здесь живут ночные сестры, можно ломиться в их дверь круглосуточно? Да еще разные срамные картинки на стенах замка малевать? Ни днем, ни ночью от вас покоя нет, охальники чертовы! Сейчас спущу адских псов или заставлю стены отмывать самой маленькой зубной щеткой. А еще лучше языками. Век меня помнить будете!

— Ничего у тебя не выйдет, — весело откликнулся Аполлион.

Демон молодец. Не испугался. А вот я, честно говоря, немного струсила и отступила за спину спутника. Драться с местными трехголовыми собаками не входило в мои планы. Интуиция подсказывала: заставить зверюг отступить малой кровью не получится. Убивать же их вовсе не хотелось.

— Почему? — искренне удивилась демоница.

— Собак я сам обучал.

Привратница удивленно моргнула и пристально вгляделась в лицо моего спутника, будто заметила его только что.

— Лорд Аполлион? — удивленно пролепетала она, прямо на глазах преображаясь из старой карги с вполне натуральными морщинами в прелестную молодую особу с приветливой улыбкой на устах. — Прошу прощения, мой лорд, я тебя не узнала. Богатым будешь.

— Я и так не беден. А плохая память на лица вовсе не извиняет твоего хамства, — сурово изрек Аполлион, и в его голосе прорезалась сталь. — Но я не буду настаивать на твоем суровом наказании, если ты быстро проводишь нас к Лилии, не

станешь задавать глупых вопросов и, разумеется, сохранишь наш визит в тайне.

Демоница покорно кивнула, и замковая решетка с лязгом поползла вверх. Я вздохнула с облегчением. Признаться, до последнего считала, что эта средневековая штука падает вниз, как подвесной мост через ров, наполненный водой. В таком случае впускать станет некого, а наши останки вполне могут разнообразить рацион местных сторожевых псов.

«Ты опять полна пессимизма, — скептически фыркнул Кумивар. — Но сама посуди, зачем дамочкам убивать одного из верховных демонов? К тому же открывайся решетка только вниз, как бы они сами попадали домой?»

«Откуда мне знать? Я же не демонолог. Может, у них есть крылья?» — предположила я.

«Что ж, логично».

Но даже неожиданное признание Кумиваром наличия у меня логики ничуть не утешало. Аполлион галантно подал мне руку, и я ступила на камни туннеля под надвратной башней, судорожно вцепившись в длань демона. С другой стороны от меня важно шествовал Тиграш, который тоже не спешил доверять приветливой улыбке одной из ночных сестер. Его сложно обвинить в паранойе. У самой пупырчатые мурашки по коже бегут, и возникает стойкое ощущение, что горгульи, загадочно улыбаясь, злорадно пялятся вслед.

ГЛАВА 15

Замковая решетка за спиной опустилась с ужасным лязгом, заставив меня невольно вздрогнуть. Ворота захлопнулись с неотвратимостью злого рока, оставляя стойкое ощущение, будто больше не откроются вовсе. Наверное, так начинается клаустрофобия. Ночная сестра впереди шагала элегантной походкой от бедра. Длинный хвост с сердцеобразной кисточкой черного цвета покачивался в такт шагам. Затянутое в черную лаковую кожу тело двигалось по-кошачьи грациозно и высокие каблуки ее вовсе не беспокоили. Я же, несмотря на поддержку с двух сторон, все равно умудрялась спотыкаться. Меня буквально распирало от острой зависти к вызывающей легкости походки привратницы. В галерее под надвратной башней все звуки обретали какую-то особенную зловещую гулкость, и даже собственные шаги приобретали некий инфернальный оттенок.

— «Оставь надежду всяк сюда входящий», — невольно процитировала я фразу классика.

Кажется, это написал Данте, но я не была уверена. Да и какая сейчас разница? Главное, ощущение передано верно.

— О чем ты? — тут же заинтересовался Аполлион моим пессимистическим бормотанием под нос.

— Надпись на вратах ада, — пояснила я.

— Ты посмотри, что за народ?! — искренне возмутилась привратница. — Даже на адских вратах норовят нацарапать всякую ерунду! Просто ничего святого не осталось. Вот же послали небеса грешников! Никакой управы на них, окаянных. Ни в ад, ни в рай не веруют. Ни Бога, ни черта не боятся. Только и знают, что критиковать. Мол, мы тут все ретрограды жуткие, сколько ад стоит — одни и те же муки к грешникам применяем. Ничего нового выдумать не в состоянии. То ли дело раньше… — с эротичным придыханием произнесла она. — Грешники смирные были, непритязательные. Не то что критики в адрес обслуживающего персонала не позволяли, даже дышали через раз, а на выдох нижайше испрашивали позволения.

Она сделала замысловатый знак рукой, и в стене возникла искусно замаскированная дверь.

— Подземельем короче выйдет, — пояснила привратница в ответ на мой недоуменный взгляд.

При слове «подземелье» я невольно вздрогнула. Слово будило стойкие ассоциации с промозглой сыростью, голодными узниками, пыточными застенками и полчищами голохвостых крыс. Но становиться в позу и кричать: «Не полезу я в ваши

подвалы ни за какие калачи с медом!» — было глупо. Аполлион просто пожмет плечами и отправится домой с чистой совестью и с чувством выполненного долга в душе. Если, конечно, душа у демонов имеется. Я же останусь без единственного шанса вернуть друзей. Пришлось экстренно обнаруживать в себе жалкие крохи смелости и бодро шагнуть вслед за провожатой в темный дверной проем, как в разверстую пасть гигантского чудовища. Тут же чуть не поплатилась за самоуверенность.

Сразу за порогом оказались крутые ступени. Разумеется, я в своих чудных, новых, но чертовски неудобных сапогах тут же неловко запнулась о высокий порожек, взвизгнула, потеряла равновесие и чуть не полетела носом вниз, считая многочисленные, плохо освещенные настенными факелами ступени. Хорошо Аполлион оказался начеку. Сильные руки демона крепко ухватили мою талию, не дав свершиться падению, и вознесли обратно на первую ступень.

— Опаньки! Чуть не упала. — Его голос с хриплым придыханием обжег ставшее вдруг чувствительным ухо.

— Осторожно, там порожек, — ехидно предупредила откуда-то снизу привратница.

От нахлынувшей злости я чуть не плюнула вниз, но оценила расстояние и поняла: сто процентов промахнусь. Досада какая.

— Очень своевременно, — раздраженно фыркнула я. — А ты, между прочим, — это уже Аполлиону, — мог бы идти впереди и страховать.

— Мог бы, — как ни в чем не бывало откликнулся тот. — Только леди всегда спускаются первыми. Это не дает мужчине возможности ненароком заглянуть ей под юбку.

— Протри глаза. Где ты увидел на мне юбку? — преисполнилась скепсиса я.

Тоже мне, нашел отмазку, чтобы не идти вперед, а нагло насладиться моим жалким ковылянием из первых рядов.

— На самом деле форма одежды не так уж важна. Главное суть, — спокойно заметил демон.

— Ясно. Кругом одни приверженцы традиций. Ретроградычертовы, — понятливо кивнула я и сделала осторожный шаг вниз. Не упала, не подвернула ногу и даже не споткнулась. Мысленно поздравила себя с маленьким успехом. Шансы добраться до подножия лестницы живой и относительно невредимой микроскопически, но выросли. Аллилуйя! — Кстати, говорят, у пещерных людей была не менее замечательная традиция. Возвращаясь в пещеру после длительного отсутствия, вежливо пропускать женщину вперед. Знаешь, зачем они это делали?

— Понятия не имею. Но, думаю, ты великодушно просветишь

меня на сей счет.

— Разумеется. Они поступали так на случай, если в пещере притаился какой-нибудь хищник. Тогда сначала он нападет на женщину, а мужчина либо смело ретируется, либо попробует убить зверя на ужин.

— Очень предусмотрительно с их стороны, — ничуть не смутился Аполлион. — Казалось бы, пещерные люди, а какая дальновидность.

Я возмущенно фыркнула, но предпочла не вступать в дальнейшую дискуссию о том, какими неблагодарными скотинами иногда бывают некоторые мужчины. Не стоило рисковать простоять здесь весь день, пререкаясь, когда ноги уже нестерпимо гудят от злополучных каблуков. Я отправилась дальше. По всему видно, привратницу нам придется догонять, а излишняя торопливость, учитывая неудобную обувь, практически равноценна изощренному самоубийству. Мое волнение по поводу спуска разделял и Тиграш. Даже спускаясь впереди нашего колоритного трио, я четко слышала, как раздраженный своим бессилием кот нервно хлещет хвостом по стенам. По-хорошему тигра следовало пустить вперед. В таком случае, если бы я упала, то хотя бы на мягкое. Но для рокировки оказалось слегка поздновато. Слишком узкий коридор был рассчитан только на одного посетителя. Двое могли разойтись боком, но тигр точно не сможет протиснуться мимо Аполлиона. Наверное, узкие проходы делали для удобства обороняющих замок, на случай, если кому-то в голову взбредет на него напасть. Или зодчие тоже тупо следовали какой-нибудь замшелой традиции.

Я осторожно опустила правую ногу на ступень и внутренне возликовала, когда ступня прочно утвердилась на поверхности, а каблук не подвел. Внутренний голос подсказывал, что, оступись я, пересчет большого количества выступов закончится для моего хрупкого девичьего организма трагически.

«Вперед, воительница!» — тут же прорезался вечно нетерпеливый Кумивар, заставив меня вздрогнуть от неожиданности и неловко покачнуться на каблуках.

«Смерти моей хочешь?» — испуганно поинтересовалась я у эльфийского клинка, с трудом восстановив утраченное равновесие.

«Ни в коем случае, — сразу пошел в отказ Кумивар, будто не он имел жуткую привычку вступать в споры и вылезать с неуместной критикой в самый неподходящий момент. — Как раз пытаюсь предотвратить твою смерть от старости на вершине этой лестницы. Жалкая, смею заметить, будет кончина. А именно так и будет, если ты не перестанешь мучиться сомнениями по всяким

пустякам. Отбрось в сторону нерешительность, вспомни, что мы с братом говорили тебе о балансе, и вперед. Считай это очередной тренировкой в твоем обучении».

«Легко сказать, но трудно сделать», — тоскливо подумала я, бросив неуверенный взгляд на уходящие вниз ступени.

Падать вниз будет очень больно.

«Не зацикливайся на возможной неудаче, — постарался поднять мой упавший дух Джастудай. — Помни, Вероника, любая мысль материальна, и желания, пусть даже неопределенные, иногда сбываются. Не раздумывай долго. Просто иди».

Легко ему, он ведь железный. Так что даже если мне суждено пересчитать носом каждый чертов выступ, вырубленный в местной породе, и в конце сломать шею, ему вряд ли грозит что-либо серьезное. И тем не менее я продолжила свое схождение вниз. Не годится стоять и ничего не делать, когда с моими спутниками неизвестно что происходит прямо в этот самый момент. Может, именно сейчас их зверски пытают. Как ни странно, это придало сил, открыв второе дыхание.

«А посуда вперед и вперед по лесам, по болотам идет», — всплыли в уме строчки Корнея Чуковского из «Федорина горя».

Видимо, я твердила стишок вслух, как заклинание, потому что, когда мы наконец спустились вниз, демон мило поинтересовался, что это я с таким чувством бормотала себе под нос.

— Классика всегда уместна, — неожиданно смутилась я.

В самом деле, не объяснить же высшему демону, что в качестве ободряющего средства использовала детский стишок.

Коридор от подножия крутой лестницы расширялся. Теперь мы с Аполлионом вполне могли идти бок о бок, не задевая каменных стен руками. Аллилуйя. А то, признаться, я начала опасаться приступов клаустрофобии. Тиграшу, правда, пришлось идти за нами, что его хорошему настроению не способствовало — ну не доверял он демону, и все тут. Терпеливо ожидавшая окончания нашего спуска провожатая смерила нас ироничным взглядом глаз с вертикальными зрачками и предложила следовать за ней. Будто у нас был выбор.

Само подземелье оказалось каким-то нетипичным. Я ожидала сырости, заплесневелого запаха, спертого воздуха, отсыревших стен, дверей с решетчатыми окошками, чтобы тюремщикам сподручней было наблюдать за узниками, деловито шныряющих под ногами крыс с омерзительно голыми хвостами. Готова была услышать скорбное звяканье цепей и душераздирающие стоны несчастных узников, еще не смирившихся со своей печальной участью. Но ничего этого не было.

Было вполне сухо. Стены испускали темно-красное мерцание, а факелы, закрепленные в специальных гнездах, давали достаточно света, чтобы можно было передвигаться по коридору, не рискуя запнуться о какой-нибудь выступ. По обе стороны коридора действительно располагались массивные двери. Но решеток в них не было и подозрительных стонов и воплей не доносилось. В воздухе вместо затхлой сырости плыл аромат каких-то экзотических благовоний с отчетливыми нотками пряностей и цветов. И шепот. Шепот… Эротичный, интимный, словно кто-то нежно нашептывает на ухо предложения страстные, желанные, восторженно-запретные. Будто водят по коже куском теплого бархата, и от этого в сладком предвкушении судорожно сжимаются мышцы живота. Но стоило лишь попытаться сосредоточиться на отдельных фразах, как манящий голос замолкал, оглушая тишиной, а в душе возникало острое, тоскливое чувство потери и сожаления.

— Ты тоже это слышишь? — Я дернула за рукав Аполлиона, чтобы привлечь его внимание к звукам.

— Что именно? — спросил он.

И я почему-то смутилась, словно меня только что застали за чем-то недозволенным.

— Ничего. Показалось. Скажите, а Лилия тоже за века не смогла придумать ничего нового в области мучений грешников? — поинтересовалась я.

Что угодно, лишь бы навязчивый голос заткнулся. Одно дело, когда мне надоедают клинки. К ним я успела немного привыкнуть, а тут еще один прилип.

Привратница резко остановилась, обернулась и обожгла меня таким взглядом, будто я только что залепила ей звонкую пощечину и одновременно плюнула в душу.

— Да будет вам известно, госпожа Лилия совершенна во всех своих действиях, — наставительно изрекла она.

Думаю, если бы меня не сопровождал Аполлион, точно бы не поздоровилось. Да-а, не каждое начальство удостаивается такой пламенной любви подчиненных.

Госпожа Лилия ожидала нас, стоя посреди кроваво-красной комнаты, обитой мягкой на вид тканью и освещенной ярким светом огня в решетчатой жаровне. По стенам живописно развешаны разнообразные кнуты, хлысты, наручники, а также множество предметов неизвестного назначения. С потолка свисали толстые, натертые до блеска железные цепи. У противоположной стены крепились лакированные перекладины из темного дерева с массивными креплениями. Сама демоница, облаченная в немыслимое плетение из белых кожаных ремней,

действительно напоминала хрупкий цветок с терновыми шипами, и смотрелась на редкость гармонично в подобном убранстве. Красоту ее жемчужной кожи только подчеркивали ремни, казавшиеся невыносимо грубым обрамлением для такого совершенства. Серебристые, будто подернутые снежным инеем волосы острижены коротко и подкручены вверх, отчего прическа напоминала колокольчик. Пронзительно-синие, с металлическим оттенком глаза смотрели с нескрываемым интересом. В руках она держала хлыст, время от времени пропуская темные тугие кольца плетеной кожи между пальцами, затянутыми в белые перчатки. Раздававшийся при этом звук напоминал шелест змеиной кожи о пустынный песок.

— Аполлион! — Голос Лилии прозвучал с эротическим придыханием такой концентрации, что у любого мужчины были все шансы потерять голову от страсти. — Понадобилось всего лишь три сотни лет, чтобы ты снова переступил порог моей скромной обители. В аду, наверное, случилось что-то из ряда вон выходящее, раз ты почтил скромных ночных сестер своим визитом.

И в довершение своих слов демоница растянула ярко-алые губы в многозначительной улыбке, казалось, предназначенной каждому индивидуально и дорогой сердцу, как самый желанный подарок на Новый год. По-кошачьи розовый язык медленно и влажно скользнул по губам. Я поймала себя на том, что завороженно пялюсь на ее рот, словно заранее предвкушаю некое продолжение, и от этого по телу медленно разливалось тягучее томление. Я судорожно вдохнула воздух и с удивлением обнаружила, что, оказывается, долгое время задерживала дыхание. Странно. С чего бы это?

Конечно, от ироничного взгляда Аполлиона не ускользнуло мое состояние.

— Не волнуйся. При встрече с ночными сестрами ориентация несколько сбивается. Здесь раздвигаются рамки дозволенного и становится не важной такая мелочь, как половая принадлежность.

— То есть если бы на месте хозяйки замка здесь стоял, скажем… ночной брат, то опасаться следовало бы и за тебя тоже? — мучительно краснея, ехидно поинтересовалась я.

Ненавижу, когда так происходит, но некоторые вещи способны вогнать меня в краску, словно трепетную школьницу. Эта комната сильно напоминала камеру пыток, но в некоем извращенно-гламурном варианте. Сейчас я отчаянно жалела, что не путаю понятия «филателист» и «мазохист».

Мой вопрос заставил несколько поблекнуть улыбку ночной сестры, и она даже сделала плавный шаг назад, элегантно качнув

хвостом с украшенным бисером серебряной кисточкой на конце. Но тем не менее ответа она ждала с любопытством в голубых глазах.

— А это было бы действительно страшно для тебя? — с лукавой улыбкой на чувственных губах поинтересовался демон.

«Да на черта ты мне сдался?» — чуть не ляпнула я, но взгляд вовремя упал на кольцо с янтарем на пальце, и скрепя сердце пришлось прикусить язык. В конце концов, я здесь в роли невесты Аполлиона, и объявлять незнакомой демонице, что «жених» мне совершенно безразличен, — глупо.

— Не знаю, — как можно более честно пожала плечами я. — Как-то не думала о таком варианте.

— А против других женщин возражения имеются? — тут же заинтересовалась госпожа Лилия, и по загадочному блеску ее глаз стало понятно, что вопрос не праздный.

Я удивленно моргнула. Ну и нравы у них в аду! Вот так запросто интересоваться у невесты, с которой только что познакомилась, не будет ли она против измены жениха? Да, буду против. Из принципа. Даже если мне этот самый жених даром не нужен.

— Имеются, — категорично отрезала я.

Мне показалось или демон облегченно вздохнул? Да нет, не может такого быть. За века он наверняка натренировался держать себя в руках в любой ситуации. Вон эльфам это вполне удается. А может, это был вздох сожаления? Да с какой стати? Я же ему невеста только по недоразумению, и мое мнение должно интересовать Аполлиона в последнюю очередь.

— Жаль, — вкрадчиво промурлыкала демоница, хотя по ее лицу нельзя было сказать, что ее очень сильно опечалило подобное известие. — Впрочем, когда меня трогали возражения смертных рабынь.

— Прошу прощения, дорогая Лилия, за мою невольную оплошность. — Крепкая рука Аполлиона по-хозяйски обняла мою талию. Если он хотел о чем-то меня предупредить — зря старался, намек я не поняла. — Я совсем забыл о приличиях. Позволь представить тебе мою очаровательную невесту…

Тут он замялся. Имени моего он не помнил, кажется, я его и не сообщала. Просто потрясающая демонстрация современных нравов в аду! Жених даже не знает имени собственной невесты.

— Вероника Погорелова, — ехидно сообщила я потрясенной неожиданной новостью демонице. — Прошу любить и жаловать.

Это уже я слышала в каком-то фильме. Надеюсь, фраза пришлась к месту. Хотя даже если ни к селу ни к городу, спишем на волнительность момента.

— Вот как? — искренне удивилась Лилия, и ее хвост с кокетливо украшенной бисером кисточкой нервно щелкнул по полу. — Вот это новость так новость! — Ее губы растянулись в некоем подобии улыбки, слишком напоминающей волчий оскал, чтобы быть выражением искренней радости по поводу неожиданного известия.

— И это все? — хмыкнул Аполлион, которого, по всей видимости, ситуация забавляла. — Никаких поздравлений и пожеланий долгих лет жизни? Совета да любви?

— Слишком банально, — отмахнулась та рукой с хлыстом, и на секунду мне показалось, что плетеная кожа хлестко пройдется прямо по моему лицу.

Я дернулась и зажмурилась, что изрядно порадовало демоницу и крайне раздосадовало меня. Только рука Аполлиона, крепко вцепившегося железной хваткой в мою талию, не дала отпрыгнуть в сторону, как перепуганной кошке.

— А я, знаешь ли, не люблю банальностей. Впрочем, когда слишком оригинальничают — тоже. Скажи мне, как это тебя угораздило предложить руку и сердце человеческой девчонке? Ведь помани ты даже не пальцем, а хотя бы ногтем, любая демоница сочтет за честь обменяться с тобой брачными обетами.

— Ты действительно так думаешь? — лениво протянул Аполлион, и по тому, как его пальцы скрипнули ногтями по коже моего наряда, я поняла, что ход разговора ему нравится не больше моего. — Так вот почему ты упорно присылала мне своих сестер и даже некоторых инкубов? Тебя так живо интересует моя личная жизнь, что ты решила взять на себя роль адской свахи?

— Бедняжки! — По прекрасному лицу Лилии скользнула тень то ли досады, то ли сожаления. — Ты был с ними так груб.

— Ровно настолько, насколько они сами того заслуживали, — бескомпромиссно отрезал Аполлион.

— Значит, ко мне ты пришел не для того, чтобы извиниться за свое поведение, — хмыкнула демоница. — И полагаю, не затем, чтобы представить новоиспеченную невесту.

— Ты угадала. — Мой спутник смягчил свой тон ровно настолько, чтобы в нем не слышался металл. И тем не менее каждое слово он умудрялся произносить с такой интонацией, словно стилет вонзал под ребра и с наслаждением его поворачивал. Наверное, этому искусству в аду учат на специальных уроках. Если так, то Аполлион явно был одним из лучших учеников. — Моя нареченная желает получить обратно свою свиту, по какой-то нелепой ошибке угодившую к твоим сестрам. Похоже, демон, который их переправлял в ад, все перепутал и вместо моих покоев доставил их на рынок рабов.

Будь спокойна, я найду его и собственноручно накажу за преступную оплошность. И тем не менее все спутники должны быть возвращены в целости и сохранности.

— Могу я узнать, о ком именно идет речь? — Демоница даже бровью не повела, и робкая надежда на благополучный исход нашего предприятия затеплилась в моей груди.

Может быть, мои друзья не такой уж лакомый кусок для местных жителей. Если она согласится с ними расстаться, останется только Лисса. Одного человека гораздо проще вызволить, чем целую группу.

Так как Лилия и Аполлион дружно уставились на меня, я поняла, что слово за мной. Я судорожно сглотнула неожиданно возникший в горле ком, прокашлялась и постаралась как можно точнее описать темного эльфа лорда Тиррэля, светлого лорда Эллэна, Линка, рыцаря сэра Толеснала, его оруженосца Кехта и эльфов из клана Зрящие в ночи — Арагорна с его учеником Скворчащим Животиком.

К концу моего монолога демоница тронулась с места и медленной, волнующей походкой направилась в мою сторону, соблазнительно покачивая стройными бедрами. Тугие кольца хлыста скользнули меж ее пальцев, словно живая змея спустились до пола, и поползли к моим ногам. Они поднялись по щиколоткам, чуть задержались на икрах, проползли по бедрам, проследовали по открытой коже между грудей и осторожно коснулись скул. Почему-то у меня возникло стойкое ощущение, словно тело плотными кольцами обвила змея по толщине не меньше удава. Мерзкое чувство, от которого хотелось бежать прочь со всех ног, несмотря на проклятые каблуки. Но рука Аполлиона все еще крепко, словно якорь, удерживала меня на месте. Спасибо ему за это. Вот уж никогда не думала, что буду благодарна демону. Воистину пути Господни неисповедимы.

Тем временем Лилия приблизилась вплотную. Так близко, что со стороны могло показаться, что она намеревается поцеловать кого-то из нас. На самом деле ни я, ни Аполлион не жаждали ее поцелуев.

— Какой обширный список мужчин, — нежно, словно слова любви, прошептала она. — Аполлион, твоя невеста действительно такая неукротимая шалунья? И ты позволяешь нареченной иметь свой гарем? Мало того, хлопочешь за него? Просто поразительно высокие отношения… Даже в аду такое великодушие редко встречается.

Целых несколько секунд понадобилось, чтобы до сознания все-таки дошел смысл ее слов. Она что, действительно считает, что все мои спутники являются моими любовниками по

совместительству? Как ей только такое в голову пришло?

— Они вовсе не мой гарем, — возмутилась я.

— Неужели? — вкрадчиво промурлыкала Лилия, и ее по-кошачьи розовый язык медленно скользнул по губам, словно маня к ним прикоснуться. — Тогда объясни мне одну вещь. Зачем мужчинам в таком ассортименте тащиться вслед за женщиной в ад? Что ты могла предложить им такого, что они не убоялись ни демонов, ни адского пламени? На свете не так уж много причин, по которым мужчины начинают вести себя как ослы, и секс — как раз одна из них, и не последняя по значимости.

Я удивленно захлопала глазами. Правдоподобно объяснить, почему именно мы все оказались здесь, не ломая основную легенду моего будущего замужества, наверное, можно, только мне ни одна путевая мысль в голову не лезла. Оставалось только проглотить упорно рвущиеся наружу грубые слова. Демоница же приняла мое молчание, полное внутренних терзаний, за знак согласия и усмехнулась.

— Значит, ты готова вернуть их? — спросил Аполлион.

— Разумеется… нет, — с самодовольным видом кошки, узревшей, как глупая мышка попалась-таки в мышеловку, выдохнула она. — Чего ради мне возвращать рабов, честно приобретенных на невольничьем рынке? Разве ты сам когда-либо интересовался у работорговцев, где именно они взяли свой товар? Придя на рынок, ты спрашиваешь лишь цену.

— Тогда продай их мне. Я готов заплатить вдвое против уплаченного, — не сдавался демон.

— Вот как? — изогнула красиво очерченную бровь она. — Ты готов дорого платить за шалости своей будущей супруги? Надо же, как неожиданно.

— Считай это личной услугой.

— Даже так? Хорошо. Я подарю тебе их всех… — Мое сердце пропустило удар, услышав это. Неужели демоница отдаст моих друзей, ничего не требуя взамен? И в аду бывают альтруисты? — Но только на вашу свадьбу. Хороший подарок.

Да уж. Я чуть не вцепилась ногтями в ее надменное лицо, но и тут Аполлион успел удержать меня на месте. Если учесть, что здешние помолвки длятся веками, демоница вполне могла пообещать хоть луну с неба ровно с тем же успехом, прекрасно зная, что я просто не доживу до его вручения.

— На помолвку, — нагло заявила я, глядя прямо в ее пронзительно-синие, с металлическим оттенком глаза.

— На помолвку? — удивилась та.

— Разумеется. Ведь здесь же празднуют обручение или как? — обернулась я в поисках поддержки к Аполлиону. —

Пригласим Нефру с Рефецием. Будет повод сшить себе что-нибудь красивое.

Надеюсь, даже в аду знают, что становиться между женщиной и обновкой не рекомендуется никому. Вряд ли Нефра является исключением из правил и наверняка любит блеснуть новинками своего гардероба перед окружающими.

— Что ж, согласна. На помолвку так на помолвку. Жду от вас приглашения для меня и сестер. Кстати, когда намечается знаменательное событие?

— Через месяц, — спокойно откликнулся Аполлион, будто мы с ним раньше обсуждали грядущий праздник.

— Через месяц? — разочарованно протянула я.

Целый месяц в аду? Ну это уж слишком. А для пленников каждый день может казаться длиною в жизнь.

— Понимаю, это слишком скоро. У нас едва хватит времени, чтобы подготовить достойную церемонию, как ты этого заслуживаешь, но мы же не станем устраивать слишком пышный прием. Позовем только самых избранных и близких, — пояснил Аполлион, прежде чем я успела открыть рот и все испортить.

— Как приятно сознавать, что я отношусь к их числу, — молвила Лилия. — С нетерпением жду приглашения.

Огненноволосый вежливо заверил демоницу, что приглашения пришлет ночным сестрам одним из первых с нарочным бесом, и смертельно обидится, если кто-то посмеет не явиться на праздник. К чести Аполлиона, он успел откланяться раньше, чем я отреагировала на приторность фраз, рассыпаемых перед Лилией. Большое человеческое спасибо ему, что четко почувствовал ту тонкую грань, за которой у меня мог случиться приступ тошноты.

В коридоре вместо привратницы нас встретила блондинистая демоница, чьи рожки оказались кокетливо покрыты позолотой, а кисточка хвоста украшена то ли стразами, то ли брильянтами (я не знаток, одно от другого не отличу). Ее золотые каблучки звонко цокали по полу подземелья, а у меня сложилось стойкое ощущение, что она пристально наблюдает за нами, хотя глаз на ее спине не было заметно. Может, это паранойя?

Наверное, надо было врезать этой ночной сестричке хорошенько. А что? Против двух эльфийских клинков кнут — плохая защита.

«Мне нравится ход твоих мыслей, воительница, — радостно хихикнул Кумивар, который всегда не против хорошей драки и искренне считает бой единственным решением любых проблем. — Еще не поздно вернуться и силой заставить отдать то, что не может принадлежать ночным сестрам. Никто из живых не

принадлежит аду, пока душа еще держится в теле».

«Ты прав и не прав одновременно, брат мой, — прорезался Джастудай. Он редко высказывал мнение в наших пикировках и еще реже принимал чью-либо сторону. — Умереть мы всегда успеем».

«Умереть? — фыркнул Кумивар. — Кто здесь говорит о смерти? Я предлагаю силой проложить путь к свободе, но умирать при этом вовсе не обязательно».

«Ты действительно так считаешь? — вопросил Джастудай. — Но наша Вероника знакома с Аполлионом всего ничего. Пусть всем обитателям ада он представляет ее как свою нареченную, но нам неизвестно, чью сторону он примет в этом сражении. Демоницы, которую знает не один день, или человеческой женщины, которую знает без году неделю? Молчу уж о том, что на крики Лилии может сбежаться охрана».

«Охрана? — презрительно фыркнул Кумивар. — Никакой охраны, кроме демониц, мы не встречали. А насколько я могу судить, ночные сестры не вооружены. Если только не умудрились спрятать что-нибудь опаснее собственных чар под облегающие одежды. Сдается мне, твоя речь всего лишь жалкое оправдание собственной трусости».

«Если ты не видел охрану, это вовсе не означает ее отсутствие, — возразил Джастудай. — Тебе ли объяснять, что некоторых охранников практически невозможно обнаружить, пока не наткнешься на их алебарды? Так хоть есть надежда вернуть команду через месяц».

«Целый месяц, — тоскливо подумала я. — Для них это будет вечность».

«Лучше такая вечность, чем реальная, — отрезал Джастудай. — Раньше приличного приема не подготовить, а все должно хотя бы выглядеть достоверно».

Я надулась. Знаю, что глупо. И обижаться особо не на кого, кроме шамана, до которого дотянуться ручки коротки. И все же на губах ощущался горький привкус поражения. Мы вышли из замка ночных сестер без тех, за кем сюда пришли, и это было как острый нож в сердце. Ворота захлопнулись за нашими спинами с каким-то особым звуком, будто никогда не откроются для нас снова.

Брат Аполлиона Аббадон проживал не очень далеко от ночных сестер. Обозленная приемом Лилии, я прошагала весь путь, даже не чувствуя неудобств собственной обуви, лишь вскользь замечая, как встречные демоны почтительно кланяются моему спутнику. Замок Аббадона был построен из какого-то материала цвета слоновой кости. Даже при ближайшем

рассмотрении нельзя было разглядеть стыков между кирпичами, как и самих кирпичей. Создавалось впечатление, словно неизвестный зодчий либо выдолбил его целиком из породы, либо отлил в гигантскую форму, а затем кропотливо отшлифовал. В любом случае эффект был потрясающий. Стены венчали ажурные бойницы, сами бывшие произведением искусства. Золотые ворота ослепляли сиянием множества бликов от магического освещения с высокого потолка. Окна замка украшали замысловатые резные решетки, придавая ему некую невесомость, словно громада не весила ровным счетом ничего и ее удерживает лишь высокий свод пещерного зала, а не то строение воспарило бы прямо в небеса.

На этот раз мне не понадобилось лезть на решетку, что, признаться, порадовало. Нам не пришлось даже воспользоваться массивным дверным молотком, когда ворота приветливо распахнулись, и словно из воздуха соткались прекрасные, как день и ночь, рабыни. Обе стройные, высокие, с узкой талией; их тела соблазнительно просвечивали сквозь струящиеся прозрачные одежды. На изящных шеях красовались золотые ошейники, на щиколотках мелодично позвякивали браслеты с бубенцами. Но на этом их сходство заканчивалось. У одной девушки была черная, как ночь, кожа, блестящие карие глазами и роскошные иссиня-черные кудри, спускавшиеся до самых крутых бедер. Другая — пепельная блондинка с прямыми шелковыми волосами, белой, словно мрамор, кожей и синими сапфирами глаз.

— Наш господин приветствует своего брата и ожидает вас, — дружно воскликнули девушки так, словно репетировали речь не единожды. Впрочем, думаю, так оно и было. — Для нас честь проводить желанных гостей к господину.

На этот раз нас не повели подземным переходом, а выбрали путь через мощеный замковый двор. Девушки шествовали впереди волнующе походкой восточных танцовщиц. Мягкие туфли с загнутыми носами беззвучно ступали по булыжникам. Аполлион тоже передвигался с бесшумной грацией хищника. Мои каблуки цокали, словно подковы вернувшейся из странствий лошади, звук гулко отражался от стен, и от этого становилось жутковато.

В самом замке царил восхитительный аромат восточных специй и нежный запах экзотических цветов. В атмосфере было разлито что-то неуловимо сладостное и томное, словно жаркие ночи любви на прохладном шелке простыней.

Сам хозяин этого великолепия возлежал в просторном зале среди расшитых золотом и шелком подушек, курил кальян и пускал ровные кольца дыма в потолок. Смуглый, огненноволосый, с янтарными глазами. В общем, семейное сходство

присутствовало. Длинные волосы прибраны на затылке и спускаются словно шелк на спину. Черная кожаная безрукавка как вторая кожа облегала мощный торс, оставляя открытыми мускулистые руки с широкими золотыми браслетами на запястьях. Черные атласные шальвары перехвачены алым шелковым кушаком. Расшитые золотой нитью туфли с загнутым носом дополняли наряд Аббадона. Несколько девушек расставляли на ковре перед ним блюда со сладостями, но, завидев нас, удалились так поспешно, что мне показалось, будто они были всего лишь плодом моего разыгравшегося воображения.

— Мой брат! — радушно приветствовал Аббадон моего спутника, указывая нам на подушки напротив. — Давно ты не удостаивал меня своим визитом. А это, надо полагать, твоя невеста? Слышал этот занимательный анекдот. У нашей сестры весьма оригинальное чувство юмора.

— Да, в чем в чем, а в оригинальности сиятельной Нефре не откажешь, — усмехнулся Аполлион, мягко опускаясь на предложенное сиденье.

Я же, как ни пыталась смягчить свою посадку, все равно шлепнулась на пятую точку с изяществом лягушки, взгромоздившейся на болотную кочку. Тиграш лег за моей спиной.

— Угощайтесь, — сделал широкий жест Аббадон, указывая на импровизированный стол.

Я с жадностью посмотрела на предложенные блюда, но есть не стала. Сплошные сладости. Нет бы положили кусок мяса или хотя бы сухарики, а то сразу десерт. Почему-то считается, что женщины готовы употреблять вкусности в любое время суток. По своему опыту знаю — десерт на пустой желудок только подхлестнет аппетит.

— С чем пожаловал? Решил познакомить с невестой и заодно пригласить на свадьбу? — Аббадон выпустил очередное колечко дыма и проводил его довольным взглядом.

— Скорее на помолвку, брат. До свадьбы еще далеко, — в тон ему откликнулся Аполлион.

— За чем же дело стало? В твоей власти ускорить процесс. Или, может быть, ты втайне надеешься избежать брачных уз? Думаешь, Нефра переключится на какую-нибудь новую затею и забудет о таком славном развлечении? И не надейся. Нефра непостоянна, но я том, что касается брака, у нее железная хватка.

Аполлион поморщился, как от горькой пилюли. Возможно, мысль счастливо избежать грядущей свадьбы действительно будоражила его мозг, а может, ему просто не нравились слова брата.

— Может, и так. Но я пришел по другому поводу. До меня дошли слухи, что ты с последней партией приобрел человеческую девушку. Ее зовут Лисса, и она подруга моей невесты. Мне бы хотелось сделать будущей супруге подарок, вернув ей подругу, которая к работорговцу попала по ошибке.

Аббадон вперил внимательный взгляд янтарных глаз сначала в меня, как в предполагаемую зачинщицу изъятия его собственности, затем в Аполлиона.

— Дорогой брат, я начинаю склоняться к мысли, что твоя женитьба не такая уж плохая идея. Ты слишком долго жил один, избегая даже общества ночных сестер. Хочу напомнить, что больше всего женщин, за редким исключением, радует внимание мужчин, а не подруг. Им нужна мужская любовь, нежность и подарки, а подруги должны восхищаться таким восхитительным положением вещей.

Я невольно дернулась от возмущения, но рука демона удержала меня за колено. Со стороны казалось, будто он жестом собственника поглаживает мою ногу, на самом же деле цепкие пальцы не давали подняться на ноги без открытой борьбы.

— И тем не менее я настаиваю, — лениво усмехнулся Аполлион. — Подружка невесты — это так важно для человеческих женщин. Я бы предложил на эту роль демоницу, но моя нареченная решила строго следовать традициям. У женщин свои причуды.

В этот момент я серьезно раздумывала: сойдет ли хорошая оплеуха за женскую причуду?

Некоторое время Аббадон рассматривал нас, как пару забавных насекомых, пока не изученных, но весьма любопытных.

— Хорошо, — торжественно кивнул он, и в произнесенном им слове отчего-то почувствовался какой-то подвох. Так, когда продавщица на рынке торопливо накладывает в пакет черешню, чувствуешь, что в середину точно положил и испорченную. — Но с одним условием. Девушка должна пойти с вами по собственной воле.

— Что это значит? — осторожно, чтобы не спугнуть удачу, поинтересовалась я.

— Все просто. Я велю привести девушку. Вы предложите ей отправиться с вами. Если она отказывается, то остается у меня, — охотно пояснил Аббадон. — Вы согласны?

Аполлион кинул выразительный взгляд в мою сторону. Я не сразу поняла, что честь принять окончательное решение принадлежит мне.

— Согласна, — устало кивнула я, так как не могла придумать ничего более удачного.

И все-таки подвох был. Но где? Ведь ежу понятно, в чью пользу Лисса сделает выбор. Неужели Аббадон серьезно считает, что она решит остаться у него в плену?

Демон звонко хлопнул в ладоши, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, а тигра зарычать. Впрочем, наши чувства не имели для демона ровно никакого значения. Извиняться он не стал. Несколько девушек в легких прозрачных одеяниях гибкими тенями возникли из-за легких занавесок и поклонились своему господину. Он кинул им несколько отрывистых фраз, и они, низко склонившись в поклоне, попятились спиной, чтобы через несколько минут вернуться в компании моей подруги.

Лисса вошла, мягко ступая расшитыми зеленым бисером туфлями с загнутыми кверху носами по высокому ворсу ковра. Прозрачное изумрудное одеяние оттеняло глубину ее зеленых глаз. В черных волосах сияла золотая диадема с изумрудами, мочки ушей оттягивали длинные массивные серьги, украшенные изумрудными камнями. Густо подведенные глаза смотрели вроде бы на меня, но ни проблеска узнавания в них не было заметно.

— Лисса! — удивленно воскликнула я. — Разве ты не узнаешь меня? Это же я, Вероника!

Но наша колдунья скользнула по мне безучастным взглядом и уставилась на Аббадона с таким обожанием, словно в нем одном сосредоточился весь смысл ее жизни.

— Мой господин, — нежно проворковала она. — Вы звали меня?

— Да, моя дорогая, — с улыбкой на точеных губах отозвался тот. — Тут неожиданно выяснились обстоятельства твоего попадания в ад. Говорят, что ко мне ты попала не по праву. Хочешь ли ты остаться у меня в услужении или последуешь за своими друзьями? Выбирать тебе. Но выбор нужно сделать сейчас.

Лисса рухнула на колени и простерла руки к демону, умоляя:

— Нет-нет, мой господин, не отдавайте меня! Я хочу служить лишь вам одному! Если кто-то хочет забрать меня, не верьте им. Они все бессовестно врут, желая нас разлучить.

И тут я не выдержала, вскочила на ноги и сгребла явно ополоумевшую колдунью за грудки, не обращая внимания на то, что ткань ее легкого одеяния расползается под пальцами от такого напора. На ковер посыпались бусины вышивки, но мне было плевать.

— Лисса! — заорала я, глядя в удивленные глаза подруги. — Это же я! Разве ты не помнишь меня? Норандириэль, которую мы ищем? Бросай придуриваться и пошли отсюда!

Но девушка лишь удивленно хлопала своими зелеными с

поволокой глазищами, тщетно пытаясь оторвать мои пальцы от своей одежды.

— Как думаешь, когда твоя невеста разденет мою рабыню, она успокоится? — поинтересовался Аббадон у своего брата.

— Понятия не имею, — безразлично пожал плечами Аполлион. — Она у меня очень… темпераментная особа. И к тому же не всегда предсказуемая.

Я обернулась в их сторону с намерением рявкнуть, чтобы заткнулись и не мешали, но тут окружающий мир подернулся какой-то цветной дымкой, вокруг поплыли круги, голова закружилась, и я полетела куда-то вверх, визжа от ужаса.

«Ну и куда это нас опять понесло?» — риторически вопросил Кумивар, а у меня даже не было сил съязвить что-нибудь в ответ.

ЭПИЛОГ

Я жестко приложилась спиной о каменный пол и ахнула. Тиграш свалился сверху и выбил из груди те жалкие остатки воздуха, что там еще оставались. Выдохнула я, а вдохнуть не могу. И крикнуть не могу, чтобы тигр убрался с меня, пока не пережил еще одного хозяина или в данном случае хозяйку. Но Тиграш — зверь умный, сам догадался и в сторону откатился. Я шумно втянула воздух и закашлялась. Тигр ушел, а шерсть никуда не делась. Линяет он, что ли? Интересно, куда это меня на сей раз занесло? А посадочка-то жесткая оказалась.

«Не все ж тебе на кровати падать. Так и пальцев для колец может не хватить, — ехидно прокомментировал Кумивар. — А мы, между прочим, разъединились».

Ну хоть одна приятная новость.

— О моя спина! — простонал рядом мужской голос, и кто-то высказался по-эльфийски явно ругательно.

«Везет тебе на общество мужчин, как эльфийских, так и обычных. И что они все в тебе находят? Польститься-то, между нами говоря, не на что», — доверительно сообщил клинок.

«А им нравится моя тонкая душевная организация», — парировала я.

Замечательный у эльфов язык — даже ругань звучит как музыка. Интересно, почему так темно? Включил бы свет кто-нибудь, что ли.

«А ты глаза открыть не пробовала?» — поинтересовался Кумивар.

И точно. Стоило открыть глаза, как я не только буквально прозрела, но и подпрыгнула вверх, как перепуганный кенгуру. На меня смотрел среброволосый эльф из моих снов.

— А-а-а-а! Зомби! — заверещала я, заставив всех вокруг зажать уши от выданного ультразвука.

Шаман троллей, умудрившийся боязливо закогтиться где-то на потолке пещеры, где я оказалась, вздрогнул и чуть не разжал судорожно скрюченные пальцы, но вовремя спохватился и вцепился в камни с еще большим энтузиазмом.

— Где? — тут же заинтересовался как сам зомби, так и затрепыхавшиеся вокруг окружающие.

Как оказалось, в пещеру вернулась не я одна. И не я одна при этом выглядела несколько необычно. Лорд Эллэн и лорд Тиррэль щеголяли в кожаных шортах, ошейниках с шипами, со следами укусов или страстных поцелуев на торсах. Скворчащий Животик выглядел как ошеломленная жертва кораблекрушения, в котором

оказался единственным выжившим. Его наставник Арагорн тщетно пытался удержать на лице маску невозмутимости, но даже сквозь темную кожу пробивалось нечто вроде румянца. Как это возможно? Понятия не имею. Но выглядело именно так. Он безуспешно пытался одернуть весьма условную набедренную повязку и явно расстраивался, что ничего не выходит. Линк, сэр Толеснал и оруженосец Кехт, облаченные в какое-то жуткое сплетение кожаных ремней, больше подчеркивающих рельеф мышц, чем что-либо скрывающих от постороннего взгляда, тщательно пытались не смотреть друг на друга. Лисса потрясенно хлопала изумрудными глазами и, казалось, не совсем понимала, что вокруг нее происходит. Мужчины старательно отводили глаза от ее прозрачного наряда.

— Вероника, так где зомби? — поинтересовался у меня совершенно незнакомый блондинистый эльф, чьи васильковые глаза отчетливо напоминали Норандириэль.

Я не стала интересоваться у незнакомца, откуда ему известно мое имя. Момент был не тот. Вместо этого обвинительно ткнула пальцем в сторону среброволосого эльфа с янтарными глазами, в чьих глубинах мерцали изумрудные крапинки, и выдохнула:

— Он! Он — зомби! Он даже во сне ко мне являлся и угрожал. Где хочешь, говорил, найду. И нашел!

Но, вопреки моим ожиданиям, никто не кинулся на живого мертвеца с целью его упокоить. Все дружно уставились на него, как в немой сцене, но не тронулись с места.

— Видимо, упокоить придется мне, — тяжко вздохнула я, выискивая взглядом клинки на полу.

Тиграш осторожно подобрался ближе и уселся возле левой ноги, готовый ко всему.

— Рад тебя видеть. Какой славный у тебя костюмчик, — ничуть не смутился среброволосый, укрепив меня во мнении, что зомби нынче пошли очень наглые. — Но я вовсе не зомби.

— А кто? — подозрительно сощурилась я. — Я же видела тебя мертвым, значит, ты восставший мертвец, который не может обрести покой. Теперь ты просто заговариваешь зубы, а ночью подкрадешься и станешь душить…

— Какое богатое у моей сестры воображение, — рассмеялся тот в ответ.

— У кого? — настала очередь удивляться мне.

Похоже, я слишком сильно ударилась головой при падении, и как результат, — со слухом проблемы и сознание помутилось.

— Так я твой брат, а ты мне сестра, — нагло заявил эльф. — А он, — кивок в сторону неизвестного блондинистого эльфа, — между прочим, старший брат принцессы, которую вы все дружно

ищете. А это мой тигр, брат твоего тигра, — добавил он, и из-за его спины вынырнуло практически зеркальное отражение Тиграша и с подозрением уставилось на нас.

— Ну просто индийский сериал какой-то, где все друг другу родственники, — опешила я и села бы на пол пещеры, если бы не Тиграш, который своевременно подставил свою спину под мои ослабевшие ноги. — Может, и он нам родственником приходится? — ткнула я в сторону пытавшегося слиться с ландшафтом шамана троллей.

— Не-э-эт. Это просто шаман. Сильно запуганный, конечно, но по-другому вызволять вас из ада он отказывался, — пояснил так называемый «брат принцессы, которую мы все дружно ищем».

— Все это вранье на постном масле, — авторитетно заявила я. — Точно знаю, что я в семье — единственный ребенок, а стало быть, у меня нет братьев ни человеческих, ни эльфийских. И вообще, там, откуда я родом, эльфов нет.

— Так я сейчас тебе все объясню, — ничуть не расстроился посетитель моих снов. — Что ты знаешь об эльфийских близнецах?

Пришлось признаться — об эльфийских близнецах я не знала ничего.

— Тогда предлагаю накинуть на себя что-нибудь теплое, раздобыть чего-нибудь поесть, и я все расскажу, — пообещал эльф.

Ладно. Если он и зомби, то, по крайней мере, заботливый.